

Б.В. Долгов

**ИСЛАМИСТСКИЙ
ВЫЗОВ
И АЛЖИРСКОЕ
ОБЩЕСТВО**

ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

Б.В. Долгов

**ИСЛАМИСТСКИЙ ВЫЗОВ
И АЛЖИРСКОЕ ОБЩЕСТВО
(1970–2004 гг.)**

Москва 2004

Научное издание

Б.В.Долгов

ИСЛАМИСТСКИЙ ВЫЗОВ И АЛЖИРСКОЕ ОБЩЕСТВО (1970–2004 гг.)
М., 2004, 274 стр.

Ответственный редактор

профессор С.А.Кириллина

Рецензенты

профессор Г.Г.Косач;
доцент И.В.Кудряшова

Мнение автора может не совпадать с точкой зрения Института.

ISBN 5-89394-139-X

ISBN 5-89394-139-X

© Институт изучения Израиля и Ближнего Востока

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мне абсолютно очевидно, что издаваемая Институтом изучения Израиля и Ближнего Востока монография Б.В.Долгова будет внимательно и заинтересованно прочитана теми читателями, которым она предназначена. Для этого есть действительно весомые причины.

Одна из них лежит, по сути дела, на поверхности мировых событий, трагически затрагивающих и Россию. Б.В.Долгов представляет работу, рассматривающую ситуацию в стране, где возникла и действует мощная оппозиция, апеллирующая к лозунгам, которые, по мнению ее представителей, тесно связаны, если не вытекают из концептуальных установок одной из мировых религий. Эта религия, конечно же – ислам, а страна – Алжир, где развивавшаяся в течение нескольких последних лет ситуация могла, казалось бы, привести к анархии и полному краху государственных институтов и общественных структур. Иными словами, автор монографии (стоило бы добавить, еще начинающий исследователь) предпринял анализ проблемы, которая на протяжении длительного времени находилась в центре внимания его предшественников – не только ученых, но и политиков, общественных деятелей и журналистов. Б.В.Долгов в этой связи должен был найти собственный путь анализа, представить собственное видение причин возникновения алжирской исламистской оппозиции и оценить действия местного истеблишмента, направленные на то, чтобы минимизировать последствия оппозиционного вызова. И сразу же возникает вопрос: справился ли с этой задачей автор?

Для меня вновь очевидно, что ответить на этот вопрос можно лишь утвердительно. Б.В.Долгов далек от того, чтобы, рассматривая и истоки алжирской драмы, и ее последствия, следовать обычным клише. Это происходит, в первую очередь, в силу того, что он принадлежит к национальной исследовательской школе с ее уже сложившейся традицией анализа любого общественно-политического феномена во всей его совокупности и многосторонности. В случае же Алжира эта

традиция нашла свое воплощение в трудах известных отечественных ученых (в ряду которых ведущую роль играет, конечно же, Р.Г.Ланда), давно и целенаправленно изучающих эту страну с точки зрения самых разнообразных аспектов ее эволюции. Принадлежность автора монографии к этой школе (доказываемая самим текстом работы), его стремление опереться на достижения своих предшественников, максимально возможный учет их точек зрения и стали во многом залогом того, что монография Б.В.Долгова достойна того, чтобы предложить ее российскому читателю.

Тем не менее всего лишь следования традиции отечественной школы вовсе недостаточно для того, чтобы успешно справиться с поставленной исследовательской проблемой. Более того, это следование может стать реальностью только в том случае, если автор вносит в эту традицию собственный вклад и в этой связи, обновляя ее, предоставляет ей возможность последовательно эволюционировать.

Мое мнение может, разумеется, быть оспорено, но для меня опять же очевидно, что на сегодняшний день (и на фоне уже появившихся публикаций о религиозной оппозиции в Алжире и, шире, в странах Магриба) монография Б.В.Долгова представляет собой наиболее полное исследование алжирского исламистского «проекта», включая и положение его многообразных сторонников после состоявшихся в 2004 г. президентских выборов. Случаен ли этот вывод? Вне сомнения, нет. Автор построил свою работу на действительно серьезной базе источников. Его интересовали выводы как его российских, так и зарубежных (алжирских, французских, американских) коллег. Наконец, объективность его оценок была определена и тем, что одним из принципиальных источников монографии стали личные наблюдения автора, знающего алжирскую ситуацию не в качестве стороннего наблюдателя, а человека, стремившегося, находясь там, как можно лучше познакомиться с ней.

Все это вовсе не означает, что я разделяю все выводы и оценки Б.В.Долгова. Мне, например, вовсе не кажется, что основной причиной выдвижения исламского «проекта» его алжирскими сторонниками стал тот «системный» социально-экономический кризис, который действительно стал реальностью Алжира в 1980–1990 гг. Напротив, мне представляется, что этой причиной стал разрыв между основами констру-

ирования алжирской идентичности, когда важнейшим ее фактором провозглашалась религия, с одной стороны, и потребностями созидания и новой государственности, и новой национальной самоидентификации в условиях сегодняшнего дня, с другой. Обращение к исламу (впрочем, это относится к любым попыткам обращения и к иным религиозным концепциям) как к орудию антифранцузской мобилизации и времени войны за независимость, и эпохи постколониальной эволюции, как к едва ли не единственному инструменту самосознания алжирцев всегда порождало несовместимые с основными тенденциями мирового развития ксенофобию и самозамыкание на «почвенничестве», всего лишь усиленные «системным» кризисом. Впрочем, кто же мог думать об этом в то время, когда освобождение от чужеземного ига и независимость открыли перед Алжиром перспективы, казалось бы, радужного будущего.

Но, говоря об этом, я понимаю, что, быть может, предлагаю автору немного иную систему координат самого анализа проблемы. А ведь он уже избрал свою собственную манеру прочтения проблемы, успешно действующую и ничуть не заслуживающую отрицания или осуждения.

Тем не менее для меня существенно и другое обстоятельство: рассматривая ситуацию в Алжире после президентских выборов 2004 г., Б.В.Долгов говорит о заинтересованности властей в диалоге со всеми сегментами национального социума. Эти сегменты (речь, в первую очередь, идет об исламистских группах политического действия), отвечая власти, включаящей их в политический процесс, приобретают позитивную направленность. Я понимаю (а это доказывает текст монографии), что предлагаемый властью диалог стал возможен только после того, как она, используя жесткие методы, добилась существенного преимущества в противостоянии оппозиции. Я понимаю также, что оппозиция включается в процесс, жестко контролируемый истеблишментом. Однако этот диалог – реальность. Видимо, только он может привести к желанному для Алжира национальному примирению и внутренней стабильности. В этом выводе из монографии Б.В. Долгова я и вижу лучшее доказательство настоящей научной объективности его работы.

Доктор исторических наук, профессор Г.Г. Косач

ВВЕДЕНИЕ

Итогом социально-политических процессов, происходивших в Алжире в последние десятилетия XX в., стал переход алжирского общества от авторитарного однопартийного режима к созданию основ демократической формы правления. Во многом он был обусловлен системным кризисом, переживавшимся Алжиром со второй половины 80-х гг. и вынудившим правящую элиту пойти на демократизацию государственно-политической системы. Масштабные демократические преобразования на рубеже 80–90-х гг. создали в Алжире такой уровень политических свобод, которого не знала в этот период ни одна страна арабского мира. Наряду с этим на волне политического плюрализма в конце 80-х гг. в Алжире организационно оформилось самое массовое в арабских странах исламистское движение. В условиях нерешенности многих социально-экономических проблем оно стало своеобразной формой социального протеста неимущих слоев населения против продолжавшегося снижения уровня жизни.

Исламистская доктрина государства и власти, которая должна была стать альтернативой как обанкротившейся концепции социалистической ориентации, так и западному либерализму, чуждому, как считали исламистские идеологи, мусульманскому обществу, пользовалась поддержкой у значительной части алжирских граждан. Широкому распространению идеологии исламского фундаментализма¹ в алжирском общественном сознании способствовала также возросшая популярность идей исламского возрождения (*нахда ислямийя*) в мусульманском мире, обусловленная в значительной степени победой исламской революции в Иране и гражданской войной в Афганистане. В 90-е гг. XX в. экстремистские силы алжир-

¹ Исламский фундаментализм – религиозное явление, означающее обращение к истокам ислама и строгое соблюдение правил и норм, изложенных в Коране и Сунне, в повседневной жизни и общественной практике.

ского исламизма² развернули многолетнее вооруженное противостояние с властями, поставившее страну на грань гражданской войны.

Исламистское движение в начале XXI в. продолжает оказывать существенное влияние на социально-политическое развитие многих мусульманских стран. Исламизм и в будущем, на наш взгляд, продолжит играть существенную роль в общественно-политических процессах в мусульманских странах, а также оказывать серьезное влияние на мировую политику в целом. Глубинные причины возникновения исламистского движения в мусульманском обществе связаны со сложным комплексом социально-экономических проблем, существующих в мусульманских странах, а также с характером исламской религии, выработавшей на протяжении веков морально-этические ценностные ориентиры и нормы поведения, ставшие «образом жизни» значительной части населения исламского мира. Между тем все более активное вовлечение мусульманских стран в мировое экономическое разделение труда, являющееся объективным следствием глобализации, ведет к расширению их деловых, политических и культурных контактов с западным миром и трансформации самого мусульманского общества. Тем не менее часть мусульман, продолжая исповедовать фундаменталистскую идеологию, не приемлет изменений своего традиционного образа жизни, считая их результатом экспансии западной идеологии, не совместимой, по их мнению, с исламскими традициями. Именно данный сегмент общества является главной социальной базой для исламистского движения, в том числе для его радикальных течений. В этой связи большой научный интерес и практическую значимость представляют изучение и анализ всей совокупности социально-экономических, политических и цивилизационных факторов, способствовавших радикализации исламизма как в Алжире, так и в других государствах мусульманского мира.

² Исламизм, по своей сути, – политическое явление. Он представляет собой идеологию исламистского движения – массового (в некоторых мусульманских странах) политического движения, стремящегося положить в основу процесса общественного развития нормы и догмы первоначального ислама (108, с.9).

Автор считает своим долгом выразить глубокую признательность Ф.М.Ацамба, С.А.Кириллиной, М.С.Мейеру, всем сотрудникам кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки при МГУ, а также кафедры политологии Востока ИСАА при МГУ, прежде всего М.Ф.Видясовой и Г.Г.Косачу, за полезные советы и замечания, использованные в процессе работы над книгой. Искреннюю благодарность автор выражает посольству АНДР в Москве и, в частности, атташе по культуре г-ну Мухаммеду Бен Мерabetу за предоставленные ценные документальные источники по теме исследования. Свою признательность автору хотелось бы выразить также сотрудникам французского Института политических исследований (Париж) за содействие в подборке необходимых для работы материалов.

Глава I

АЛЖИРСКОЕ ОБЩЕСТВО И ИСЛАМИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В 70–80-е гг. XX в.

В 70-е гг. в Алжире претворялась в жизнь концепция «социалистической ориентации». Многие государства третьего мира в период 60–70-х гг. пытались воплотить на практике основанное на ней социально-экономическое устройство общества. В своей основе положения социалистической ориентации были заимствованы из китайского, югославского, кубинского и советского опыта. Популярность идей социализма объяснялась в то время конкретными успехами, достигнутыми в социально-экономическом развитии в странах социалистического блока. В этой связи можно согласиться с высказыванием американского исследователя Уильяма Куондта о том, что «Советская Россия, несмотря на имевшиеся негативные стороны своего развития, показала пример решения многих социальных проблем и сумела на протяжении жизни одного поколения провести индустриализацию и превратиться из аграрной страны в мощную сверхдержаву, обладавшую ядерным оружием и успешно осваивавшую космическое пространство» (см.: 194, 1999, № 2002, с. 43).

Сущность идеологии социалистической ориентации состояла в утверждении доминирующей роли государства в развитии общества. Миссия государства, по мнению идеологов этой концепции, состояла в том, чтобы на основах социальной справедливости построить общество, в котором всем его членам будет обеспечен достаточно высокий уровень жизни. Для выполнения этой задачи необходимо было заботиться об улучшении народного образования и здравоохранения, проводить индустриализацию и бороться с бедностью.

Социалистическая тенденция, как с полным основанием отмечал отечественный арабист А.В.Малашенко, «существовала в арабской общественной мысли без малого столетие» (123, с. 68). Ее сторонники внесли существенный вклад в формирование концепции, называвшейся в странах арабского мира «национальный, арабский или исламский социализм». Известный рос-

сийский востоковед Р.Г.Ланда справедливо подчеркивал в связи с этим, что в Алжире «борцы за его независимость в первую очередь воспринимали освободительное, общедемократическое содержание социалистических учений» (114, с. 18).

Главными составляющими «алжирского социализма» являлись национализм, некоторые экономические положения, заимствованные из научного социализма, и ислам¹. «Арабо-

¹ Алжир – мусульманская страна, где 99,6% населения исповедует ислам, являющийся, согласно Конституции АНДР, государственной религией. Большинство алжирских мусульман исповедует суннизм маликитского мазхаба. В VIII в. в Магрибе, в том числе на территории современного Алжира распространился хариджизм. Часть алжирских мусульман является ибадитами, сторонниками наиболее умеренных хариджитов. В Алжире ибадитов чаще называют мозабитами (от названия оазиса Мзаб в центральной части страны). В этническом отношении мозабиты являются берберами. Число мозабитов не превышает 0,5% мусульманского населения страны. В Алжире имеются представители суфизма. Суфии объединены в туруки – религиозные братства, имеющие свои завии – дервишские обители, обычно соединявшие в себе мечеть, медресе и куббу, то есть мавзолей марабута-основателя. Культ святых – марабутов и местные народные поверья (так называемый марабутизм, или народный ислам) привлекали значительное число сельского населения, кочевников и часть горожан. Большинство завий суфийских братств расположены в северных районах страны. Наиболее известные туруки в Алжире: Рахманийя, Тиджанийя, Кадирийя, Хансамийя, Шадилиия, Таибийя, Исавийя и Сенусийя. Если до завоевания независимости Алжиром численность членов этих турук, называемых *хванами* («братьями»), исследователи оценивали в 250–450 тыс., то сейчас об их числе говорить сложно, ибо влияние религиозных братств в условиях независимого Алжира значительно уменьшилось. Приверженцы других религий (христианства и иудаизма) обладают законодательно гарантированной свободой вероисповедания. Христиане Алжира составляют менее 0,4% населения. Подавляющее большинство их (в основном французы, а также испанцы, итальянцы и др.) принадлежит к римско-католической церкви и проживает в столице и крупных прибрежных городах. Незначительное число приверженцев иудаизма представляют магрибинские евреи – мисра, проживающие преимущественно в нескольких крупных городах – Алжире, Ороне, Константине. Многие из них в начале 60-х гг. XX в. покинули страну (117, с. 7).

исламские ценности», провозглашавшиеся в период национально-освободительной войны 1954–1962 гг. как основа самоидентификации алжирцев-мусульман, органично вписались в доктрину алжирского социализма. Во время борьбы за независимость и в первое десятилетие после ее завоевания исламизм существовал в рамках официальной идеологии, являясь ее составной частью, и, таким образом, не был силой, оппозиционной алжирскому национализму. Более того, в первом обращении Фронта национального освобождения (ФНО) к алжирскому народу 31 октября 1954 г., послужившем призывом к началу национально-освободительной войны, заявлялось о необходимости завоевания национальной независимости «посредством восстановления суверенного демократического социального алжирского государства в рамках исламских принципов» (50, с. 102). Кроме того, многие известные деятели Ассоциации алжирских улама-реформаторов² вошли в руководство ФНО и в состав правительства АНДР и полностью поддерживали официальную идеологическую доктрину. Так, например, Тауфик аль-Мадани, один из ближайших соратников основателя и первого президента Ассоциации Абд аль-Хамида Бен Бадиса, стал министром по религиозным делам. В свою очередь шейх Ахмед Хаммани, один из наиболее авторитетных мусульманских деятелей Ассоциации, был назначен генеральным инспектором по образованию на арабском языке, а в последствии президентом Высшего исламского совета Алжира (161, 1998, т. 66, с. 1).

Единственной исламистской оппозиционной организацией в тот период стала ассоциация «Исламские ценности» (*аль-Кыям аль-ислямийя*). Она была создана в 1963 г. несколькими улама во главе с членом руководства Алжирского университета Хашеми Тиджани³ и группой исламистски настроенной интеллигенции, последователей Сайида Кутба. Ассоциация провозглашала своей целью защиту ислама и борьбу против социалистической ориентации, называя ее «разрушительной импортированной идеологией» (199, с. 65). В своем печатном ор-

² Ассоциация алжирских улама-реформаторов была создана в 1931 г. известным алжирским мусульманским общественно-политическим деятелем шейхом Абд аль-Хамидом Бен Бадисом.

³ Хашеми Тиджани также был членом Ассоциации алжирских улама-реформаторов.

гане – газете «Мусульманский гуманизм» (Humanisme musulmane) лидеры ассоциации утверждали, что в мусульманском обществе «любая партия, политический режим или руководитель должны быть признаны незаконными, если они не основывают свою деятельность на исламе» (199, с. 42). Тем не менее на практике ассоциация не призывала к насильственным действиям и ограничивалась проведением собраний, митингов и призывами к руководству страны проводить политику в соответствии с мусульманскими традициями. Несмотря на поддержку отдельных членов руководства ФНО, в том числе Мухаммеда Хидера⁴, сторонники «Исламских ценностей» не стали достаточно влиятельной силой в обществе, их движение не приобрело массового характера, и в 1965 г. ассоциация была распущена властями.

Как уже отмечалось, ислам на протяжении всего периода 70–80-х гг. являлся составным элементом официальной идеологии, и его значение в ней по мере возникновения и углубления кризисных тенденций в обществе продолжало возрастать. Своеобразный альянс ислама с доктриной национального социализма в то время представлял собой явление закономерное и исторически обусловленное. Ее идеологи считали, что ислам, будучи устоявшейся системой морально-этических норм и интегральной частью национального менталитета, должен был выступать в качестве элемента, объединяющего национализм и социалистическую доктрину. Как справедливо отмечал А.В.Малашенко, идея социализма «оказалась созвучной представлениям о равенстве и социальной справедливости на уровне традиционного сознания арабов-мусульман. Они воспринимали социализм как нечто, не противоречащее ценностным ориентирам ислама, провозглашавшего приоритет общественного над индивидуальным» (123, с. 68).

⁴ Мухаммед Хидер – видный деятель алжирского национально-освободительного движения, занимавший высокие посты в руководящих органах независимого Алжира (член Революционного совета ФНО, генеральный секретарь Политбюро ФНО). В ходе внутренней борьбы в алжирском руководстве и из-за разногласий с президентом Бен Беллой Мухаммед Хидер в 1964 г. вынужден был эмигрировать из Алжира и в 1967 г. погиб при невыясненных обстоятельствах в Мадриде.

Роль ислама была закреплена и конкретизирована в Национальной хартии АНДР, принятой в 1976 г. В частности, в разделе «Ислам и социалистическая революция» говорилось: «Ислам, будучи неотъемлемой частью нашей самоидентификации, выступает как одно из могущественных средств борьбы против всех попыток лишить Алжир его самостоятельности» (18, с. 31). Президент Алжира Хуари Бумедьен неоднократно подчеркивал соответствие алжирского социализма духу ислама. Так, в своем выступлении на 3-ем съезде Национального союза алжирских крестьян в 1974 г. он заявлял: «Наша революция и социальные преобразования логически интегрируются в историческую ретроспективу ислама, являющегося по своей сути революционной религией. Ислам вышел на историческую сцену, чтобы принести людям настоящую свободу, и мусульманские народы в их борьбе против империализма опираются на исламские принципы» (179, с. 375). Необходимо признать, что значительная часть алжирского общества в тот период поддерживала социалистическую ориентацию с ее лозунгами о равенстве и социальной справедливости, как соответствующую исламским канонам. Такую особенность восприятия мусульманами идеи социальной справедливости совершенно обоснованно отмечала видный отечественный востоковед И.М.Смилянская. Она подчеркивала, что «в сознании мусульман и в наше время социальная справедливость возводится к кораническим *адль* и *кыст*⁵, социальное равенство принимается как провозглашенное Мухаммедом равенство перед Аллахом» (132, с. 4). Кроме того, доктрина алжирского социализма ассоциировалась в общественном сознании со значительными успехами, достигнутыми Алжиром в 70-е гг. XX в. в экономической и социальной областях. Национализировав свои нефтегазовые месторождения, Алжир смог увеличить доходы от экспорта энергоносителей за период с 1972 по 1977 г. почти в 10 раз, и они составили примерно 22 млрд. амер. долл. (80, с. 31). Это давало возможность алжирскому руководству одновременно проводить индустриализацию страны и улучшать условия жизни населения. ВВП Алжира в 1970–1977 гг. в среднем ежегодно возрастал на 8,5% (117, с. 167). В годы наибольшего подъема индустриализации (1971–1977 гг.) в Алжире было построено 270 промышленных предприятий,

⁵ *Адль* и *кыст* (араб.) – два синонима, означающие справедливость.

150 дорог, каналов и линий электропередач (80, с. 32). Поступавшие в государственный бюджет средства позволили правительству финансировать строительство муниципального жилья и создать систему бесплатного образования и медицинского обслуживания. Наряду с этим Алжир в 70-е гг. стал одним из признанных лидеров стран «третьего мира» и движения неприсоединения и возглавил борьбу за установление новых, более справедливых, по мнению руководителей этих стран, международных экономических отношений между индустриально развитыми и развивающимися государствами.

Вместе с тем при декларируемом государством принципе всеобщего равенства и социальной справедливости традиционно доминирующее положение в алжирском обществе занимали представители армейской элиты, как действующие, так и перешедшие после отставки в государственно-политические и коммерческие структуры. Именно они, а также ветераны национально-освободительной войны, объединенные в Национальную организацию муджахидов (НОМ), имели в Алжире наибольшие привилегии. В 70-е гг. в Алжире, как отмечал известный алжирский социолог Мухаммед Букобза, «уровень благосостояния человека во многом зависел от его близости к власти и имущим. Такая ситуация начала вызывать у населения чувство недоверия к власти и порождать обвинения ее в протекционизме и коррупции» (228, 1999, № 2002, с. 44). Ставшие достоянием гласности случаи коррупции и казнокрадства даже заставили Хуари Бумедьена в 1974 г. обратиться к высшим государственным чиновникам и членам Революционного совета со своеобразным аллегорическим предупреждением. Во время выступления, транслировавшегося по телевидению, он сказал: «Я понимаю, что тот, кто собирает мед, время от времени лакомится им. Тем не менее такой работник не должен этим злоупотреблять и забывать, что главная его обязанность – наполнить медом кувшин» (153, с. 112).

С конца 70-х и особенно в 80-е гг. в алжирской экономике стали ощущаться кризисные явления, связанные с падением мировых цен на углеродные энергоносители и соответственным уменьшением доходов от их экспорта, а также, все в большей степени проявлявшейся неэффективностью директивной системы экономического планирования. В результате замедлился экономический рост, сокращалось финансирование социальной сферы и начал снижаться жизненный уровень населения. Наряду с этим падал авторитет власти, теряла

поддержку в общественном сознании официальная идеология социалистической ориентации.

Вместе с тем победоносная исламская революция в Иране и начавшееся в Афганистане военное противостояние исламистских сил с просоветским режимом способствовали подъему в мусульманском мире, в том числе в Алжире, исламского фундаментализма и идеологии «исламского возрождения» (*нахда ислямийя*). К этому же периоду, то есть к концу 70-х – началу 80-х гг., относится начало формирования в Алжире оппозиционного власти исламистского движения. Его возникновению способствовало также появление в Алжире на фоне усиления внимания общества к «исламскому возрождению» большого количества исламистской литературы. По свидетельству одного из известных мусульманских деятелей Ахмеда Марани, в Алжире во второй половине 70-х гг. «появились труды Сайида Кутба, Сайида Сабика, Омара ат-Тильмисани, Хасана аль-Банни, Саида Хауи, Мустафы Машхура. Это были яркие произведения, призывавшие к активному действию» (204, 12.06.1999, с.8). Становлению оппозиционного режиму исламистского движения способствовали также проповеди в свободных мечетях⁶ известных алжирских улама, таких как Абд аль-Латыф Солтани⁷, Ахмед Сахнун, Омар Арбауи и др. Все они были сподвижниками Бен Бадиса и в период существования Ассоциации алжирских улама принимали активное участие в ее работе. Тем не менее в отличие от многих ее членов, поддерживавших официальную доктрину ФНО, эти улама выступили против ее социалистической направленности, не соответствующей, по их мнению, «исламской морали» (23, с. 61). В последствии такие известные исламистские лидеры, как Мустафа Буали, Аббаси Мадани и Али Бенхадж, называли вышеупомянутых улама своими духовными учителями, проповеди которых в значительной степени повлияли на формирование их мировоззрения.

⁶ Свободные мечети – те, имамы которых не были назначены властями. Многие из свободных мечетей были открыты улама из Ассоциации алжирских улама-реформаторов. После роспуска Ассоциации улама продолжали вести проповеди в этих мечетях.

⁷ Абд аль-Латыф Солтани в 60-х гг. входил также в руководство оппозиционной властям исламистской организации «Аль-Кыям аль-ислямийя».

Алжирское исламистское движение в конце 70-х и в 80-е гг. условно можно разделить на два течения – радикальное и умеренное. К радикальному в первую очередь относилось «Вооруженное алжирское исламское движение» (*аль-Харака аль-мусалляха аль-ислямийя аль-джазаирийя*), созданное в конце 70-х гг. Мустафой Буали, бывшим активным участником национально-освободительной войны и членом ФНО. Своей целью Мустафа Буали провозгласил «восстановление законов шариата и создание исламского государства в Алжире» (192, с. 170). Для ее достижения он с 1982 г. избрал путь вооруженной борьбы против режима ФНО, обвинив его в узурпации власти и объявив ему джихад. Дуди Мухаммед Абд аль-Хади, один из имамов столичной мечети «аль-Ашур», где проходили первые собрания сторонников Мустафы Буали, характеризовал его как «мусульманина, известного своей прямоотой, приверженностью исламу и своей родине. Эти качества позволили Мустафе Буали собрать вокруг себя настоящих муджахидов» (164, с. 165).

В течение 1982–1987 гг. боевики из «Вооруженного алжирского исламского движения» (ВАИД) совершали террористические акции против органов власти, а также против учреждений, по определению ВАИД, «чья деятельность была не совместима с подлинным исламом» (199, с. 82), в том числе женских организаций, светских библиотек, баров и ресторанов, где продавались алкогольные напитки. Группы боевиков ВАИД действовали на западе Алжира, в районе г.Оран, а также на востоке вблизи городов Сетиф и Сикда и в окрестностях столицы. Руководство ВАИД планировало покушение на премьер-министра и похищение заместителя генерального секретаря ФНО (164, с. 166). Однако эти планы не были реализованы. В феврале 1987 г. в ходе операции алжирских спецслужб Мустафа Буали был убит и большинство его боевиков (более 200) арестовано.

Социальный состав движения Мустафы Буали достаточно наглядно иллюстрируют данные о принадлежности к тем или иным слоям общества арестованных членов ВАИД. Так, из 202 представших перед судом боевиков 49 были рабочими, 29 – батраками, 4 – техниками, 22 – мелкими торговцами, 12 – школьными учителями, 8 – студентами, 5 – государственными служащими, 13 – безработными (228, 09–10.1990). На основе этих данных можно заключить, что в жесткую оппозицию властям становились наряду с самыми неимущими слоями населения

также представители интеллигенции и мелкой буржуазии, которые ранее в своем большинстве поддерживали режим.

Тем не менее надо признать, что ВАИД не приобрело характер массового движения и не пользовалось сколько-нибудь заметным влиянием в алжирском обществе. Это объяснялось в первую очередь его радикальным характером, ограничивавшим круг его сторонников экстремистски настроенными исламистами. Наряду с этим руководство ВАИД не смогло выработать сколько-нибудь четкую программу, которую бы поддержала достаточно значительная часть населения. Правящий режим, несмотря на начавшийся социально-экономический кризис, обладал достаточно эффективными силовыми структурами, чтобы на том этапе подавить исламистский экстремизм. В то же время ВАИД оказало достаточно существенное влияние на последующее развитие алжирского исламистского движения. Именно из числа ближайших соратников Мустафы Буали в последствии вышли наиболее непримиримые лидеры вооруженной исламистской оппозиции, такие как Мансури Мелиани, Абд аль-Кадер Шеббути, Мухаммед Лаамамра, возглавившие в 90-е гг. отряды боевиков.

Наряду с ВАИД в Алжире в конце 70-х – начале 80-х гг. действовало еще несколько относительно малочисленных группировок, которые можно отнести к радикальной исламистской оппозиции. К ним, в частности, принадлежали боевики, совершившие в 1976 г. террористические акты на линиях телеграфной связи между городами Блида и Алжир.

Тем не менее можно утверждать, что в 80-х гг. радикальное течение исламистского движения не приобрело сколько-нибудь значительного масштаба и не имело поддержки в алжирском обществе.

Значительно большим влиянием в этот период в Алжире стали пользоваться исламистские организации, которые также проповедовали возврат к «исламским ценностям», но при этом не призывали к джихаду. Они проявили себя в основном в области просвещения и культуры, требуя от властей расширения сети исламского образования, строительства новых мечетей, повсеместного соблюдения «исламской морали» и удаления из государственных органов тех служащих, которые ее не соблюдали. Наиболее известной среди них стала созданная в конце 70-х гг. организация «Ахль ад-дава» (Люди призыва), пользовавшаяся достаточным влиянием как в столице и центральных областях Алжира, так и на востоке страны, в г.Константина (117, с. 199).

Необходимо отметить также, что в начале 80-х гг. исламистская идеология стала довольно широко распространяться среди алжирского студенчества. В этот период исламистски настроенные студенты организовали во многих высших учебных заведениях страны выступления, зачастую переходившие в столкновения с членами левых молодежных организаций.

Среди руководителей этих выступлений выделялся Аббаси Мадани⁸, начавший свою деятельность в исламистском движении еще в рядах ассоциации «Исламские ценности». Активный участник национально-освободительного движения, узник французских тюрем, он вышел из рядов ФНО из-за несогласия с политикой его руководства. Будучи преподавателем психологии Алжирского университета, Аббаси Мадани в 1982 г. направил властям петицию с рядом требований после того, как его сторонники организовали забастовку студентов арабоязычных факультетов университета. Бастовавшие выступали против якобы имевшей место практики предпочтительного приема в государственные учреждения выпускников франкоязычных факультетов и ареста полицией нескольких исламистски настроенных сту-

⁸ Аббаси Мадани родился в 1931 г. в г.Сиди Окба на западе Алжира. Закончил медресе и французский колледж. В конце 40-х гг. он вступил в партию «Движение за торжество демократических свобод», возглавлявшуюся Мессали Хаджем. В 1954 г. в составе группы боевиков ФНО участвовал в попытке взрыва в офисе «Радио Алжира», за что был приговорен французскими колониальными властями к 7 годам лишения свободы. После завоевания Алжиром независимости Аббаси Мадани закончил Алжирский университет, стал доктором педагогических и психологических наук, в течение 3 лет стажировался в Великобритании. В 1982 г. он организовал манифестации студентов Алжирского университета под исламистскими лозунгами, за что был приговорен к тюремному заключению (1982–1984 гг.). Аббаси Мадани весьма образован. Круг его чтения включал труды К.Маркса, Гегеля, Декарта, Прудона, Конфуция, А.Смита, идеологов «Братьев-мусульман». Он высоко ценил Ибн Халдуна, Мухаммеда Абдо и Абд аль-Хамида Бен Бадиса. Аббаси Мадани является автором ряда концептуальных работ, в том числе трудов «Кризис современной мысли и оправдание исламского решения», «Гносеологические проблемы познания и религиозного воспитания», «Специфика образования в исламских странах: гносеологические проблемы» (168, с. 56–60; 192, с. 171–173; 117, с. 199, 207, 211, 213; 120, 1991, № 12).

дентов, участвовавших в столкновениях с членами левых организаций. Наряду с Аббаси Мадани авторами послания являлись также известные алжирские улама Ахмед Сахнун и Абд аль-Латыф Солтани. В этой петиции они заявляли, что «алжирская мусульманская молодежь подвергается актам насилия и незаконным репрессиям со стороны проникших в государственную систему агентов международного коммунизма, американского империализма и сионизма»⁹. В петиции также отмечалось, что «эти силы наносят удар по религии, национальному достоинству, суверенитету страны и единству нации» (23, с. 46). Ввиду серьезности создавшегося положения составители петиции требовали от властей принятия ряда мер, которые включали бы «изгнание из государственных учреждений и наказание лиц, враждебных исламу и выполняющих волю неокolonизаторов, запрещение совместного обучения юношей и девушек и недопущение преподавания предметов, несовместимых с исламской моралью» (23, с. 47). Далее предлагалось также «развивать экономику в соответствии с исламскими ценностными ориентирами и, в частности, предоставить всем гражданам равный доступ к природным богатствам страны, а также запретить процентный банковский кредит, осуждаемый Кораном» (23, с. 48).

Анализируя требования, содержащиеся в данном послании, их, скорее всего, можно определить как декларативные и популистские, направленные на то, чтобы завоевать влияние и авторитет в студенческой среде. Тем не менее необходимо признать, что ее авторы во многом достигли своей цели. Организованные исламистами студенческие волнения и столкновения с полицией и представителями левых партий охватили высшие и средние учебные заведения ряда алжирских городов, в частности Алжира, Бен Ахнуна и Тизи Узу. Наиболее массовый характер они приобрели в столичном Алжирском университете.

На манифестации студентов власти ответили репрессиями и арестами. В числе арестованных оказались все три автора петиции. Старейший из них, шейх Абд аль-Латыф Солтани скончался, находясь под домашним арестом, в апреле 1984 г., и его похоро-

⁹ Эта петиция распространялась в форме листовок, а затем была опубликована в нелегально издававшейся в Алжире исламистской газете «Суаль» (Вопрос). Полный текст петиции см.: 23. Данный отрывок цитируется по этой книге, с. 45.

ны, в которых участвовали десятки тысяч человек, вылились в мощную манифестацию исламистов. Аббаси Мадани после освобождения из заключения в 1984 г. продолжал призывать алжирское общество «вернуться к истокам ислама» (74, с. 170). В своих выступлениях, записанных на магнитофонные кассеты и распространявшихся затем в мечетях, а также в статьях, опубликованных в исламистских изданиях, он пытался развивать свою концепцию и теоретически обосновать необходимость создания исламского государства. Аббаси Мадани объяснял технологическое и экономическое отставание исламской цивилизации от западной прежде всего «идеологической и культурной экспансией Запада в мусульманские страны» (14, с. 36). В то же время он заявлял, что «колонизаторы использовали в своей борьбе с исламом часть мусульман, приверженцев западной идеологии, которые, будучи ее проводниками в мусульманском мире, оказали неоценимую услугу Западу» (14, с. 36). В числе таких «коллорабационистов» он называл Мишеля Афляка¹⁰, Таху Хусейна¹¹, Тауфика аль-Хакима¹², воспринявших, по его мнению, чуждые мусульманам европейские политические и философские концепции. Аббаси Мадани также утверждал, что «мусульманская умма самодостаточна и не нуждается в импортируемых идеологиях» (13, с. 53). По его словам, «ислам не ограничивается вопросами веры, но охватывает всю совокупность духовной жизни общества, включая вопросы социальной справедливости, правила и нормы взаимоотношений между людьми, а также морально-этические ценностные ориентиры» (13, с. 53). Аббаси Мадани призывал алжирцев

¹⁰ Мишель Афляк (1910–1988) – сирийский общественно-политический и государственный деятель, основавший в 1947 г. совместно с Салах ад-Дин аль-Битаром Партию арабского социалистического возрождения.

¹¹ Таха Хусейн (1889–1973) – египетский писатель и общественный деятель. Будучи профессором Каирского университета, он был направлен для совершенствования образования в Сорбонну, где защитил диссертацию о выдающемся арабском средневековом историке Ибн Халдуне.

¹² Тауфик аль-Хаким (1898–1988) – общественный деятель и один из крупнейших египетских писателей. Он закончил Высшую школу права при Каирском университете, затем продолжил образование во Франции в Сорбоннском университете. Тауфик аль-Хаким являлся членом египетской Академии арабского языка и постоянным членом египетского Высшего совета по делам искусства, литературы и общественных наук.

обратиться к «подлинно мусульманским мыслителям, таким как Хасан аль-Банна, Мустафа Садек, Мухаммед Икбал, Бен Бадис и Малик Беннаби» (13, с. 53). Одним из путей распространения западной идеологии в алжирском обществе Аббаси Мадани считал повсеместное использование в Алжире французского языка. Такую ситуацию он определял как «комплекс неполноценности, сложившийся у алжирцев перед Западом и ставший отличительной чертой менталитета молодого поколения, родившегося после завоевания Алжиром независимости» (252, 15.03.1989), и призывал к более широкому проведению политики арабизации. В области управления экономикой Аббаси Мадани предлагал перейти к «исламскому принципу шура (коллегиальность) и созданию хисбы¹³ в банковской системе, которая контролировала бы операции купли-продажи, что соответствовало бы понятиям исламской социальной справедливости» (221, 1990, № 1264).

Анализируя вышеизложенные тезисы исламистской концепции Аббаси Мадани с точки зрения возможности ее конкретного применения, необходимо отметить, что она являлась абсолютно утопичной. Это касалось как призыва отказаться от французского языка, что затормозило бы экономическое и культурное развитие алжирского общества, так и требований соблюдения шариата, в том числе в финансовой сфере, что также было совершенно нереально. Тем не менее в середине 80-х гг., когда происходил общий подъем исламского фундаментализма в мусульманском мире, концепции Аббаси Мадани находили своих сторонников и начали все шире распространяться в Алжире.

Растущей популярности Аббаси Мадани в исламистском движении способствовали также его выступления в ходе развернувшейся в алжирском обществе полемики по поводу нового «Семейного кодекса». Острые дискуссии в СМИ между сторонниками принятия кодекса и их противниками и массовые манифестации как в поддержку, так и против кодекса стали заметным явлением в общественно-политической жизни Алжира

¹³ *Хисба* – мусульманский контрольный орган, призванный следить за соблюдением шариата при торговых и финансовых операциях. Первые упоминания о хисбе относятся ко времени халифа Али ибн Аби Талиба. Первоначально вместо термина *хисба* употреблялась формулировка *амр би-ль-маруф ва нахй ан аль-мункар* (повеление благого и запрещение предосудительного), которая позже использовалась для пояснения термина *хисба* (101, с.279).

в 1984 г. Основная борьба развернулась вокруг предложенных происламистски настроенными деятелями ФНО наиболее консервативных статей кодекса, ущемлявших права алжирских женщин. Против включения такого рода статей в кодекс выступали демократически настроенные члены ФНО, «Всеобщий союз алжирских трудящихся» (ВСАП) и женские общественные организации. В свою очередь, исламистские лидеры, прежде всего Аббаси Мадани, требовали, чтобы в «Семейном кодексе» абсолютно все положения «полностью соответствовали законам шариата» (221, 10.12.1989). С ним солидаризировался его соратник Али Бенхадж. Он, в частности, предложил «введение наказания в виде ста ударов палками за супружескую измену и содержание публичных домов и отмену совместного обучения в учебных заведениях всех уровней» (233, 23.02.1989).

Статьи «Семейного кодекса», ставившие в неравноправное положение женщину при разрешении имущественных споров, а также разрешавшие многоженство, вызвали протест женских общественных ассоциаций, организовавших в алжирской столице ряд демонстраций с требованием их отмены. В ответ Махфуз Нахнах, руководитель исламистской общественно-просветительской организации «Исправление и реформа» (аль-Иршад ва-ль-ислах), назвал участниц этих манифестаций «обманутыми жертвами неокOLONиализма» (221, 1989, № 1252) и призвал включить в Кодекс обязательное ношение женщинами паранджи. Одобрение «Семейного кодекса» парламентом и его принятие правительством в 1984 г. практически без изменений свидетельствовали об усилении влияния исламистского движения в алжирском обществе и во властных структурах страны.

Необходимо отметить, что в рассматриваемый период политика властей по отношению к исламистскому движению отличалась явной противоречивостью. С одной стороны, исламисты подвергались преследованиям, в том числе уголовным, свободные мечети, где проповедовали их лидеры, закрывались. В 1986 г. был принят закон о прекращении функционирования всех свободных мечетей в Алжире, и президент Шадли Бенджедид заявил: «Мы не можем отдать мечети в распоряжение тех, кто использует их в деструктивных целях» (242, 12.11.1986). Вместе с тем, новым министром по религиозным делам был назначен происламистски настроенный деятель ФНО Абд ар-Рахман Шибан, призвавший президента «восстановить традиционную мусульманскую систему ценностей, поставив в ней превыше всего

ислам» (242, 12.11.1986). Сам президент Шадли Бенджедид подтверждал, что «мусульманская религия призывает к прогрессу и социальной справедливости, корни которой кроются в самой сущности ислама» (249, 1984, № 1036, с. 18), и что «социализм в Алжире строится в рамках ислама и национальных ценностей» (249, 1984, № 1036, с. 18). Вместе с тем в 80-е гг., несмотря на заявления алжирских руководителей о неизменности курса социалистической ориентации, на практике ее приверженцы в ФНО и в алжирском руководстве стали все больше оттесняться на задний план, уступая место сторонникам широкой арабизации и возвращения к «исламским ценностям».

Именно усилением исламской составляющей в официальной идеологии можно до известной степени объяснить двойственную позицию по отношению к исламистскому движению алжирских властей и самого Шадли Бенджедида. Возрастанию влияния про-исламистского крыла в алжирском руководстве способствовала также активизация политики арабизации, происходившая в Алжире во второй половине 80-х гг. В рамках программы арабизации больше внимания стало уделяться исламскому обучению. Широкий размах приобрело строительство мечетей. Так, например, в 1985 г. в г. Константина на востоке Алжира была построена с финансовой помощью ОАЭ самая большая в Магрибе мечеть, а также открыт исламский университет имени эмира Абд аль-Кадера. Число мечетей выросло с 800 в 70-х гг. до 5 тыс. в середине 80-х (117, с. 199). Количество студентов в исламских высших учебных заведениях увеличилось примерно за тот же период с 3 тыс. 500 до 40 тыс. 800 (117, с. 198). С 1979 г., когда после смерти Хуари Бумедьена президентом Алжира стал Шадли Бенджедид¹⁴, заня-

¹⁴ После смерти Хуари Бумедьена в декабре 1978 г. на IV съезде ФНО, состоявшемся в январе 1979 г., генеральным секретарем ФНО был избран полковник Шадли Бенджедид, исполнявший обязанности министра обороны в связи с болезнью Бумедьена с октября 1978 г. Кроме него на высший государственный пост претендовали Абд аль-Азиз Бутефлика, министр иностранных дел и ближайший соратник Хуари Бумедьена; Касди Мербах, глава службы безопасности, и Мухаммед Салах Яхьяуи, координатор постоянного секретариата ЦК ФНО. Тем не менее армейское руководство поддержало кандидатуру Шадли Бенджедида как «офицера с наивысшим воинским званием». 7 февраля 1979 г.

тия во всех алжирских высших учебных заведениях стали начинаться с обязательной молитвы. Сам Шадли Бенджедид дважды совершал хадж в Мекку и всячески старался поддерживать свой имидж добропорядочного мусульманина.

Идеологическая переориентация и постепенный отход алжирского руководства от социалистической доктрины объяснялись также намерением президента и его ближайшего окружения реформировать алжирскую экономику с целью ее перехода на рыночную модель. Это было обусловлено прежде всего нарастанием кризисных явлений и невозможностью, с точки зрения алжирского руководства, справиться с ними в рамках прежней директивно-плановой системы. В связи с уменьшением доходов от экспорта энергоносителей государство не могло уже предоставлять дотации убыточным государственным предприятиям, оплачивать часть стоимости импортируемого продовольствия и финансировать в прежнем объеме социальную сферу.

Для идеологического и организационного оформления намеченных реформ в 1986 г. в Национальную хартию были внесены одобренные в ходе национального референдума изменения. В них хотя и сохранялось упоминание о «коллективной собственности на средства производства» (249, 1986, специальный номер, с. 43–47), тем не менее отсутствовала формулировка о строительстве социализма, а основной упор делался на «ислам и традиционные национальные ценности» (249, 1986, специальный номер, с. 43–47).

Главным проводником реформ стал глава президентской администрации Мулуд Хамруш, известный деятель ФНО, получивший экономическое образование в Великобритании. Под его руководством группа наиболее компетентных специалистов в области права, финансов, управления производством, социологии, СМИ, народного образования, здравоохранения и представителей силовых структур разработала поэтапную программу реформирования экономики. На первом ее этапе в соответствии с правительственными решениями, одобренными премьер-министром Абд аль-Хамидом Брахими, с 1987 г. начался процесс реструктуризации и децентрализации 60 крупных государственных объединений в 500 более мелких,

Шадли Бенджедид был избран президентом Алжира (117, с. 181; 156, с. 95).

которые становились акционерными обществами (166, с. 8). Им предоставлялась экономическая самостоятельность с целью повышения их рентабельности и эффективности. Капитал таких акционерных обществ аккумулировался на счетах специально созданных «Фондов участия» (166, с. 8), которые должны были направлять производственную деятельность предприятий, входивших в данные акционерные общества и контролировать их рентабельность. В области сельского хозяйства планировалось ликвидировать все государственные фермы, многие из которых были убыточными, и распределить принадлежавшие им земли среди феллахов «в коллективное землепользование» (166, с. 10). При этом крестьяне могли объединяться для совместного ведения хозяйства исключительно по их желанию.

Необходимо признать, что эти реформы дали определенный положительный результат. В 1989 г. прирост ВВП в постоянных ценах (при отрицательных показателях предшествующих лет) составил 4,9% (28, с. 12), а производство пшеницы выросло с 614 тыс. тонн в 1988 г. до 850 тыс. тонн в 1989 г. (241, 30.10.1990).

Тем не менее общее социально-экономическое положение в Алжире во второй половине 80-х гг. продолжало ухудшаться, что было связано с целым рядом причин как объективного, так и субъективного характера. Прежде всего необходимо отметить, что в 1985–1986 гг. произошло наиболее значительное снижение мировых цен на энергоносители, в результате чего доходы Алжира от их экспорта уменьшились больше чем на 5 млрд. амер. долл. (199, с. 99), то есть почти на 40%. Кроме того, именно к этому периоду подошел срок основных выплат по внешнему долгу Алжира, и расходы на его обслуживание составляли до 54% валютных поступлений (199, с. 100). В такой ситуации правительство, естественно, не могло должным образом финансировать социальную сферу, в том числе повышать заработную плату работникам государственного сектора и дотировать импортируемое продовольствие¹⁵.

Таким образом, в связи с уменьшением государственных субсидий произошел существенный подъем цен: продукты пи-

¹⁵ В середине 80-х гг. Алжир мог обеспечивать себя продовольствием только на 40%, остальное импортировалось (237, 07.1987).

тания подорожали, например, с января по октябрь 1988 г. на 40% (199, с. 110). Обострился жилищный кризис. В 1987 г. Алжир занимал одно из последних мест в мире по обеспеченности жильем [7,1 человек на единицу жилья] после Марокко [5,9] и Туниса [5,2], не говоря уже о Франции [2,5] и других странах Европейского союза [от 2,1 до 3,3] (153, с. 116). В немалой степени обострению кризисных явлений способствовали также ошибки алжирского руководства в экономической политике, которые привели к диспропорции в распределении бюджетных средств, когда предпочтение отдавалось финансированию индустриальных объектов в ущерб социальной сфере, в том числе жилищному строительству. Наиболее серьезной социальной проблемой стала безработица, особенно среди молодежи. К концу 80-х гг. в результате демографического роста больше половины населения Алжира составила молодежь в возрасте до 30 лет, 40% всех алжирцев были моложе 15 лет, прирост населения составлял 3,1% (28, с. 4). Такая ситуация в еще большей степени обострила проблему занятости, и безработица к 1987 г. составляла, по официальным данным, 18% (28, с. 4) [по неофициальным 22%] (243, 1988, № 2228, с. 47) трудоспособного населения. Причем среди молодых людей в возрасте от 16 до 25 лет количество безработных возросло до 75% (228, 26.11.1986; 3.12.1986). Наряду с этим начавшаяся в конце 80-х гг. реструктуризация предприятий государственного сектора с целью повышения их рентабельности также вела к сокращению рабочих мест.

Вместе с тем в государственном аппарате все шире распространялись коррупция, протекционизм и случаи незаконного обогащения. Так, например, Абд аль-Хамид Брахими, занимавший пост премьер-министра в правительстве президента Шадли Бенджедиды с 1984 по 1988 г., утверждал, что «коррупцию и обогащение незаконными способами среди должностных лиц разного ранга в этот период можно было оценить в сумму около 26 млн. амер. долларов»¹⁶.

В этой связи необходимо признать, что президент Хуари Бумедьен, имевший имидж непоколебимого вождя и являвшийся своего рода «алжирским Сталиным, железной рукой

¹⁶ Интервью Абд аль-Хамида Брахими, опубликованное в алжирской газете «Аль-Васат» (15.03.1999).

управлявшим страной» (228, 1999, № 2000–2001, с. 51) и в то же время «непритязательным и аскетичным в личной жизни» (228, 1999, № 2000–2001, с. 51), мог в определенной мере обуздывать такие негативные тенденции. Между тем Шадли Бенджедид¹⁷ не обладал харизмой своего предшественника и сам не был чужд стремлению к обогащению. Возглавляя в 70-е гг. 2-й военный округ на западе Алжира, он, как отмечал Р.Г.Ланда, «неимоверно обогатился, женившись на представительнице богатейшего рода марабутов в г. Мостаганем, обзавелся крупной земельной собственностью и кирпичным заводом. Уже став президентом, он официально являлся собственником самого крупного в г. Оран (второго по величине города в Алжире) отеля и ресторана» (116, с. 86).

В период его президентства высшие государственные чиновники и верхушка ФНО (как те, так и другие в основном были представителями военной элиты) имели помимо высоких окладов, постоянные премии (до 70% оклада), роскошные виллы, дорогие автомашины и целый ряд привилегий. В то же время многие из них, являясь консультантами, акционерными, почетными председателями различных частных фирм, получали от них солидное вознаграждение за свое покровительство и протекцию.

Продолжавшийся в стране экономический кризис и снижение жизненного уровня значительной части населения вели к нарастанию социального протеста, кульминацией которого стали массовые антиправительственные выступления в октяб-

¹⁷ Шадли Бенджедид родился в 1929 г. в крестьянской семье, проживавшей на востоке Алжира, в районе г. Аннаба. С 1955 г. он примкнул к национально-освободительному движению и прошел путь от рядового солдата до командующего военным округом, члена Революционного совета и исполняющего обязанности министра обороны. Своим возвышением он в немалой степени обязан тому, что во время конфликта в 1962 г. между лидерами Временного правительства алжирской республики (ВПАР) и руководством генерального штаба алжирской Национально-освободительной армии (НОА) во главе с Хуари Бумедьеном он доказал свою верность последнему. Не лишенный способностей политического лидера Шадли Бенджедид тем не менее достаточно справедливо характеризуется американским исследователем Уильямом Куондтом как руководитель «достаточно бесцветный и посредственный» (228, 1999, № 2000–2001, с. 52).

ре 1988 г. Началом для них послужил конфликт на автосборочном заводе Руиба (пригород столицы) между рабочими и администрацией по поводу распределения прибыли. Обострившуюся ситуацию не смог разрешить даже прибывший на завод министр труда, который был встречен криками: «Долой капитализм! Да здравствует социализм!» (113, с. 22). Вскоре конфликт перерос в столкновения с полицией, вызванной руководством завода. Рабочих поддержали студенты и учащиеся расположенных здесь учебных заведений, а также многие жители этого района г. Алжира. Власти ответили массовыми арестами и избиениями протестующих. Акции протеста продолжались с 4 по 10 октября и охватили практически все крупные города Алжира, такие как Оран, Константина, Аннаба, Мостаганем, Сетиф и ряд других. Особенно широкий масштаб они приобрели в столице. Здесь 4 октября к манифестантам, большинство из которых были рабочие и учащиеся, присоединились десятки тысяч человек, в основном безработная молодежь. Демонстранты выкрикивали лозунги: «Долой ФНО!» и «Шадли – *шмата* (вор, обманщик – араб. яз.)» (153, с. 118). Манифестация сопровождалась погромами полицейских участков, государственных учреждений [было разгромлено два министерства] (199, с. 109), магазинов, где были обнаружены не имевшиеся в официальной продаже, но припрятанные для реализации на черном рынке продовольственные товары.

Необходимо подчеркнуть, что история независимого Алжира еще не знала антиправительственных выступлений такого размаха. Для их подавления власти вынуждены были использовать войска и бронетехнику, в результате чего погибло более 500 человек, и несколько тысяч манифестантов было арестовано (227, 1988, № 1722, с. 52; 24, с. 3). Очевидцы событий подчеркивали необычайную жестокость, проявленную войсками, когда солдаты открывали огонь без предупреждения по любой группе молодых людей, попадавшей в поле их зрения. Автору этих строк, находившемуся в этот период в АНДР, самому довелось видеть в алжирской столице обгорелые фасады жилых зданий, разрушенные огнем танковых орудий. Кроме того, к арестованным участникам беспорядков применялись пытки, что в последствии подтверждали сами представи-

тели властей¹⁸. Такие действия силовых структур вызвали протесты как левой оппозиции, требовавшей «прекратить бойню» (243, 1988, № 2228, с. 42), так и лидеров исламистов, которые в открытом письме президенту осуждали применение пыток и требовали принятия мер для поднятия уровня жизни наименее обеспеченных слоев населения (199, с. 112).

Важно отметить, что исламисты сделали попытку возглавить начавшиеся антиправительственные манифестации. С этой целью они через несколько дней после их начала организовали марши протеста своих сторонников под исламистскими лозунгами. Во время их проведения в результате столкновений с войсками погибли несколько десятков их участников. Причем, по свидетельству очевидцев, войска открыли огонь по манифестантам только после того, как раздались выстрелы из рядов участников марша.

Однако в тот момент исламистам не удалось стать во главе протестного движения и навязать ему свои лозунги. Тем не менее Шадли Бенджедид 10 октября 1988 г. принял делегацию исламистских лидеров, в которую входили Аббаси Мадани, Ахмед Сахнун, Али Бенхадж и Махфуз Нахнах. Видимо, считая их истинными руководителями оппозиционных выступлений, он обсудил с ними пути выхода из кризиса и скорейшего прекращения беспорядков. В этот же день президент Шадли Бенджедид выступил по алжирскому радио и телевидению с обращением к нации. В нем он осудил «акты вандализма, саботажа и безответственные действия поддавшейся на провокации части молодежи, поставившей страну на грань гражданской войны» (249, 1988, № 1285, с. 5). В своем выступлении он упомянул об экономических трудностях и объявил о намеченных мерах по их преодолению, в их числе о введении государственного контроля над ценами, улучшении обеспечения населения продовольствием и повышении заработной платы. Тем не менее самым главным моментом в выступлении президента было объявление о предстоящих политических реформах, в частности, об изменении конституции «с целью дальнейшей демократизации Алжира, а также форми-

¹⁸ Один из бывших руководителей алжирской службы безопасности Хишам Абуд утверждал, что по приказу генерала Мухаммеда Бетчина, являвшегося в октябре 1988 г. главой этой службы, к арестованным участникам беспорядков применялись пытки (236, 10.1998, с. 5).

рования нового правительства, подотчетного Национальной народной ассамблее» (249, 1988, № 1285, с. 5).

События октября 1988 г. стали важной вехой на пути развития алжирского общества. Именно после них начался этап его демократического преобразования. Социальную базу октябрьских выступлений в основном составляла безработная молодежь, протестовавшая против ухудшавшихся условий жизни. В этой связи можно сослаться на свидетельство алжирского исследователя Хосина Бенхейры, подчеркивавшего, что основными участниками антиправительственных манифестаций были «молодые безработные крупных промышленных центров, таких как Алжир, Оран, Аннаба и др. В небольших населенных пунктах, в свою очередь, проходили акции протеста, но они не носили столь массового и радикального характера» (162, с. 15). Тем не менее автору этих строк приходилось видеть в октябре 1988 г. в расположенном на востоке Алжира г. Жижель (его население насчитывало всего 20 тыс. жителей) перевернутые и сожженные манифестантами автомашины и автобусы, а также военные патрули на перекрестках.

Некоторые исследователи пытались выявить реальных инициаторов выступлений протеста. Так, например, французский специалист по исламистскому движению Антуан Басбу предполагал, что они были организованы пропрезидентскими силами из ФНО с тем, чтобы нейтрализовать противников президента в руководстве ФНО, ускорить проведение реформ и способствовать переизбранию Шадли Бенджедида на третий президентский срок. При этом Антуан Басбу ссылаясь на высказывания, сделанные в последствии тогдашним командующим сухопутными войсками генералом Халидом Наззаром и премьер-министром Абд аль-Хамидом Брахими. Халид Наззар, в частности, заявлял, что события октября 1988 г. были ничем иным, как «открыто проявившимся столкновением противоборствовавших группировок внутри ФНО накануне его предстоящего съезда» (254, 15.05.1996, с. 8). При этом он подтверждал, что «в рядах манифестантов находились люди из различных течений ФНО, специально направленные туда для привлечения манифестантов на свою сторону. Однако в дальнейшем события вышли из-под контроля их организаторов» (254, 15.05.1996, с. 8). Абд аль-Хамид Брахими в свою очередь заявлял, что «манифестации в октябре 1988 г. были спланированы президентом с целью усилить его сторонников в ФНО и

дать ему возможность выдвинуть свою кандидатуру на третий президентский срок» (153, с. 119). Некоторые обозреватели, в том числе Махфуз Бенун из известного издания «Мидл Ист Репорт», полагали, что выступления могли быть инициированы профсоюзным объединением Всеобщий союз алжирских трудящихся (ВСАТ), Партией социалистического авангарда (ПСА) и левым блоком в ФНО (199, с. 108).

Тем не менее автор этих строк разделяет точку зрения многих исследователей и среди них известного отечественного востоковеда Р.Г.Ланды, западных исламоведов Жилия Кепеля и Майкла Уиллиса, которые справедливо считают, что выступления октября 1988 г. никто не готовил. Они во многом носили стихийный характер и представляли собой взрыв социального протеста, давно назревавшего в алжирском обществе. Вполне естественно, что этим стихийным протестом могли воспользоваться самые различные политические силы, в том числе противостоявшие группировки в ФНО. Особо следует отметить попытку исламистов возглавить октябрьские манифестации под исламистскими лозунгами. Тем не менее в тот момент большинство участников выступлений их не поддержало, а властям достаточно быстро удалось подавить выступления протеста.

Надо признать, что после октябрьских событий Шадли Бенджедид существенно укрепил свои позиции. После одобрения в начале ноября 1988 г. на общенациональном референдуме поправок к конституции и формирования нового правительства в него уже не вошли такие противники выдвижения Шадли Бенджедида на третий президентский срок, как бывший министр иностранных дел Ахмед Талеб Ибрагими и бывший глава службы безопасности Медждуб Лакехаль Аят¹⁹. Затем с поста главы постоянного секретариата ЦК ФНО (фактически вторая должность в его иерархии) был смещен Мухаммед Шериф Месаадия, также выступавший против переизбрания Шадли Бенджедида президентом. В результате такого явного ослабления своих про-

¹⁹ Служба безопасности была разделена на два подразделения – Главное следственное управление государственной безопасности и военную контрразведку, во главе которых встал поддержавший во время октябрьских событий Шадли Бенджедида генерал Мухаммед Бетчин, до этого руководивший армейской разведывательной службой (166, с. 10).

тивников Шадли Бенджедид в декабре 1988 г. в третий раз получил президентский мандат (он был единственным кандидатом). Причем в ходе предвыборной кампании сторонники президента всячески подчеркивали, что Шадли Бенджедид являлся единственным политическим лидером, который смог бы вывести Алжир из кризиса и осуществить демократические преобразования (199, с. 113).

Незадолго до президентских выборов прошел 6-й съезд ФНО, трансформировавший его из партии в «широкий фронт политических сил» (117, с. 206) и провозгласивший программу демократизации и реформирования государственно-политической системы, которую затем закрепила новая конституция. Ее статьи, одобренные на общенациональном референдуме 23 февраля 1989 г. 73,43% участвовавших в нем алжирцев (249, 1989, № 1305, с. 15), предусматривали разделение исполнительной, законодательной и судебной власти и наделяли достаточно большими полномочиями президента. Он был ответственен за внешнюю политику и оборону, назначал премьер-министра, который, в свою очередь, формировал правительство и был подотчетен парламенту.

Новая алжирская конституция 1989 г. (основные положения которой были закреплены в конституции 1996 г.) признавала историческую роль партии ФНО в национально-освободительной борьбе и построении независимого Алжира, однако она уже не определялась как правящая партия. В тексте конституции отсутствовало упоминание о «социалистическом выборе», но подтверждалось, что «ислам является одним из основополагающих элементов самоидентификации алжирской нации» (8, с. 3). Одновременно новая конституция гарантировала право алжирских граждан на создание «ассоциаций политического характера» (8, с. 11), то есть политических партий. Таким образом, в важнейшем государственном документе уже формально был закреплен отказ алжирского руководства от доктрины социалистической ориентации, и фактически вводилась многопартийная система.

С принятием новой конституции, а затем в июле 1989 г. закона «О политических ассоциациях» (239, 1990, № 127, с. 200–205), закреплявшего политический плюрализм, в Алжире начался этап демократических преобразований.

Необходимо признать, что период конца 80-х – начала 90-х гг. характеризовался таким масштабом и уровнем политической

свободы, которые не имели аналогов в арабском мире. Правительство Мулуда Хамруша распустило чрезвычайные суды государственной безопасности, разбиравшие дела политического характера, и отменило систему так называемых «синих карточек» (166, с.15) – анкет, заполнявшихся гражданами, баллотировавшимися на выборные должности, и затем визировавшихся службой безопасности.

В апреле 1990 г. был принят новый закон о СМИ, в результате чего к концу 1991 г. в Алжире появилось 169 новых газет и журналов (153, с. 137). Алжирские журналисты, объединенные с 1967 г. в подконтрольное властям Национальное издательское и рекламное агентство (Agence national de l'édition et de la publicité [ANEP]), создали свою независимую организацию «Движение алжирских журналистов» (Mouvement des journalistes algériens [MJA]). Кроме того, в соответствии с новым законом те журналисты, которые, выйдя из государственных структур, хотели создать свое собственное издание, имели право три года получать довольно значительное пособие. Таким образом, были созданы популярные независимые газеты «Аль-Ватан» (Родина), «Ле суар д'Алжери» (Алжирский вечер), «Аль-Хабар» (Новости). Лео-демократическая, берберская и исламистская оппозиция, ранее находившаяся на полулегальном положении, получила право участвовать в общественно-политической жизни и иметь доступ к СМИ. Пребывавшие в эмиграции оппозиционные лидеры, такие как Хосин Аит Ахмед и Ахмед Бен Белла, смогли вернуться в Алжир и продолжить политическую деятельность.

Наряду с поистине грандиозными демократическими преобразованиями социально-экономическая ситуация в Алжире оставалась сложной. Прогрессировала инфляция и девальвация алжирского динара, стоимость которого по отношению к американскому доллару снизилась почти в два раза с 1988 по 1990 г. (28, с. 13). Внешний долг страны увеличился с 24, 7 млрд. амер. долл. в 1988 г. до 26,7 млрд. амер. долл. в 1990 г. (28, с. 13). Продолжался рост цен, в том числе на продовольствие и на предметы первой необходимости. Цены на продукты питания выросли в 1989–1991 гг. в 4–5 раз, в то время как минимальная зарплата была повышена менее чем в два раза, с 1 тыс. до 1 тыс. 800 алжирских динаров (117, с. 209, 213). Одной из самых острых проблем оставалась безработица, которая в 1989 г. охватила почти 20% трудоспособного населения. Жизненный уровень существенной части населения снижался, что провоцировало

нарастание социальной напряженности в обществе. Такой ситуацией умело пользовались исламисты, развернув в условиях начавшихся демократических реформ широкую пропаганду своей доктрины как в СМИ, так и на митингах, собиравших десятки тысяч людей.

Анализируя период демократических реформ, необходимо признать, что они так же, как фигура их инициатора, президента Шадли Бенджедид, имели достаточно неоднозначный характер. В самом Алжире демократизацию общественно-политической жизни конца 80-х гг., с одной стороны, оценивали, как «грандиозный демократический эксперимент, не имевший прецедента в арабском мире» (166, с. 6), с другой, противники президента называли его «началом черного десятилетия» (228, 2001, № 2089, с. 53). В свою очередь сам Шадли Бенджедид называл себя «подлинным отцом демократических преобразований» (228, 2001, с. 53). Между тем его бывший премьер-министр Абд аль-Хамид Брахими заявлял: «Я знаю Шадли очень хорошо, и я могу сказать, что он не имеет ничего общего с демократией»²⁰. Вероятно, истина находится где-то посередине. Во всяком случае, надо признать, что Шадли Бенджедид сыграл значительную роль как инициатор демократических преобразований. Тем не менее это не исключает того, что при этом он мог руководствоваться своими субъективными соображениями, в частности, намерением быть переизбранным на третий президентский срок. Вместе с тем важно отметить, что если экономические реформы со стороны Шадли Бенджедид и его окружения планировались заранее, и их конечной целью являлся переход к рыночной системе хозяйствования, то политические преобразования во многом носили вынужденный характер. Толчком для них послужили массовые антиправительственные выступления в октябре 1988 г., которые показали, что страной уже невозможно было управлять в рамках прежней авторитарной системы. Изменение статуса ФНО, переставшего быть правящей партией, и переход к многопартийности, возможно, объяснялись также политической тактикой президента. Он

²⁰ Интервью, данное Абд аль-Хамидом Брахими британскому исследователю Майклу Уиллису, которое он цитирует в своей книге: Wil-
lis M. *The Islamist Challenge in Algeria*. С. 120.

стремился, с одной стороны, противопоставить набравших силу исламистов всесилию военных, многие из которых были недовольны тем, что президент заставил армию выполнять полицейские функции в октябре 1988 г. В то же время, вводя многопартийность, Бенджедид хотел ослабить таким образом противников своего курса внутри ФНО. Тем более, что в ЦК ФНО в ноябре 1989 г. вновь были приняты давние его оппоненты – вернувшийся из вынужденной ссылки Абд аль-Азиз Бутефлика²¹, Мухаммед Шериф Месаадия и Касди Мербах.

Существенным фактором, влиявшим на процесс демократизации, было отношение к нему армии, традиционно игравшей важную роль в алжирском обществе. Военная элита поддерживала реформаторский курс президента до тех пор, пока он был направлен на позитивные экономические преобразования. Вместе с тем после начала политической демократизации часть армейской верхушки стала все с большим недоверием относиться к действиям Шадли Бенджедида. Сам президент впоследствии признавал, что «некоторые высшие офицеры были не в восторге от начавшегося демократического эксперимента» (228, 2001, № 2089, с. 54). Напряжение и подозрительность в отношениях между президентом и частью военного командования особенно стали нарастать после начала контактов Шадли Бенджедида с исламистскими лидерами, которые приступили к созданию политических партий.

Тем не менее период демократических преобразований в конце 80-х – начале 90-х гг. можно со всей уверенностью оценить как один из наиболее важных этапов истории страны по-

²¹ В 1979 г. президент Шадли Бенджедид назначил проверку финансовой отчетности министерства иностранных дел, руководимого Абд аль-Азизом Бутефликой. В результате была обнаружена недостача крупных средств, использование которых якобы не было полностью документально подтверждено. Бутефлика оспаривал результаты проверки, но тем не менее возместил часть приписываемой ему недостачи. После начавшейся против него кампании в алжирских СМИ он был вынужден эмигрировать из Алжира. Вместе с тем как в Алжире, так и за его пределами многие обозреватели объясняли предпринятую ревизию стремлением Шадли Бенджедида избавиться от Бутефлики как потенциального соперника в борьбе за президентскую власть (153, с. 174).

сле завоевания независимости. Алжирское общество за короткий отрезок времени совершило переход от авторитарной системы к широкой демократизации и политическому плюрализму. Была сделана первая попытка построения демократического государства на многопартийной основе. В то же время надо признать, что эта попытка во многом не увенчалась успехом. Политические силы в Алжире, которые являлись носителями демократических тенденций, не сумели до конца воспользоваться предоставленными свободами и привлечь на свою сторону достаточное число алжирских граждан. Для значительной части населения демократия и плюрализм мнений не без влияния исламистской пропаганды продолжали оставаться явлениями, привнесенными извне и чуждыми мусульманским традициям. Напротив, исламистская доктрина, провозглашавшая необходимость создания исламского государства, которое, как утверждали его идеологи, сможет разрешить все социально-экономические проблемы, оказалась более понятной и созвучной надеждам многих алжирцев. В результате на волне демократических преобразований в алжирском обществе в широких масштабах стала распространяться фундаменталистская идеология и организационно оформилось исламистское движение.

Глава II

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ИСЛАМИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В АЛЖИРЕ В КОНЦЕ 80-х – НАЧАЛЕ 90-х гг. XX в.

Системный кризис, переживавшийся Алжиром на рубеже 80–90-х гг., явился одним из главных факторов, способствовавших широкому распространению фундаменталистской идеологии в алжирском общественном сознании и политическим успехам исламистского движения. В результате хронической нерешенности жизненно-важных для большинства алжирцев проблем возник стихийный протест неимущих слоев населения, который сумели возглавить и использовать в своих политических целях исламистские лидеры. Исламизм и его лозунги стали своего рода идеологией этого протеста для многих алжирских граждан, требовавших улучшения условий жизни. В то же время фактический провал доктрины «алжирского социализма», глобальный уход с мировой арены «социалистической идеи» и прекращение существования «социалистического лагеря» также способствовали, с одной стороны, идеологической переориентации алжирских руководителей и, с другой, – распространению в Алжире исламистских концепций, заполнявших собой своеобразный идейно-политический вакуум.

Значительную роль в усилении исламистского движения в Алжире сыграл также общий подъем исламского фундаментализма в мусульманском мире. Под его влиянием в Алжире сформировался слой молодой интеллигенции, исповедовавшей фундаменталистские концепции. Эта часть алжирского общества считала, что «исламское решение» (*халль ислямий*), то есть создание «исламского государства» и построение «подлинно исламского общества» на основах шариата, в котором будет царить исламская «социальная справедливость» (*адаля иджтимаийя*), должно было стать альтернативой всем «импортированным идеологиям», под которыми подразумевались как социалистическая ориентация, так и западная либерально-демократическая модель общества. Немалую роль в

формировании исламистского мировоззрения у этой части молодого поколения алжирцев сыграли преподаватели арабского языка из Египта, Сирии, Судана и других арабских стран, которых начиная с 70-х гг. алжирские власти приглашали в страну для проведения в жизнь политики арабизации. Многие из этих преподавателей являлись сторонниками исламской фундаменталистской идеологии, которую они проповедовали своим алжирским учащимся. Только из каирского университета аль-Азхар прибыло 93 преподавателя, в том числе в начале 80-х гг. известные деятели египетской ассоциации «Братья-мусульмане» Мухаммед аль-Газали и Юсеф аль-Кардауи (117, с. 198). Немало молодых алжирцев, получивших образование у такого рода преподавателей, примкнули к исламистскому движению в конце 80-х – начале 90-х гг. Представителем исламистски ориентированной части молодой интеллигенции являлся, например, Али Бенхадж, ставший в 1989 г. (тогда ему было 33 года) заместителем руководителя Исламского фронта спасения, самой влиятельной исламистской партии того периода.

Таким образом, в Алжире в конце 80-х гг. сложилась социально-политическая ситуация, которая способствовала широкому распространению фундаменталистской идеологии и усилению исламистского влияния в обществе. В немалой степени этому содействовала политика правящих кругов, которые, с одной стороны, пытались противодействовать усилению исламистской оппозиции и, с другой, использовать фундаменталистское движение в своих целях, то есть сделать его опорой режима. Наряду с запрещением «политической» (то есть антиправительственной) пропаганды в мечетях правительство в лице министра по религиозным делам Буалема Баки заявляло об «огромной роли мечети, являвшейся центром, откуда исходил вечный свет священного Корана, и которая должна была распространять исламскую культуру и формировать настоящего мусульманина на основе исламских ценностей, которые заветовал Пророк»¹. В привлечение внимания алжирского общества к концепциям исламского фундаментализма внес свой вклад 18-й Конгресс исламской мысли, организованный по инициативе правительства АНДР в Алжире в июле 1989 г.

¹ Интервью министра по религиозным делам Буалема Баки алжирскому журналу «*Révolution Africaine*» (1989, № 1311, с. 14).

Вместе с тем в руководстве ФНО усиливалось влияние происламистских сил. Подтверждением такой тенденции являлись публикации в официальном органе ФНО журнале «Революсьен африкэн». Так, например, в статье «Третий путь», опубликованной 8 сентября 1989 г., исламский вариант общественного переустройства определялся как гипотетический «третий путь» развития Алжира наряду с социализмом и либерализмом. Здесь же заявлялось, что «цивилизационно-культурный кризис, сопряженный с экономическими трудностями, а также явный провал политики социалистической ориентации выдвинули на повестку дня «исламское решение» как возможную альтернативу» (249, 1989, № 1331, с. 19). В то же время демократизация государственно-политической системы, являясь объективно-исторической необходимостью, тем не менее, в конкретной социально-экономической ситуации Алжира субъективно способствовала усилению влияния фундаменталистского движения и его организационному становлению.

К концу 1991 г. из 49 зарегистрированных в Алжире политических партий (117, с. 214) около десяти были исламистскими. В условиях того периода, характеризовавшегося подъемом исламского фундаментализма, почти все партии в той или иной степени использовали обращение к исламу в своей пропагандистской деятельности. Возможно, единственным исключением была Партия социалистического авангарда (наследница Алжирской коммунистической партии).

В свою очередь представители правящего режима также взяли на вооружение исламистскую риторику. В частности, министр по религиозным делам Буалем Баки в одном из своих выступлений заявлял, что «ислам принес с собой учение и философию, раскрывавшие смысл существования человека и его миссии на земле, то есть трактовал понятия, которые должны были применяться в любом месте и в любое время» (249, 1989, № 1311, с. 15). Тем не менее алжирским властям не удалось заручиться поддержкой наиболее влиятельных улама и поставить под свой контроль набиравшее силу исламистское движение. Самые известные и уважаемые алжирские мусульманские деятели, такие как шейхи Абд аль-Баки Сахрауи, Абд аль-Латыф Солтани, Омар Арбауи, Ахмед Сахнун, находились в оппозиции властям.

Таким образом, право говорить от имени «подлинного ислама» практически монополизировали лидеры исламистских партий

и объединений. Одной из первых 1 марта 1989 г. была создана Лига исламского призыва (*Рабитат ад-дава аль-ислямийя*). В нее вошли практически все наиболее известные исламистские деятели: Махфуз Нахнах, Аббаси Мадани, Али Бенхадж, Хашеми Сахнуни, Абд аль-Баки Сахрауи, Мухаммед Саид и др. Президентом Лиги исламского призыва (ЛИП) стал шейх Ахмед Сахнун, старейший (в то время ему было 83 года) и один из самых уважаемых ветеранов алжирского исламистского движения, бывший член Ассоциации алжирских улама-реформаторов.

ЛИП не ставила своей целью участие в политической борьбе. Она являлась надпартийной структурой, призванной координировать деятельность всех направлений исламистского движения. В уставе ЛИП было записано, что ее «целями являлись укрепление позиций ислама на идеологическом и теоретическом уровне, сохранение и упрочение в алжирском обществе моральных норм, соответствующих шариату, и содействие справедливому решению насущных проблем, стоящих перед Алжиром» (23, с. 30).

Идею создания единой исламистской партии, в задачу которой входила бы политическая борьба и конечной целью стало бы создание исламского государства в Алжире, по свидетельству журнала «Аль-Мункыз», выдвинули шейхи Абд аль-Баки Сахрауи и Али Бенхадж (211, 1989, № 19, с. 15). Однако сразу это предложение поддержал лишь Аббаси Мадани. Он вместе с Али Бенхаджем возглавил создание самой мощной исламистской партии страны – Исламского фронта спасения (*аль-Джабха аль-ислямийя ли-ль-инказ*)², формирование которого завершилось к марту 1989 г.

² В интервью, опубликованном 26 марта 1990 г. в алжирской газете «Аль-Масар аль-магрибий» (Магрибский путь), Аббаси Мадани объяснял название партии следующим образом: «Это – фронт, потому что он борется и представляет все слои алжирского народа, имеющие единые интересы и общую судьбу. Определение «исламский» объясняет нашу цель, для достижения которой мы будем проводить социально-экономические реформы. Слово «спасение» определяет миссию по спасению исламской веры, которая ведет нас по правильному пути и не позволяет совершать ошибок. В более широком смысле эта миссия имеет исторический, экономический, социальный, культурный и цивилизационный аспекты».

Другие известные фигуры фундаменталистского движения в силу имевших место тактических разногласий между ними, а также личных амбиций предпочли создать собственные политические партии. Наиболее влиятельными из них стали «Хамас»³ (Движение исламского общества) и «Нахда». Во главе партии «Хамас», переименованной в 1996 г. в «Движение общества за мир» *Харакат аль-муджтама ли-с-сильм*, встал шейх Махфуз Нахнах, видный исламистский деятель с многолетним стажем,⁴ член международной ассоциации «Братья-мусульмане» и ее представитель в Алжире. Партия «Хамас» была создана в декабре 1990 г. на основе ассоциации «Правильный путь и реформа» (*аль-Иршад ва-ль-ислах*), в руководстве которой основную роль играли Махфуз Нахнах и его сподвижник Бу Слимани. Лидеры партии «Хамас» провозгласили своей целью «распространение в обществе исламских ценностей и поэтапное построение государства на основах ислама, который благодаря *иджтихаду*⁵ открыт для новых явлений современного мира» (23, с. 38, 42). Построение такого государства должно было, по их мнению, «базироваться на диалоге и отвержении любых форм насилия и политической или религиозной нетерпимости» (23, с. 42). Махфуз Нахнах заявлял также

³ Хамас (воодушевление, энтузиазм – араб.) – название представляло собой, с одной стороны, синоним палестинской исламистской партии, с другой, – аббревиатуру, расшифровывавшуюся как *харакят аль-муджтама аль-ислямий* – движение исламского общества.

⁴ Махфуз Нахнах с середины 70-х гг. примкнул к исламистскому движению. Он был участником подпольной группы, действовавшей в контакте с радикальной исламистской организацией «Вооруженное алжирское исламское движение» (ВАИД), которую возглавлял Мустафа Буали. ВАИД совершила ряд диверсионных акций, в том числе разрушение опор телефонной связи между городами Блида и Алжир, за участие в которых Махфуз Нахнах был осужден на длительный срок тюремного заключения. Отбыв три года в тюрьме, он был помилован президентом Шадли Бенджидом. Впоследствии он отошел от радикальных методов борьбы и стал выразителем умеренного исламизма.

⁵ *Иджтихад* (от араб. *иджтахад*а – выносить самостоятельное решение) – способность и право компетентного факиха выносить собственное решение по важным вопросам религиозной и общественной жизни на основе Корана и Сунны (101, с. 91).

об открытости «Хамас» плюрализму мнений и его «готовности к сотрудничеству со всеми партиями, в том числе с теми, которые определяли себя как светские, но сохраняли ислам в своем сердце»⁶.

В преддверии объявленных на 1991 г. выборов в алжирский парламент Махфуз Нахнах предложил объединить все исламистские организации в союз под названием «Исламский национальный альянс». Идея такого объединения всячески пропагандировалась, в том числе правительственной прессой. Так, например, основные положения его политической программы были опубликованы национальным алжирским агентством «Алжери пресс-сервис». Эта программа, состоявшая из 14 пунктов, предполагала, в частности, «осуществить в соответствии с велением времени «исламскую альтернативу» развития Алжира, которая защитит фундаментальные свободы и будет способствовать скорейшему завершению экономических реформ в обстановке конструктивного политического диалога всех представителей алжирской уммы» (29, с. 2).

Однако этот проект не увенчался успехом, так как несмотря на его поддержку лидером партии «Нахда» Абдаллой Джабаллой и некоторыми другими менее значительными исламистскими организациями, самая влиятельная исламистская партия ИФС выступила против этого объединения. Такая позиция ИФС объяснялась амбициями его руководителей и их стремлением интегрировать все исламистские силы в свою партию. Вероятно, исходя из этих соображений, руководство ИФС заявило, что «ислам ликвидировал все ранее существовавшие в его рамках альянсы и запретил их создание в будущем», и охарактеризовало проект Махфуза Нахнаха как «удар в спину ИФС» (23, с. 40). В дальнейшем враждебность ИФС к Махфузу Нахнаху и его партии усилилась. В частности, 7 декабря 1990 г. в мечети «Ан-Нур» г. Медеа (на западе Алжира) сторонники ИФС сорвали выступление Махфуза Нахнаха, забросав его обувью, и принудили покинуть мечеть. Враждебная позиция ИФС объяснялась также появившимися в алжирской прессе публикациями, обвинявшими Махфуза Нахнаха в давних связях с алжирскими спецслужбами и, в частности, его косвенную, документально не подтвержден-

⁶ Интервью Махфуза Нахнаха алжирскому журналу «Révolution Africaine» (10.04.1991).

ную ответственность за разгром властями исламистской организации «Алжирское вооруженное исламское движение», возглавлявшейся Мустафой Буали⁷. Личными связями Махфуза Нахнаха с членами руководства страны авторы данных публикаций объясняли существенную помощь партии «Хамас» со стороны властей и лояльную позицию ее лидеров по отношению к правящему режиму⁸. Тем не менее часть алжирских мусульман продолжала оказывать поддержку партии Махфуза Нахнаха, считая, что обвинения в его адрес не имеют под собой оснований и инспирированы его политическими противниками. Об относительно высоком уровне этой поддержки говорит тот факт, что к 1991 г. «Хамас» имела сорок отделений в различных вилайях (провинциях) и 916 первичных организаций в балядиях (районах) Алжира (23, с. 41).

⁷ Ахмед Мерах, бывший соратник Мустафы Буали и член военного руководства его организации «Алжирское вооруженное исламское движение», утверждал в статье, опубликованной в алжирской газете «Ле Нуviel Эбдо» (Новый еженедельник), что «Мустафа Буали, приняв решение начать вооруженную борьбу с режимом, намеревался создать в своем движении *Меджлис аш-шуру* (консультативный совет). Для участия в его работе он хотел пригласить наиболее известных улама, в том числе Махфуза Нахнаха, с которым он был ранее знаком. Махфуз Нахнах принял это предложение и в 1982 г. встречался на конспиративной квартире в окрестностях г. Блида (на востоке Алжира) с Мустафой Буали, где вел с ним переговоры о совместных действиях против властей. Таким образом, Махфуз Нахнах, обладая исчерпывающей информацией об организации Мустафы Буали и его планах, передавал эти сведения спецслужбам, что облегчило им задачу по разгрому организации Мустафы Буали». В подтверждение этой версии Ахмед Мерах приводит тот факт, что все участники переговоров, за исключением Махфуза Нахнаха, были арестованы. «Самое удивительное, – пишет Ахмед Мерах, – состояло в том, что Махфуза Нахнаха даже не вызывали в суд в качестве свидетеля, хотя арестованные участники организации заявляли, что именно Махфуз Нахнах давал им адреса нелегальных центров (во Франции, в городах Ницца и Лилль), где они должны были проходить военную подготовку под руководством иранских и сирийских специалистов из организации “Братья-мусульмане”» (23, с. 67).

⁸ Махфуз Нахнах неоднократно заявлял, что президент Шадли Бенджедид «действует во имя ислама» (23, с. 67.)

Третьей по своему влиянию исламистской партией (после ИФС и Хамас) являлась «Нахда» (Возрождение), руководителем которой был шейх Абдалла Джабалла. Он начал свою деятельность в конце 70-х гг. на востоке Алжира в г. Константина, открыв в местном университете полулегальную «свободную мечеть», где он и его сподвижники проповедовали учение Хасана аль-Банни и других идеологов «Братьев-мусульман». Позднее, в 80-е гг. Абдалла Джабалла создал «Ассоциацию национального возрождения для социальной и культурной реформы». В ее задачи входили «развитие и пропагандирование исламской культуры и арабо-исламского наследия, распространение и защита исламских морально-этических норм, борьба против иностранной культурной экспансии и интеллектуальной вестернизации и расширение системы социального обеспечения, направленного на помощь неимущим слоям населения» (23, с. 5).

Первоначально Ассоциация не носила политического характера и действовала в основном в области культуры и исламского образования. Однако в конце 80-х гг., когда в Алжире развернулись дискуссии по проблемам ислама и «исламскому пути развития», Абдалла Джабалла, будучи одним из наиболее образованных алимов, активно в них включился и начал участвовать в политической деятельности. Выступая за единство всех исламистских сил, он допускал плюрализм мнений в исламистском движении, заявляя, что «ислам – един для всех, но методы, предлагаемые его последователями для построения подлинно исламского общества, могут быть различны, при том что это различие соответствует самой демократической природе ислама» (23, с. 55). По многим вопросам, касающимся дальнейшего пути развития Алжира, мнение Абдаллы Джабаллы совпадало с позицией ИФС. Тем не менее, несмотря на предложение руководства ИФС вступить в его ряды, Абдалла Джабалла предпочел создать в сентябре 1990 г. свою политическую партию «Нахда» (ее полное название – *Харакат ан-нахда аль-ислямийя* – Движение исламского Возрождения). В опубликованной в печатном органе партии – газете «Ан-Нахда» декларации в качестве основных задач были определены «участие в создании исламского общества и построении свободного и справедливого исламского государства, гарантирующего для всех алжирских граждан соблюдение прав и свобод,

определенных рамками шариата, а также укрепление арабского и исламского единства» (23, с. 58).

В вопросе выбора пути дальнейшего экономического развития Алжира партия «Нахда» отвергала правительственный план премьер-министра Мулуда Хамруша, ориентированный на экономический либерализм и большую открытость алжирского рынка иностранному капиталу. Лидеры «Нахды» заявляли, что такая экономическая политика «откроет национальный рынок для алжирских и иностранных «волков» и не даст возможность государству решать социальные проблемы» (23, с. 44). В свою очередь, «Нахда» утверждала, что выход из экономического кризиса лежит на пути «дальнейшего развития стратегических отраслей, связанных с добычей и переработкой нефти и газа в рамках государственного сектора, и в то же время стимулирования индивидуальной инициативы в частном секторе в тех пределах, в которых она может служить интересам всей уммы» (23, с. 44). В этом вопросе мнение руководителей «Нахды» совпадало с позицией ИФС.

Общность взглядов и достаточно тесные связи между двумя партиями привели к тому, что в 1991 г., когда ИФС стал играть ведущую роль в исламистском движении, многие известные деятели из «Нахды», такие как Рабах Кабир, Али Джедди и Абд аль-Кадер Хашани, перешли в его ряды. Впоследствии Абд аль-Кадер Хашани стал третьим лицом в руководстве Исламского фронта спасения.

К началу 90-х гг. в Алжире кроме ИФС, «Хамас» и «Нахды» возник еще целый ряд менее влиятельных исламистских партий, в числе которых были Фронт объединения и джихада, «Аль-Умма», «Хизбалла» (не получила официальной регистрации и действовала нелегально), Партия арабо-исламского демократического союза, Арабо-исламское объединение, Движение арабо-исламских сил и др. Кроме того, активной силой в алжирском исламистском движении являлись «муджахиды-афганцы», то есть алжирские граждане, участвовавшие в период гражданской войны в Афганистане (1979–1989 гг.) в боевых действиях против тогдашнего афганского правительства и поддерживавших его советских войск. Их число оценивалось примерно в 3 тыс. 200 человек (153, с. 147). «Муджахиды-афганцы» составили ядро

наиболее экстремистского, так называемого салафитского⁹ течения в алжирском исламистском движении, структурно оформившегося позднее в 1992 г. в организацию «Вооруженные исламские группы» (*Джамаат ислямийя мусалляха*).

Практически все исламистские партии в Алжире провозглашали обращение к истокам «ясного, изначального, прогрессивного ислама» в качестве необходимого требования осуществления своей концепции «исламской альтернативы» развития алжирского общества. По мнению идеологов исламского фундаментализма, «исламские доктрины, законы и морально-этические нормы универсальны применительно к любому времени и месту и являются мощным стимулом развития в любую эпоху» (229, 1986, т. 21, № 1–2, с. 91). Созданное на основах ислама государство, как утверждали исламистские лидеры, разрешит социально-экономические проблемы и будет способствовать становлению «исламской» социальной справедливости на основе «применения законов шариата, так как только ими должна регулироваться жизнь мусульманского общества» (211, 1990, № 16, с. 12). В подтверждение своих доктринальных установок исламисты часто цитировали известных мусульманских идеологов, таких, например, как Ибн Таймийя (1263–1328)¹⁰. В одной из своих фетв он заявлял, что «тот, кто выполняет предписанные шариатом обязанности частично или вообще их не выполняет, является не плохим мусульманином, а неверным» (108, с. 53), а также подтверждал на основании

⁹ Салафиты (*салаф*, араб. – предок, предшественник) – общее название мусульманских религиозных деятелей, которые в различные периоды истории ислама выступали с призывами ориентироваться на образ жизни и веру ранней мусульманской общины, «праведных предков» (*аль-асляф ас-салихун*).

¹⁰ Таки ад-Дин Ахмад Ибн Таймийя – теолог и правовед ханбалитского направления. Как салафит, он неустанно боролся с «недозволенными новшествами» (*бид'а*) и подвергал критике попытки привнесения в ислам элементов философии, ориентированной на эллинистические традиции (*фальсафа*), рационализма каляма, культа «святых» и практики паломничества к могиле Пророка (101, с. 85).

айята из Корана (5:49)¹¹ возможность «объявления джихада правителю-тирану, управляющему государством не в соответствии с шариатом» (108, с. 53). Подобные высказывания использовались наиболее радикальным течением исламского фундаментализма в Алжире – «Вооруженными исламскими группами» (ВИГ) для оправдания террористических акций и вооруженной борьбы с властями.

Большой популярностью у лидеров практически всех исламистских партий пользовались труды и высказывания Абд аль-Хамида Бен Бадиса, основателя и первого президента Ассоциации алжирских улама-реформаторов. Махфуз Нахнах, в частности, заявлял, что название его партии «Движение исламского общества» основывается на словах имама Абд аль-Хамида Бен Бадиса: «Алжирский народ – мусульманский народ и принадлежит уруббе (арабский мир – араб.)» (23, с. 41). В свою очередь Аббаси Мадани провозгласил в качестве лозунга ИФС высказывание Абд аль-Хамида Бен Бадиса: «Ислам – моя религия, Алжир – моя родина, арабский – мой язык» (185, с. 32).

Концептуальной базой для алжирских исламистов служили также труды таких идеологов исламского фундаментализма, как Абу Аля аль-Мадудди, Малек Беннаби, а также руководителей ассоциации «Братья-мусульмане» Хасана аль-Банни, Абд аль-Кадера Ауды и особенно ее известнейшего теоретика Сайида Кутба. Симптоматично, что первыми, кто в Алжире провозгласил своей целью создание исламского государства и объявил джихад правящему режиму, были члены исламистской организации «Читатели Сайида Кутба» (переименованной затем в «Алжирское вооруженное исламское движение»), созданной в начале 80-х гг. Мустафой Буали. В свою очередь заместитель председателя ИФС Али Бенхадж (бывший член организации «Читатели Сайида Кутба») в интервью, опубликованном в декабре 1989 г. в журнале «Аль-Байян» (Заявление), говорил о «сильном влиянии, оказанном на него произведениями Сайида Кутба, во многом определившими его жизненную позицию и мировоззрение» (23, с. 70). Особо популярными среди алжирских исламистов были такие известные произведе-

¹¹ Аят 49 Суры 5 «Трапеза» («аль-Маида») гласит: «Те, которые не судят по тому, что ниспослал Бог, те – законопреступники» (*ва мен лям яхкум бима анзаля лля фа уляика хум аз-залимуна*).

дения Сайида Кутба, как «Битва ислама с капитализмом»¹² и «Вехи на пути»¹³. В первом он конкретизировал некоторые положения, касающиеся создания исламского государства. Сайид Кутб, в частности, выделял такую его структуру, как консультативный совет – Меджлис аш-шура, который он считал самым важным органом исламского государства, куда должны выбираться лучшие представители мусульманской уммы. По мнению Сайида Кутба, «меджлис аш-шура должен главенствовать над исполнительной властью и призван контролировать ее деятельность, будучи выразителем волеизъявления всей уммы» (186, с. 246). В другом своем труде «Вехи на пути», которую отечественный исламовед А.В.Коровиков справедливо характеризует как квинтэссенцию его учения, Сайид Кутб развивал концепцию двух стадий развития «истинно исламского общества», а также теорию построения исламского государства как воплощения высшей власти Аллаха – *хакимийи*, и джихада как пути создания такого государства. Сайид Кутб утверждал, что «джихад – война не оборонительная, а наступательная. Ислам обязан атаковать джахилийю»¹⁴ независимо от того, угрожает она ему или нет» (229, 1986, т. 21, № 1–2, с. 91). Концепцию джахилийи и необходимости джихада против нее исповедовали, в частности, экстремистские алжирские группировки *кутби*-

¹² Кутб, Сайид. *«Мааракат аль-ислам ва-р-ра/смалийя»*. Каир, 1951.

¹³ Кутб, Сайид. *«Мааалим фи т-тарик»*. Дэли, 1981.

¹⁴ *Джахилийя* (невежество, язычество – араб.) – эпоха язычества, обозначение времени до ислама и религиозного состояния жителей Аравии до появления Мухаммада (101, с. 63). В соответствии с концепцией Сайида Кутба в состоянии джахилийи пребывает весь мир – не только страны, где господствует «материалистический коммунизм» или «торгашеский капитализм», но и мусульманские страны, где, по его мнению, принципы ислама искажены. На этом тезисе строят свои доводы как сторонники наиболее экстремистского направления исламского фундаментализма, считающие, что «джахилийский характер» части современного мусульманского общества требует отказа от общения с ним как с неверующими (*такфир*) и борьбы против властей предрержащих, так и более умеренные деятели, утверждающие, что Сайид Кутб, когда говорил о мусульманских странах, вкладывал в понятие джахилийи прежде всего моральный и интеллектуальный смысл.

стов (последователей Сайида Кутба) и *такфиристов* (обвинявших в *такфире* – неверии все общество, за исключением своих сторонников), входивших в «Вооруженные исламские группы».

Идея создания исламского государства пользовалась среди алжирских исламистов особой популярностью и провозглашалась в качестве конечной цели как радикальными фундаменталистскими организациями, так и исламистскими партиями, которые не считали вооруженную борьбу («джихад меча») единственным способом ее достижения. К последним относился «Исламский фронт спасения» (ИФС), ставший к началу 90-х гг. самой влиятельной и многочисленной партией в Алжире. Число членов ИФС, по заявлениям его лидеров, достигало 3 млн. чел. (249, 1989, № 1331, с. 19). Лозунг ИФС о создании исламского государства поддерживали в начале 90-х гг., по утверждению американского исследователя Уильяма Куондта, до одной трети населения Алжира (228, 1999, № 2023–2024, с. 36).

Впервые генеральная ассамблея Исламского фронта спасения собралась в феврале 1989 г. накануне референдума, который одобрил новую конституцию, предусматривавшую введение многопартийной системы. На заседании ассамблеи присутствовали несколько сотен имамов, представлявших почти все провинции Алжира. Официально как политическая партия ИФС был зарегистрирован в министерстве внутренних дел 10 марта 1989 г. В этот же день в столичной мечети Бен Бади-са шейх Абд аль-Баки Сахрауи, один из старейших деятелей исламистского движения, ветеран Ассоциации алжирских улама-реформаторов, торжественно объявил о создании ИФС. Основателями Исламского фронта спасения считались 15 самых известных его лидеров, составивших совет ИФС. Среди них были наиболее уважаемые и образованные улама, в том числе шейх Беназзуз Зебда, занявший пост руководителя отдела информации ИФС и ставший директором его официального печатного издания – еженедельного журнала «Аль-Мункыз» (Спаситель). Позднее ИФС стал издавать еще два еженедельника: «Аль-Фуркан»¹⁵ и «Аль-Балаяг» (Воззвание).

¹⁵ Фуркан (араб.: разделение, различие) – в Коране: Различение (XXV) относится ко всем «священным книгам», ниспосланным богом людям, т.е. Корану, Торе, Евангелию. Другое значение «Фуркан» –

Постоянными руководящими органами ИФС стали Национальное исполнительное бюро (*Мактаб танфизий ватаний*), состоявшее из 11 членов и Консультативный совет (*Меджлис аш-шура*), состоявший из 35 членов. При нем был открыт отдел по работе с женщинами-мусульманками – Женское исполнительное бюро¹⁶. Кроме того, была создана молодежная организация ИФС – «Исламская молодежь» [*аль-Фитьян аль-ислямийюн*] (75, с. 159).

Структура нижестоящих органов состояла из исполнительных бюро в вилайях и балядийях, а также комитетов кварталов [*лиджан аль-ахья*] (75, с. 159) при мечетях в городах и сельской местности. Практическая работа по конкретным направлениям выполнялась пятью комиссиями: организационной, по проблемам образования, по социальным вопросам, по перспективному планированию и по связям с СМИ (75, с. 158); они составляли ядро каждого исполнительного бюро. Базовыми организациями партийной структуры ИФС являлись «комитеты кварталов», создававшихся при мечети своего городского квартала или деревни. Здесь проводились собрания «комитетов кварталов». Имамы мечетей также, как правило, избирались из числа наиболее уважаемых членов «комитетов кварталов». Посредством такой хорошо организованной сети базовых организаций ИФС смогло контролировать к июню 1990 г., то есть к началу выборов в местные органы власти, около 9 тыс. мечетей (из общего числа примерно 11 тыс.) почти на всей территории Алжира (199, с. 122).

Президентом ИФС был избран Аббаси Мадани, преподаватель психологии, профессор столичного университета, активный участник национально-освободительного движения, узник французских тюрем и один из самых известных лидеров алжирского исламистского движения. Вице-президентом ИФС и заместителем Аббаси Мадани стал Али Бенхадж, мусульманский проповедник и преподаватель арабского языка. Он примкнул к исламистскому движению в конце 70-х гг. (в возрасте 22 лет), в 80-х гг. был активным членом организации «Алжир-

Спасение. Битва при Бадре в 624 г., когда пророк Мухаммед победил мекканцев, называется днем спасения (яум аль-фуркан) (100, с. 112).

¹⁶ Интервью Улд Абд аль-Крима, ответственного за связь с прессой «Исполнительной инстанции ИФС за рубежом» [*Instance exécutif de FIS à l'étranger*] (168, с. 52).

ское вооруженное исламское движение» и затем стал одним из признанных лидеров алжирских исламистов¹⁷.

С начала своих публичных выступлений руководство ИФС заняло жесткую позицию по отношению к властям и заявляло о «насушной необходимости изменений на политической сцене Алжира, так как основы правящего режима и методы, которыми он управлял, остались прежними, и поэтому он не был в состоянии предложить никакого решения проблем, стоящих перед страной»¹⁸. В программных статьях, опубликованных в первых номерах журнала «Аль-Мункыз», ИФС определял себя как «ориентированную на священную Каабу исламскую партию, высшими духовными предводителями которой являются Аллах и пророк Мухаммед» (211, 1989, № 1, с. 3). Свою конечную цель лидеры ИФС видели в «построении подлинно исламского общества в соответствии с заветами Пророка» (211, 1989, № 1, с. 3). Исламистские идеологи заявляли о мессианском и непреходящем характере своего движения. Они утверждали: «Мы не являемся просто одним из многих политических течений, так как они эфемерны, а мы вечны, потому что выполняем священную миссию. Исламское государство, которое мы построим в Алжи-

¹⁷ Али Бенхадж родился в 1956 г. в Тунисе. Его родители были родом из алжирской провинции Адрар (район алжирской Сахары). Отец Али Бенхаджа был активным участником алжирского национально-освободительного движения и погиб в одном из боев с французскими колониальными войсками. Али Бенхадж воспитывался и получил исламское образование в семье своего дяди, который был известным алимом, выпускником тунисского мусульманского университета аз-Зитуна. Учителями Али Бенхаджа были знаменитые алжирские улама, в том числе Омар Арбауи, и ветераны Ассоциации алжирских улама-реформаторов шейхи Абд аль-Латыф Солтани и Ахмед Сахнун. В начале 80-х гг. Али Бенхадж стал одним из соратников Мустафы Буали, руководителя Алжирского вооруженного исламского движения (ВАИД). После его разгрома властями Али Бенхадж был арестован и отбывал тюремное заключение с 1983 по 1987 гг. (интервью Али Бенхаджа газете «Аль-Ватан аль-арабий» 27.07.1990; 153, с. 84, 132, 144, 145; 83, с. 114).

¹⁸ Выступление Аббаси Мадани на пресс-конференции после регистрации ИФС в министерстве внутренних дел, опубликованное в журнале «*Révolution Africaine*» (№ 1331, 8.09.1989).

ре, будет подлинным результатом исторического развития, а не воспроизведением какой-либо импортированной модели общества» (211, 1989, № 22, с. 6).

Аббаси Мадани подробно аргументировал необходимость создания исламского государства в своей книге «Кризис современной мысли и оправдание исламского решения». Один из главных ее тезисов состоял в утверждении того, что «марксизм и либерализм – две основные современные западные идеологии, переживают глубокий кризис» (12, с. 20). Из этого делался вывод о неизбежности и необходимости создания «исламской альтернативы» общественного развития как закономерной ответной реакции мусульманского мира на этот кризис. По убеждению Аббаси Мадани, либеральные концепции способствовали формированию общества, где проповедуются эгоизм и неограниченная свобода. В таких условиях человек может предаться самым низменным страстям, присущим его *фитре*, то есть его животной природе и инстинктам. Тем самым общество, в котором он существует, обрекается на деградацию и *фитну* – смуту. Реальная же свобода, по мнению Аббаси Мадани, существует только в исламском обществе, где мусульманин добровольно ограничивает свою свободу «подлинно справедливыми и разумными законами шариата в интересах всей уммы» (12, с. 29).

Основными правами, утверждаемыми шариатом, Аббаси Мадани считал «право на жизнь, на веру, на защиту чести и достоинства, на собственность, на выражение своего мнения, на равенство возможностей, на образование, на труд, на проповедь добра и недопущение зла» (12, с. 72). Гарантом соблюдения законов шариата, по мнению автора, являлось исламское государство. При его главе в качестве консультативного органа создавался Меджлис аш-шура, представленный наиболее уважаемыми улама, которые имели право трактовать спорные вопросы, которые могли возникать в ходе применения законов шариата. Непосредственное руководство всей системой государственных органов должны были осуществлять шесть министерств: финансов, экономики, обороны, просвещения, здравоохранения и юстиции.

В подтверждение своих концептуальных построений Аббаси Мадани часто цитировал известных мусульманских мыслителей. Особое место среди них отводилось Ибн Халдуну, Сайиду Кутбу и Абд аль-Хамиду Бен Бадису, идеи которого наиболее высоко оценивал Аббаси Мадани. Свою лепту в кон-

цепцию исламского пути общественного развития внес и Али Бенхадж, позиция которого отличалась большим радикализмом по сравнению с идеями Аббаси Мадани. Али Бенхадж считал создание исламского государства в Алжире лишь этапом на пути достижения стратегической цели, которую он определял как «воссоздание исламского халифата, который должен стать духовной отчизной всех мусульман мира» (205, 27.07.1990. с. 7).

В ходе начавшихся в конце 80-х – начале 90-х гг. в алжирских СМИ дискуссий по проблемам выбора дальнейшего пути развития алжирского общества лидеры ИФС развернули широкую пропаганду своих концепций «исламского выбора». Большое внимание исламисты уделяли критике понятия «демократия» и возможности применения демократической формы управления государством в Алжире. Вопрос о демократическом устройстве общества после принятия в 1989 г. новой конституции, вводившей в Алжире многопартийность, обсуждался всеми политическими силами и носил столь же острый характер как и дискуссии об «исламском пути развития». Али Бенхадж в своих статьях утверждал, что «идея демократии, как власти народа и приоритета мнения большинства полностью противоречит многим сурам Корана, которые провозглашают только приоритет власти Аллаха» (211, 1990, № 23, с. 13). Критерий справедливости и разумности власти, по его мнению, не может «определяться мнением так называемого народного большинства, то есть количеством «статистов», участвующих в комедии «демократических выборов», или фальсифицированным числом их голосов» (211, 1990, № 24, с. 10). Али Бенхадж заявлял, что само понятие «демократия» достаточно размыто и противоречиво, так как все «западные идеологии XX в., то есть либерализм, коммунизм и даже фашизм, претендовали на воплощение в своих доктринах подлинной демократии» (211, 1990, № 24, с. 10).

Главным аргументом Али Бенхаджа в его тезисе о невозможности и даже опасности построения демократического государства в Алжире является то, что, по его мнению, «демократический либерализм есть продукт европейской цивилизации, который неприменим в мусульманском обществе, имеющем совершенно другие исторические корни, традиции и культуру» (211, 1990, № 24, с. 10). Поэтому заимствование модели западной демократии, провозглашающей «абсолютную свободу, то есть материализм, атеизм и распущенность», несет с собой

угрозу размывания традиционных исламских норм морали и деградации самого мусульманского общества, что отвечает, как считает Али Бенхадж, «целям сионизма, определенным в "Протоколах сионских мудрецов"» (211, 1990, № 24, с. 11).

Аббаси Мадани занимал более сдержанную по сравнению с Али Бенхаджем позицию в вопросе о демократии. Он заявлял: «Мы признаем, что избранный большинством избирателей выражает мнение народа. Но мы никогда не согласимся с тем, чтобы избранный демократическим путем правитель наносил вред исламу, так как законы шариата соответствуют интересам всей уммы. Избранник народа не может быть противником ислама, так как в этом случае он действует против воли народа» (221, 4.01.1990). Таким образом, лидеры ИФС определяли всех, кто не разделял их взглядов, как «противников ислама и подлинных интересов и чаяний алжирцев» (221, 4.01.1990). Таковыми, по их мнению, являлись, кроме сторонников либеральной демократии, все светские политические партии, проповедующие атеизм, «этнический сепаратизм» и коммунизм. Исходя из этих позиций, ИФС считала своими основными идеологическими противниками и подвергала ожесточенной критике те партии, которые пропагандировали светское общество. В их число входили Фронт социалистических сил (Front des forces socialistes), Объединение за культуру и демократию (Rassemblement pour la culture et la démocratie) и Партия социалистического авангарда (Parti de l'avant-garde socialiste).

Наиболее влиятельная из них «Фронт социалистических сил (ФСС) – являлась одной из старейших политических партий Алжира. Она была создана в 1963 г., в Кабилии, на территории компактного проживания кабилы – наиболее многочисленной народности алжирских берберов. Однако длительный период ФСС действовала нелегально и официально была зарегистрирована только в 1989 г.

ФСС стоит на социал-демократических позициях, признан во многих странах Европы, в том числе во Франции, и является членом международного Социалистического интернационала. Руководство ФСС выступает за лингвистический плюрализм (использование наряду с государственным языком – арабским также языка амазиг /берберского/ и французского), отделение религии от государства, то есть создание гражданского (светского) общества, а в качестве конечной цели – построение «демократического социализма». Президент ФСС Хосин Аит

Ахмед заявляет даже о своем стремлении сделать Алжир «опорной базой социализма в Магрибе» (23, с. 290).

Программа партии «Объединение за культуру и демократию» (ОКД) во многом схожа с политическими целями ФСС. Ее доктриной также является социал-демократизм и рыночная модель экономики. ОКД в отличие от ФСС поддержала правительственную экономическую политику большей открытости алжирского рынка для иностранного капитала. ОКД, так же как и ФСС, сформировалась в Кабилии в 1989 г. на базе берберского движения в защиту национальной культуры. Именно поэтому в ее программе значительное внимание уделялось собственно берберским проблемам и присутствовало требование сделать язык амазиг вторым государственным. ОКД выступало более решительно по сравнению с ФСС за равноправие женщин, совместное обучение, отделение религии от государства и недопущение использования ислама в политических целях, то есть за построение светского общества.

Такие требования, естественно, вызывали яростные нападки со стороны исламистов. В частности, Али Бенхадж заявлял, что «те, кто требуют создания светского общества, вольно или невольно проводят сионистскую политику, так как отделение религии, то есть ислама, от государства в мусульманских странах соответствует давним целям евреев и христиан» (211, 1990, № 23, с. 12). В публикациях журнала «Аль-Мункыз» руководство ИФС характеризовало ОКД, как «партию Франции (*хысб фаранса*)» (211, 1990, № 13, с. 13) и заявляло, что «те, кто выпячивают свою этническую принадлежность и хотят, чтобы граждане Алжира забыли свою родину, историю и исламскую религию, проводят в жизнь старую колониальную политику Франции и исполняют ее волю» (211, 1990, № 13, с. 13). В свою очередь Аббаси Мадани также считал всех проповедующих идеи светского общества проводниками чуждой алжирским мусульманам цивилизационной доктрины. Он утверждал: «Только ислам, ранее освободивший нас от колониализма, сегодня способен защитить нас от духовно-интеллектуальной экспансии нэоколониализма. Вечные ценности исламской цивилизации остаются для нас единственным щитом в этом цивилизационном противостоянии» (252, 15.03.1989, с. 6).

Непримиримую идеологическую борьбу ИФС вел также с теми политическими силами в Алжире, которые пропагандировали коммунистические идеи марксистско-ленинского образца. Тако-

выми являлись Партия социалистического авангарда (ПСАВ) и вышедшая из нее в результате раскола в рядах алжирских коммунистов партия «Ат-Тахадди» (Вызов). В конце 80-х гг. ПСАВ потеряла многих своих сторонников в немалой степени в результате общего кризиса социалистической идеи в мире. Тем не менее она пользовалась определенной поддержкой части алжирцев, которая даже несколько возросла после событий октября 1988 г., когда ПСАВ резко осудила репрессии властей против демонстрантов. Своей стратегической целью ПСАВ провозглашала «поэтапное построение социалистического общества» (249, 1989, № 1311, с. 4). Абд ар-Рахман Шергу, член руководства ПСАВ, в выступлении 5 апреля 1989 г. на митинге в алжирской столице признал необходимость прохождения буржуазно-демократического этапа, каковым он считал период демократизации алжирской государственно-политической системы, и призвал к созданию «широкого демократического фронта, включающего в себя все прогрессивные национальные силы, в том числе патристические элементы буржуазии» (249, 1989, № 1311, с. 4). Оценивая феномен «исламского возрождения», лидеры ПСАВ заявляли, что «ислам является существенным элементом человеческой цивилизации. Он возник в результате классовой борьбы и стал великим историческим движением, целью которого было создание общества, где защищены права неимущих его членов» (249, 1989, № 1311, с. 4). Вместе с тем ПСАВ противопоставляла ислам «мерседесов и роскошных вилл» исламу «обездоленных алжирцев», провозглашая, что «ничто не мешает коммунисту быть мусульманином» (249, 1989, № 1311, с. 4). В то же время ПСАВ видела в ИФС своего главного политического и идеологического противника. Такая позиция была обусловлена в значительной степени неоднократными случаями нападений исламистов на участников митингов и собраний ПСАВ. Руководство ПСАВ называло ИФС экстремистской партией, представляющей угрозу для демократии в Алжире, и требовало запрета ИФС.

В свою очередь идеологи ИФС объявляли ПСАВ партией лжецов, которые обещали алжирским рабочим и крестьянам повышение благосостояния и торжество социальной справедливости, в то время как в странах с коммунистическим режимом царили нищета, лишения и террор.

Критике в адрес ПСАВ и пропагандируемой ею коммунистической концепции ИФС посвятил несколько статей в журнале «Аль-Мункыз». В одной из них идеологи ИФС провели свое-

образный сравнительный анализ коммунистической и исламистской теории и практики. В первую очередь, в публикации заявлялось, что «мусульманское общество живет в соответствии со священным Кораном и Сунной Пророка, что вселяет в человека чувство достоинства и гордости и позволяет верить в свое высокое предназначение и иметь цель в жизни» (211, 1989, № 5, с. 3). В то же время в основе коммунистического общества, по мнению исламистов, лежат «описанные в работах К.Маркса материалистические принципы, согласно которым все исторические явления сводятся к классовой борьбе бедных с обладателями собственности» (211, 1989, № 5, с. 3). В таком обществе «полностью отсутствует духовное начало, и жизнь его членов ограничена чисто материальными потребностями» (211, 1989, № 5, с. 4). Большое внимание в статье уделялось вопросам брака и семейным отношениям. В частности, в ней утверждалось, что в мусульманском обществе семья является «одним из основных его столпов и создается на основе любви и взаимоуважения в соответствии с морально-этическими нормами, определенными шариатом. Ислам всячески поощряет мусульман к вступлению в брак и к самым тесным отношениям между членами семьи, что укрепляет мусульманское общество в целом» (211, 1989, № 5, с. 4). В коммунистическом обществе, по мнению авторов статьи, напротив, семья разрушается, так как женщина удалена от семейного очага, разрешены гражданский брак и аборт, что доказывает «отсутствие в таком обществе моральных норм» (211, 1989, № 5, с. 4).

Особое внимание, уделявшееся идеологами ИФС вопросам семьи и брака, было не случайным. Вопрос о месте и роли женщины в алжирском обществе активно обсуждался всеми политическими партиями. Подчеркнутое внимание к женскому вопросу объяснялось в значительной степени тем, что после начала демократизации в Алжире усилилось женское движение и в течение 1989–1991 гг. сформировалось несколько ассоциаций¹⁹, объявивших своей целью защиту прав женщин. В свою

¹⁹ Таковыми организациями являлись Независимая Ассоциация за торжество прав женщин (Association indépendante pour le triomphe des droits des femmes), Ассоциация за эмансипацию женщины (Association pour l'émancipation de la femme), Ассоциация за защиту и соблюдение прав женщин (Association pour la défense et la promotion

очередь, исламистские партии и прежде всего ИФС создавали свои женские организации, в которых, в частности, пропагандировалось ношение хиджаба как символа «национально-религиозной самоидентификации алжирской женщины» (211, 1989, № 5, с. 12).

Между тем оппоненты ИФС, в частности светские партии, обвиняли исламистов в стремлении увековечить неравноправный статус женщины и ограничить круг ее интересов семейными и домашними обязанностями. В связи с этим в печатных органах ИФС был опубликован ряд статей, целиком посвященных месту и роли женщины в мусульманском обществе. В статье в журнале «Аль-Мункыз», озаглавленной «Правда о равенстве между мужчиной и женщиной», ее авторы заявляли, что, «отворачивая женщину от семейного очага и благородной миссии по воспитанию детей, светские партии толкают ее на улицу, в объятия первого встречного и разрушают таким образом алжирское общество, действуя в интересах мирового сионизма и новых крестоносцев» (211, 1989, № 3, с. 8). В том же журнале было опубликовано открытое письмо группы девушек-учащихся столичного лицея им. Франца Фанона министру просвещения Алжира. В нем содержалось требование предоставить им возможность заниматься на уроках физкультуры в закрытом для посторонних взглядов помещении. Девушки заявляли: «Мы не хотим быть похожими на женщин западного общества, опускающихся до состояния животных в публичном показе своего тела, и желаем следовать законам шариата и ислама, возвышающих достоинство женщины» (211, 1989, № 3, с. 9). Аббаси Мадани, высказывая точку зрения ИФС по вопросу соблюдения прав женщин, заявил, что «свобода и права, предоставленные женщине в государствах Запада, не только не сделали ее счастливой, но и не защитили ее человеческого достоинства. Только в мусульманском обществе женщина пользуется подлинным уважением, и ее важнейшая роль в семье как матери и жены по достоинству признается и оценивается» (23, с. 261).

Анализируя выступления исламистских лидеров по женскому вопросу, необходимо признать, что они достаточно уме-

des droits des femmes), Ассоциация за равенство перед законом между мужчинами и женщинами (Association pour l'égalité devant la loi entre les femmes et les hommes)[23,с. 242].

ло использовали в своей пропаганде негативные с точки зрения исламской морали моменты в положении женщины как в социалистическом, так и в капиталистическом обществах. Если в первом случае исламисты делали упор на то, что при социализме принижалась роль женщины – хранительницы домашнего очага, то в критике положения женщины в буржуазном обществе акцент делался на существовании разрешенных законом проституции и порнобизнеса, что, естественно, несовместимо с мусульманским понятием о морали. Выступления идеологов ИФС в защиту исламских ценностных ориентиров, в том числе, традиционных взглядов на роль женщины в обществе находили значительное число сторонников. Это объяснялось наряду с укоренившимися в общественном сознании на протяжении веков мусульманскими традициями еще и тем, что часть алжирских граждан верила заявлениям исламистов об угрозе утраты Алжиром своих исторических корней и подрыве устоев исламской религии в результате экспансии «импортированных идеологий» и видела в ИФС силу, способную противостоять этой угрозе.

Наряду с женским движением исламисты стремились поставить под свой контроль деятельность профсоюзов, традиционно игравших влиятельную роль в алжирском обществе. С этой целью по инициативе ИФС в начале июня 1990 г. в противовес официальному Всеобщему союзу алжирских трудящихся (BCAT) был создан Исламский профсоюз труда (*Никабат аль-амаль аль-ислямий*). Его руководящим органом стал секретариат, состоявший из 17 членов и возглавляемый генеральным секретарем. Руководители ИФС не скрывали, что хотят видеть в Исламском профсоюзе труда (ИПТ) инструмент распространения исламистской идеологии среди алжирских рабочих, а в его членах – своих активных сторонников. На первой пресс-конференции, устроенной руководством ИПТ, член Меджлис аш-шура ИФС Хашеми Сахнуни заявил, что «создание исламского профсоюза – это еще один кирпич, заложенный в основание подлинно исламского общества и государства, девизом которого является: «Нет Бога кроме Аллаха и Мухаммад Пророк его»²⁰. На той же пресс-конференции генеральный секре-

²⁰ Запись на аудиокассете выступления Хашеми Сахнуни на пресс-конференции, посвященной созданию Исламского профсоюза труда,

тарь ИПТ Омар Ильми провозгласил, что «ИПТ, чей устав полностью соответствует законам шариата, станет не только выразителем интересов рабочих, но будет действовать во имя ислама и совместно с ИФС» (23, с. 196). Идеологи ИФС заявляли также, что роль профсоюза в мусульманском обществе коренным образом отличалась от его роли в других обществах, где существовали классы и классовая борьба. Общество, построенное на основах ислама, согласно их концепции, являлось единым, в нем не было места классовой борьбе и, соответственно, не имело смысла отстаивать права какого-либо одного класса, в частности, рабочего. В отличие от «деградирующих коммунистического и капиталистического обществ, где отношения между людьми характеризовались ненавистью, злобой и конкурентной борьбой» (211, 1990, № 14, с. 8), основами мусульманского общества, по утверждениям исламистов, служили «любовь, братство и сотрудничество» (211, 1990, № 14, с. 8). На таких же основах, по их мнению, должны были строиться отношения между мусульманином-работодателем и мусульманином-рабочим, которые, согласно шариату, «являлись братьями». Поэтому наряду с защитой собственно прав трудящихся главной задачей Исламского профсоюза труда, как заявил заместитель его генерального секретаря Сид Ахмед Гитри, являлась «активизация участия рабочих в скорейшей замене импортированной политической системы, существовавшей в Алжире, на ту, которая будет иметь в своей основе священный Коран и заветы Пророка»²¹. В свою очередь, Аббаси Мадани, характеризуя отношения, сложившиеся на производстве в период проведения политики социалистической ориентации, утверждал, что «уважительное отношение к труду было дискредитировано правящим режимом, а существовавшая уравнилительная система, не отражавшая реальных трудовых затрат, вела к тому, что зарплата оставалась одинаковой у

цитируемая в книге: Al-Ahnaf M., Botiveau B., Fregosi F. *L'Algérie par ses islamistes*. P., 1991, с. 196.

²¹ Запись на аудиокассете выступления Сид Ахмеда Гитри, заместителя генерального секретаря ИПТ, на пресс-конференции, посвященной созданию ИПТ, цитируется в книге: Al-Ahnaf M., Botiveau B., Fregosi F. *L'Algérie par ses islamistes*. P., 1991, с. 200.

рабочего, который добросовестно трудился, и у того, кто спал на рабочем месте» (223, с. 200).

По своей сути заявления исламистских лидеров о новой роли профсоюза в мусульманском обществе и в исламском государстве, которое намеревался создать в Алжире ИФС, являлись чисто демагогическими. Совершенно очевидно, что невозможно построить отношения между наемным рабочим и работодателем на основах «любви, братства и сотрудничества», о которых говорили руководители ИФС. Такие заявления являлись типичным примером митинговой пропаганды, имевшей целью привлечь на свою сторону наибольшее число алжирцев. Тем не менее в условиях нараставшего экономического кризиса и снижения уровня жизни значительного слоя населения достаточное число рабочих вступило в ряды Исламского профсоюза труда.

Необходимо признать, что лидеры ИФС сумели использовать кризисную ситуацию в алжирской экономике, обусловленную неэффективностью предыдущей административно-командной системы, для пропаганды своей концепции «исламской экономики». Исламистские идеологи считали создание рентабельной экономической системы, «соответствовавшей законам шариата и гарантировавшей интересы всей уммы», одной из ключевых своих задач. Для всестороннего обсуждения проблем, связанных с исламской экономикой, при поддержке ИФС была создана Национальная ассоциация за исламскую экономику. Ассоциация состояла из трех комиссий: по работе с научными изданиями и библиотеками, по информатике и по научным исследованиям. В них вошли такие известные алжирские экономисты, как профессор Бу Джаляль Махмуд, Мухаммад Сабит и работавший в Исламском банке развития (*аль-Банк аль-ислямий лит-татаввур*)²² Садык Туати.

Целями ассоциации объявлялись «стимулирование исследований в области исламской экономики и возможности решения на ее основе социальных проблем как фактора, влияющего на мировой экономический процесс» (211, 1990, № 8, с. 11).

²² Исламский банк развития (ИБР) создан по решению конференции министров иностранных дел мусульманских государств в феврале 1974 г. и действует с 1975 г. Штаб-квартира ИБР находится в г. Джидда (Саудовская Аравия).

В рамках развернувшейся в Алжире дискуссии по проблемам реформирования национальной экономики ассоциацией проводились различные конференции и «круглые столы», публиковались статьи, где пропагандировались «преимущества исламской экономики» и необходимость проведения реформ, основанных на ее принципах. Также заявлялось о бесперспективности «навязывания» алжирскому мусульманскому обществу как западного экономического либерализма, так и социалистической плановой экономики.

По мнению исламистов, одним из главных доказательств этого тезиса являлось то, что применявшиеся долгое время в странах третьего мира экономические модели развития, созданные на основе «западных теорий», не смогли обеспечить этим странам «элементарной экономической стабильности». Один из алжирских экономистов, сторонник теории «исламской экономики» Башир Мустафа видел основную причину провала этих экономических моделей в том, что концепции развития мусульманских стран, на его взгляд, ограничивались только экономической парадигмой и совершенно игнорировали культурологический момент. Он утверждал, что сам термин «развитие» в его современном значении являлся «тенденциозным и научно неточным, так как он не принимал в расчет такие важные для существования человека аспекты, как культура, обычаи и образ жизни, что имело особое значение в мусульманском обществе» (23, с. 163). Практически для всех современных исследований в области экономического развития, в том числе сделанных в мусульманских странах, но под эгидой, как считал автор, «американских институтов и международных финансово-экономических организаций», был характерен принцип монетаризма. При использовании этого метода проблема развития рассматривалась в чисто экономической плоскости, где в качестве основных стимулирующих факторов фигурировали такие понятия, как экономический либерализм, банковский процент, косвенный налог, международное разделение труда, концентрация капитала и свободный рынок. Данные концепции не учитывали, как утверждали исламисты, духовные и культурные традиции мусульманского общества. Таким образом, попытки осуществления монетарного принципа, по их мнению, были обречены на провал, так как наталкивались на его несоответствие шариату, «запрещавшему ростовщичество (*риба*), то есть банковский процент» (23, с. 166).

В качестве альтернативы принципам монетаризма исламистские идеологи выдвинули концепцию исламской экономики, которая, по их мнению, отвечала исламским традициям и шариату. Как об этом заявлялось в преамбуле экономической части «Проекта политической программы ИФС», такая экономика, включавшая в себя как частную, так и государственную собственность, должна была основываться на «равновесии между потребностями и условиями производства, а также на необходимом соответствии качества и количества продукции в связи с демографическим ростом населения и дальнейшим развитием общества» (249, 1989, № 1331, с. 19). Кроме того, она предполагала стимулирование личной инициативы, развитие малого и среднего бизнеса и самое широкое сотрудничество между мусульманскими странами, имея конечной целью создание «арабо-исламского общего рынка» и «исламской банковской системы». Наряду с этим в качестве важнейшей отличительной черты исламской экономики упоминался *закят*²³ как более справедливый по сравнению с западными налоговыми системами. Прежде всего указывалось на то, что «закят упоминался в Коране и являлся не просто фискальным налогом, а священной обязанностью мусульман» (23, с. 170), что исключало все попытки уклониться от него или использовать его в корыстных целях. Закят взимался только с тех мусульман, которые были способны его уплатить, то есть с обладавших достаточным доходом (*нисаб*), что также определено Кораном. Справедливое распределение закята среди наиболее нуждавшихся, по утверждению исламистов, должно было предотвратить чрезмерное расслоение мусульманского общества и обеспечить ему социальную стабильность.

Большое внимание идеологи исламской экономики уделяли отношению к собственности, которая представлена в исламском государстве, согласно их концепции, четырьмя видами: частная, государственная, общественная и коллективная. Права частной собственности гарантировались шариатом, в подтверждение чего цитировались суры Корана и высказывания пророка Мухаммада. Под государственной понималась та собственность,

²³ Закят – налог в пользу нуждающихся мусульман. Мусульманские правоведы толкуют этот термин как «очищение», т.е. уплата налога «очищает», делает безгрешным пользование богатством, с которого он уплачен (101, с. 74).

которой «имели право распоряжаться в интересах всей уммы те, кто обладал властью (*аулия/ аль-умур*)» (211, 1989, № 28, с. 9). В качестве примера такой собственности в статье журнала «Аль-Мункыз», озаглавленной «Ислам отличает собственность государственную от коллективной», назывались предприятия добывающих отраслей – шахты, рудники, нефтяные скважины и т.д. Доходы от такой собственности, как считали авторы статьи, должны были использоваться государственными органами на нужды всего общества, то есть на содержание системы здравоохранения, народного образования и различных инфраструктур, имевших общенациональное назначение.

Государственная собственность являлась, согласно данной концепции, «составной частью общественной собственности», которая трактовалась в более расширительном смысле, чем государственная. Примерами общественной собственности назывались «четыре главных ее элемента: земля, находившиеся в ее недрах природные богатства, естественные водоемы, а также флора и фауна» (211, 1989, № 28, с. 9). Государственные органы не имели права продавать, сдавать в аренду или передавать в пользование общественную собственность какому-либо лицу, группе лиц или организации. Тем не менее глава государства, согласно шариату, мог это сделать, если он считал, что такие его действия соответствовали «интересам государства, общественной пользе и социальному равновесию уммы» (211, 1989, № 28, с. 9). Что касается коллективной собственности, то она создавалась с «целью удовлетворения потребностей какого-либо конкретного сообщества, являвшегося частью уммы, и в той форме, которая была выгодна всем и не позволяла кому-либо использовать эту собственность для личной выгоды в ущерб другим» (211, 1989, № 28, с. 10). Примером такого вида собственности, в частности, назывались водные источники, принадлежавшие какой-либо конкретной общине земледельцев.

В публикациях и выступлениях идеологов ИФС часто цитировались аяты из Корана, соотносившиеся, по мнению исламистов, с рассматриваемыми ими вопросами, которые касались как «исламской экономики», так и других аспектов жизни алжирского общества. Такое построение программных и пропагандистских материалов было характерно для ИФС и делало их, как считали исламистские лидеры, более убедительными и понятными для мусульманской аудитории. Вместе с тем с точ-

ки зрения современной экономики некоторые понятия, упоминавшиеся в программе ИФС, такие как *закят* и *нисаб*, являлись явными анахронизмами.

В практическом плане концепции «исламского государства» и «исламской экономики» в основном представляли собой идеализированную социальную утопию, не соответствовавшую современным реалиям. Вместе с тем нельзя не отметить некоторые их позитивные моменты. В первую очередь это правомерность замечаний сторонников исламской экономики о необходимости при разработке планов экономического развития принимать во внимание культурологический аспект. Достаточно убедительно также выглядит тезис о том, что экономика мусульманских стран должна предусматривать наличие различных форм собственности, прежде всего общественной собственности на землю, природные ресурсы и водные источники. Это важный аспект для мусульманского общества, в котором ислам на протяжении веков выработал определенные ценностные ориентиры, которые стали неотъемлемой частью общественного сознания, и среди них – превалирование интересов уммы над интересами личности. В условиях социально-экономического кризиса многие алжирцы видели в «исламской альтернативе», деклариовавшей соблюдение «интересов всей уммы» и гарантировавшей «исламскую социальную справедливость», путь решения своих жизненно важных проблем.

Привлечению на свою сторону различных слоев алжирских граждан способствовала и применявшаяся ИФС умелая тактика общения с различными группами населения. В выступлениях, ориентированных на своих сторонников и аудиторию, восприимчивую к исламистской риторике (в частности, в мечетях), превалировали призывы к скорейшему созданию основанного на «подлинно справедливых» законах шариата исламского государства и его противопоставление «фальшивой демократии неверного Запада», критика в адрес алжирских властей и обвинение светских партий в «пособничестве неокOLONиализму». В частности, в журнале «аль-Мункыз» за 1989 г. заявлялось: «Вы, создавшие светские партии, и вы, люди власти, – знайте, что наша умма отвергнет любой неисламский проект. Мы, мусульмане, объединились для того, чтобы играть руководящую роль в мире» (211, 1989, № 9, с. 5).

В то же время в материалах ИФС, ориентированных на более широкую аудиторию, в том числе франкофонскую, и в

официальных документах тон выступлений был достаточно сдержанным и соответствовал алжирским реалиям политической борьбы. Таковым, например, являлся «Проект политической программы», в преамбуле которого заявлялось, что целью ИФС являлась конкретизация «исламского решения» в рамках программы с тем, чтобы положить конец экономической, политической, культурной и цивилизационной зависимости Алжира» (249, 1989, № 1331, с. 19). Эта программа, обнародованная в мае 1989 г., стала также предвыборной платформой ИФС на намеченных на июнь 1990 г. выборах в местные органы власти – народные советы районов (ед. ч. – *меджлис шаабий ли-ль-балядийя*) и народные советы провинций (ед. ч. – *меджлис шаабий ли-ль-вилайя*).

«Проект политической программы» определял ИФС как «политическую партию, созданную алжирским народом и отражавшую его волеизъявление и самоидентификацию» (66, с. 1). Идеологическая доктрина партии основывалась на «исторической реальности того, что Алжир представляет собой часть мусульманской нации», и на том, что «исланизм в Алжире являлся выбором его народа» (66, с. 1). Вместе с тем заявлялось, что «ИФС принимает во внимание политическую культуру алжирского общества в ее комплексе и не ставит своей целью построение теократического государства» (66, с. 1). В качестве одной из основных задач провозглашалось «создание представленной всеми слоями алжирского общества стабильной политической системы, основанной на принципах плюрализма мнений, многопартийности, выборности и сменяемости властных органов, а также гарантии соблюдения прав меньшинства» (66, с. 2). В подтверждение этих концептуальных заявлений в программе цитировались высказывания Абд аль-Хамида Бен Бадиса об исключительном праве народа назначать или смещать представителей власти и об уважении мнения тех, «кто своими действиями подтвердил, что их позиция отражает выбор общества» (66, с. 2).

В части программы, посвященной социальному развитию, заявлялось, что ИФС «рассматривает алжирское общество как ориентированное на семейные ценности, где женщине будет гарантировано подлинное равноправие. Все алжирские граждане будут иметь право на медицинское и пенсионное обслуживание, а также на образование на всех уровнях» (66, с. 2).

В области культуры делался упор на необходимости сохранения культурных и исторических традиций алжирского общества, определяемых как «ислам, арабизм и амазигизм (берберская культура), которые являются главными элементами его самоидентификации» (66, с. 2). Кроме того, подтверждалась необходимость возрождения «мусульманской культуры и морали посредством пробуждения к жизни шариата и использования арабского языка» (66, с. 2). В то же время не отвергалось применение и других языков, которые «облегчают информационный и культурный обмен» (66, с. 2).

Значительное место в программе ИФС (треть ее текста, состоявшего из 42 страниц) отводилось экономической доктрине, которая предполагала «диверсификацию внутренней экономической структуры и внешней торговли с целью обеспечения постоянного экономического роста и сокращения внешнего долга» (66, с. 3). Оживление экономики планировалось проводить с «привлечением иностранных инвестиций и участием в международных экономических проектах» (66, с. 3). В программе утверждалось, что «административно-командные методы управления экономикой как в Алжире, так и повсеместно в мире потерпели крах и доказали неизбежность рыночной экономической модели» (66, с. 3). В то же время в ней заявлялось, что ИФС отдает себе отчет в том, что «необходимо поэтапное вступление Алжира в мировую экономическую систему, так как открытость национальной экономики мировому рынку может иметь для нее как положительные, так и отрицательные последствия» (66, с. 4). Так, например, экономическая либерализация «должна проводиться государственными институтами с целью создания благоприятных условий для развития наиболее перспективных экспортноориентированных секторов экономики» (66, с. 4). Проведение такой экономической политики, как утверждалось в программе, невозможно без «демократизации и политической стабильности» (66, с. 4).

В промышленности планировалось «развивать высокотехнологические отрасли, необходимые для оптимального использования природных богатств страны, а также создать условия для подготовки грамотных специалистов и обеспечения компетентного руководства предприятиями наряду с воспитанием чувства коллективной ответственности всех работников за результаты

труда, которое соответствует шариату и заветам Пророка»²⁴. Программа подтверждала также необходимость пересмотра существующего законодательства в отношении государственной собственности с целью «исключения возможности ее захвата недобросовестными иностранными или местными магнатами» (168, с. 294). В документе заявлялось, что «будут точно определены параметры участия государственного и частного секторов в собственности промышленных предприятий» (168, с. 294).

В сельском хозяйстве программа предусматривала в первую очередь «положить конец противозаконной экспроприации и перераспределению земли и предоставить ее в соответствии с шариатом в распоряжение наиболее достойных из тех, кто ее обрабатывает» (168, с. 295). Предполагалось всячески развивать «малые и средние частные предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции, а также животноводство с тем, чтобы страна избавилась от разорительного импорта мясных и молочных продуктов» (168, с. 295). В программе подтверждалась необходимость выработки плана агроиндустриального развития для того, чтобы «поднять сельское хозяйство до уровня технологически развитых стран – конкурентов Алжира на мировом рынке сельскохозяйственной продукции» (168, с. 292).

В финансово-коммерческой области программа ИФС предлагала «реформировать коммерческую систему с тем, чтобы, с одной стороны, упразднить все формы «экономического паразитизма», как то: банковский процент (*риба*), монополия и искусственный дефицит, а с другой, – содействовать созданию акционерных и частных компаний, которые должны придать большую динамичность экономике и обеспечить товарное изобилие» (168, с. 294). В сфере ценовой политики, а также в операциях купли-продажи и в процедурах заключения коммерческих контрактов предлагалось «соблюдать правила, предусмотренные шариатом, а для надзора за их выполнением и недопущением злоупотреблений в этой области создать органы *хисба*. Особо отмечалась необходимость «придать закяту и

²⁴ Экономическая часть «Проекта политической программы ИФС», касающаяся промышленности, сельского хозяйства и финансово-коммерческих аспектов, полностью приведена в 168 (библ.) и далее цитируется по этому источнику.

вакфу²⁵ статус официальных ресурсов государства» (168, с. 298). Что касается валютно-финансовых вопросов, то планировалось восстановить «подлинную стоимость национальной валюты путем создания равновесия между импортом и экспортом и стимулированием национального производства» (168, с. 301). Подтверждалась также необходимость создания системы «исламских банков и кредитно-сберегательных касс, где будет исключена любая форма *риба* и гарантированы интересы каждого вкладчика» (168, с. 301). Кроме того, программа предлагала пересмотреть таможенное законодательство с целью «сделать его более открытым для всестороннего и самого тесного сотрудничества со странами Магриба и в перспективе со всем арабо-исламским миром» (168, с. 293).

Анализируя «Проект политической программы» ИФС, его необходимо рассматривать, на наш взгляд, как предвыборный манифест, имевший целью привлечь на предстоящих выборах как можно больше электората, а не как конкретную программу действий. В данном документе ИФС, в первую очередь, обращает на себя внимание его эклектизм, противоречивость и нелогичность. Программа представляет собой смешение социальноориентированных популистских лозунгов, цитат из Корана, ссылок на шариат, набора общедемократической фразеологии и достаточно объемной экономической части, имеющей в основном декларативный характер.

Прежде всего противоречивость проекта проявляется в политико-идеологической части, где, с одной стороны, утверждается, что исламизм есть выбор алжирского народа, а ислам является главным элементом его самоидентификации. В ней содержится множество ссылок на шариат и заявлений о необходимости применения его положений на практике с целью возрождения мусульманской культуры. С другой стороны, в ней говорится о желании ИФС создать политическую систему, основанную на демократии, плюрализме мнений и многопартийности, что никак не соответствует положениям шариата, а также предыдущим заявлениям самих лидеров ИФС, в частности Али Бенхаджа. Подобный эклектизм тем не менее вполне объясним с точки зрения предвыборной пропаганды с

²⁵ *Вакф* (араб.) – имущество, переданное владельцем на религиозные или благотворительные нужды общине, государству или частному лицу.

целью привлечения голосов как алжирских мусульман, стремившихся сохранить традиционные исламские ценности, так и алжирцев-франкофонов, ориентированных на европейские культурные традиции.

Экономическая часть программы в основном представляет собой декларативные заявления общего характера, в которых отсутствует внутренняя логика. Так, например, вполне обоснованные тезисы о преимущественном развитии высокотехнологичных отраслей экономики соседствуют с рассуждениями о воспитании у работников соответствующего заветам Пророка чувства коллективной ответственности за результаты труда. Наряду с признанием объективной потребности в иностранных инвестициях и участии в мировом экономическом процессе заявляется о необходимости создания исламской банковской системы и установления самого тесного сотрудничества с арабо-исламским миром, что, по существу, означает пересмотр исторически сложившегося места Алжира в международном разделении труда и его внешнеэкономических связей. В программе присутствуют экономически обоснованные предложения по агроиндустриальному развитию с тем, чтобы избавить страну от зависимости от импорта продовольствия, и в то же время обнаруживаются явные архаизмы, в частности, требование создания хисбы для контроля за соответствием шариату операций купли-продажи. С точки зрения практической эффективности программу ИФС можно определить как нереализуемую и утопичную равным образом в социально-экономическом и в политическом плане. Вместе с тем в конкретно-исторической ситуации Алжира конца 80-х – начала 90-х гг., при повышенном внимании общества к концепции «исламского пути развития» и в обстановке общего подъема идеологии «исламского возрождения» в мусульманском мире этот своеобразный манифест алжирского исламистского движения имел важное значение и во многом способствовал распространению исламского фундаментализма в Алжире и усилению позиций ИФС.

Основными авторами «Проекта политической программы» являлись пользовавшийся наибольшим влиянием в исламистских кругах и занимавший достаточно умеренную позицию президент ИФС Аббаси Мадани, а также поддерживавшие его вице-президент ИФС, член Меджлис аш-шура Беназзуз Зебда и член Национального исполнительного совета ИФС Абд аль-

Кадер Хашани. Аббаси Мадани, опытный и прагматичный политик, считал возможным привести ИФС к власти с помощью альтернативных выборов и надеялся на достижение политического компромисса с властями и, в частности, с президентом Шадли Бенджедидом. В этой связи Аббаси Мадани заявлял, что «главное, что отличало ИФС в политике, – это умеренность и центризм» (249, 8.09.1989, с. 19). Эту позицию разделял Бенназзуз Зебда, также предпочитавший политические формы деятельности и отвергавший вооруженную борьбу и насилие, считая их «преступлениями, против которых всегда выступал ИФС» (221, 23.02.1989, с. 8).

Определяя отношение ИФС к президенту, Аббаси Мадани утверждал, что его партия «являлась союзником Шадли Бенджедид в его борьбе внутри ФНО с противниками реформ, так как ИФС больше, чем кто-либо другой, желал их претворения в жизнь»²⁶. Аббаси Мадани подчеркивал, что ИФС был подлинным преемником идей антиколониальной национально-освободительной революции 1954 г. Он заявлял, что «главные концепции ИФС основывались на положениях ислама и «Декларации 1 ноября 1954 г.», подтвердившей право алжирского народа создать независимое государство, основанное на исламских принципах» (64, с. 5). Однако такое государство не было создано, так как, по утверждению Аббаси Мадани, после завоевания независимости «власть в ФНО и в Алжире узурпировали националисты в альянсе с марксистами» (64, с. 5). Реформы, направленные на демократизацию государственно-политической системы, по мнению Аббаси Мадани, должны были покончить с такой узурпацией власти.

В январе 1990 г. Шадли Бенджедид официально встречался с Аббаси Мадани как с лидером одной из самых крупных политических партий страны. Президент, стремясь упрочить свою власть, пытался использовать ИФС в борьбе со своими оппонентами внутри ФНО и в качестве своеобразного противовеса армии²⁷, традиционно обладавшей большим влиянием во

²⁶ Интервью Аббаси Мадани алжирской газете «Algérie Actualité» (4.01.1990).

²⁷ Шадли Бенджедид в разговоре с одним из своих наиболее доверенных министров (разговор происходил в ванной комнате президентских апартаментов, при этом Шадли Бенджедид открыл кран с

властных структурах и в алжирском обществе в целом. В свою очередь, армейская элита настороженно относилась к контактам Шадли Бенджедида с ИФС, в усилении которого она видела реальную угрозу своей власти и привилегиям. Некоторые военные даже были склонны расценивать политические маневры президента как скрытые симпатии к исламистам. В подтверждение обоснованности таких утверждений ими приводился факт быстрой регистрации ИФС в министерстве внутренних дел в сентябре 1989 г. в качестве политической партии, несмотря на то, что закон запрещал создание какой-либо партии, организованной «исключительно на конфессиональной основе» (239, 1990, № 121, с. 200–205)²⁸. На возможность неофициальных договоренностей Шадли Бенджедида с Аббаси Мадани указывает британский исследователь Майкл Уиллис. Он справедливо считает, что такое соглашение могло быть достигнуто в январе 1990 г. в г. Джидда, где Шадли Бенджедид и Аббаси Мадани провели неофициальные переговоры (199, с. 128). Инициатором встречи стал король Саудовской Аравии Фахд, рекомендовавший алжирскому президенту Аббаси Мадани как умеренного политика в противовес фанатичному и склонному к экстремизму Али Бенхаджу, который, по мнению саудовского руководства, пользовался негласной поддержкой Ирана (199, с. 151).

Али Бенхадж, вице-президент ИФС и официальный заместитель Аббаси Мадани, выражал позицию более радикальной части руководства ИФС, в которую также входили член Меджлис аш-шура и главный редактор журнала «Аль-Мункыз» Саид Мехлуфи, имам столичной мечети Бен Бадиса и глава испол-

водой, чтобы исключить возможность прослушивания) следующим образом определял свою позицию по отношению к исламистам: «Только исламисты способны противостоять всемогуществу армии и уравновесить его» (153, с. 121).

²⁸ Президент Шадли Бенджедид объяснял право ИФС на регистрацию как политической партии тем, что, по его словам, демократия не может быть избирательной. Если разрешено создать партию коммунистам (Партия социалистического авангарда) была зарегистрирована в сентябре 1989 г.), то нельзя запрещать этого делать исламистам, тем более, что ислам – государственная религия Алжира. Кроме того, отказ в регистрации ИФС не соответствовал бы новому политическому курсу на создание многопартийной системы.

нительного бюро ИФС в провинции Бумердес Мухаммад Арезки Хумен и группировавшиеся вокруг них бывшие соратники Мустафы Буали²⁹. Эти лидеры настаивали на более решительных действиях и были не согласны со многими пунктами «Проекта политической программы ИФС». Али Бенхадж, в частности, отвергал использование понятия «демократия», упоминавшегося в программе ИФС, и отождествлял демократию с неверием. Не призывая открыто к вооруженной борьбе с властями, он тем не менее приводил как пример для подражания Вооруженное алжирское исламское движение во главе с Мустафой Буали и оценивал его как «часть алжирской исламской истории наряду с деятельностью Абд аль-Хамида Бен Бадиса»³⁰. По поводу многопартийной системы, также фигурировавшей в принятой ИФС программе, Али Бенхадж заявлял: «Многопартийность может быть приемлема, только если она соответствует основам ислама. Если народ проголосует против законов, основанных на Коране, это будет означать не что иное, как богохульство. Улама приговорят к смерти любого, кто посмеет подменить своей властью тот порядок, который воплощает волю Аллаха»³¹.

Наделенный недюжинным ораторским талантом Али Бенхадж мог привлекать на свои пятничные проповеди³² и проводившиеся затем митинги значительное число сторонников ИФС (до 20 тыс.). Большинство их составляла безработная или частично безработная молодежь, так называемые *хиттисты*³³, а

²⁹ Многие из членов возглавляемой Мустафой Буали организации Алжирское вооруженное исламское движение после ее разгрома властями в 1987 г. были приговорены к длительным срокам тюремного заключения, но затем в 1989–1990 гг. были помилованы президентом Шадли Бенджедидом.

³⁰ Интервью Али Бенхаджа, опубликованное в алжирской газете «Algérie Actualité» (23.02.1989).

³¹ Интервью Али Бенхаджа алжирской газете «Horizons» (4.01.1990).

³² Али Бенхадж читал проповеди в двух столичных мечетях – «ас-Сунна» и мечеть Бен Бадиса.

³³ Слово *хиттист* является своеобразным слэнгом, происходит от слияния двух слов: *хитт* – стена (алжирский диалект арабск. яз.) и французского суффикса – ист (*ist*) и означает «человек, стоящий у стены».

также студенты и выпускники вузов, не имевшие возможности в условиях продолжающегося экономического кризиса найти работу. Эта группа населения была наиболее восприимчивой к лозунгам исламистов и видела в провозглашавшихся ими радикальных мерах по переустройству общества на основе «справедливых законов шариата» быстрый путь решения своих проблем. Наряду с неимущими слоями социальную базу ИФС составили также те представители мелкой буржуазии и интеллигенции, которые исповедовали идеологию исламского фундаментализма. В исламистах они видели силу, способную противостоять вестернизации, грозившей, по их мнению, утратой Алжиром традиционных мусульманских морально-этических норм и образа жизни.

С целью расширения своей социальной базы ИФС пытался завоевать доверие средней буржуазии и даже так называемых «военных предпринимателей», то есть отставных офицеров, которые стали крупными бизнесменами благодаря своим связям в государственных структурах. В своих пропагандистских выступлениях Аббаси Мадани старался убедить их в том, что поддержка ИФС «станет гарантией процветания их бизнеса в будущем» (192, с. 175).

Кроме того, достаточно благожелательное отношение к ИФС проявляло немало членов партии ФНО, переживавшей с конца 80-х гг. глубокий кризис, в результате которого в ФНО фактически произошел раскол и образовалось три основных течения. К первому относились сторонники политических и экономических реформ Шадли Бенджедиде, возглавляемые его ближайшим соратником Мулудом Хамрушем. Второе представляли противники либерально-демократических преобразований президента из левого крыла ФНО. Выразителем их взглядов был премьер-министр Касди Мербах, которого в 1989 г. сменил на этом посту Мулуд Хамруш. И, наконец, в третье течение входили члены ФНО³⁴, симпатизировавшие исламистам.

Хитистами называли молодых безработных, которые весь день проводили на улице, «подпирая стены», в ожидании какой-либо работы.

³⁴ Членов ФНО, симпатизировавших исламистам, в Алжире называли *барбэфэлэн* (barbe FLN – франц. яз.), то есть «борода ФНО», по аналогии с отличительной особенностью исламистов – обязательным ношением бороды.

Наиболее известным выразителем взглядов этого происламистского крыла ФНО являлся Ахмед Талеб Ибрагими³⁵, один из идеологов политики арабизации, занимавший долгое время высокие, в том числе министерские, посты в алжирском правительстве. В своих статьях он не раз повторял тезис о том, что «преемственность с прошлым и верность арабо-исламскому наследию являются необходимыми условиями строительства будущего Алжира» (79, с. 26-27). На чрезвычайном съезде ФНО в ноябре 1989 г. он решительно заявлял о необходимости полного возрождения «арабо-исламских ценностей» (199, с. 127). Его позицию разделяло значительное число членов ФНО – депутатов Национальной народной ассамблеи (не менее 60 из общего числа, насчитывавшего 295 депутатов), включая ее председателя Абд аль-Азиза Белькадема (228, 2000, № 2069, с. 36). Такая ситуация позволяла руководству ИФС направлять своих сторонников в ряды ФНО (249, 1989, № 1331, с. 32) и впоследствии использовать свое влияние внутри ФНО для обеспечения успеха ИФС на предстоящих выборах.

Намеченные на 12 июня 1990 г. выборы в местные органы власти – народные советы балядий и народные советы вилай в первый раз после завоевания независимости Алжиром должны были проводиться на многопартийной основе. Политическая обстановка накануне выборов во многом благоприятствовала ИФС. Президент Шадли Бенджедид практически отстранился от организации предвыборной кампании ФНО, хотя формально он оставался его председателем до июня 1991 г.³⁶ Можно согла-

³⁵ Ахмед Талеб Ибрагими – сын Башира Ибрагими, ближайшего соратника Абд аль-Хамида Бен Бадиса, основателя и первого президента Ассоциации алжирских улама-реформаторов. Ахмед Талеб Ибрагими – известный деятель ФНО, не раз занимавший министерские посты: министр национального образования с 1965 по 1970 гг., министр информации с 1970 по 1971 гг. В 1977 г. он был назначен министром-советником при президенте Хуари Бумедьене. В период президентства Шадли Бенджедид Ахмед Талеб Ибрагими занимал пост министра иностранных дел с 1982 по 1988 гг. (228, 1999, № 1996, с. 22; 158, с. 337).

³⁶ В ноябре 1988 г. на 6-м съезде ФНО было принято решение о трансформации партии во «фронт всех патриотических сил». Президент Шадли Бенджедид стал именоваться его председателем. Генеральным секретарем ФНО был избран Абд аль-Хамид Мехри, интеллигент доре-

ситься с исследователями, которые объясняют такую его позицию намерением дать возможность ИФС получить на выборах достаточное число голосов с тем, чтобы ослабить антиреформистов, то есть противников Шадли Бенджедида внутри ФНО³⁷.

Никто в Алжире в тот период не прогнозировал какого-либо крупного успеха ИФС на выборах. Сам Шадли Бенджедид заявлял, что максимум, на который может рассчитывать ИФС, – это 20–25% голосов избирателей (199, с. 132). Светские партии хотя и подвергали критике программу и цели ИФС, тем не менее основной упор в своей предвыборной пропаганде делали на предании гласности ошибок прошлого периода правления ФНО и считали его своим главным соперником на выборах. В то же время они вели борьбу между собой за влияние на избирателей и не делали попыток объединиться, чтобы противостоять исламистам. Кроме того, накануне выборов две наиболее влиятельные светские партии – Фронт социалистических сил (ФСС) и Движение за демократию в Алжире (ДДА) – объявили о своем бойкоте предстоящих выборов в знак протеста против того, что, согласно утверждениям их руководства, партиям не было предоставлено достаточного времени для подготовки предвыборной кампании. Сложившаяся ситуация сокращала для алжирских избирателей возможности выбора при голосовании, так как из предвыборной борьбы самоустранились два достаточно известных и популярных политических деятеля – ветеран национально-освободительной войны лидер ФСС

волюционной формации (ему было 62 года), сторонник либерализма и плюрализма. В ноябре 1989 г. на чрезвычайном съезде ФНО в соответствии с принятыми поправками к его уставу ФНО вновь стал называться партией, но в нем был отменен принцип демократического централизма. В состав ЦК ФНО были вновь включены бывшие соратники Хуари Бумедьена, в частности, Абд аль-Азиз Бутефлика, Шериф Месаадия и Касди Мербах. 28 июня 1991 г. Шадли Бенджедид ушел в отставку с поста председателя партии. Из ФНО вышли также почти все члены правительства и представители вооруженных сил.

³⁷ В 1990 г. 50 членов ЦК ФНО заявили о несогласии с курсом политических и экономических реформ Шадли Бенджедид, проводившихся, по их мнению, только в интересах обеспеченных слоев населения, и организовали оппозиционную фракцию внутри ФНО.

Хосин Аит Ахмед и первый президент Алжира, руководитель ДДА Ахмед Бен Белла.

Таким образом, борьба на выборах должна была вестись практически между двумя наиболее многочисленными и влиятельными партиями – ФНО и ИФС, так как только эти две партии обладали финансовыми и организационными возможностями, чтобы выставить своих кандидатов во всех избирательных округах. Причем несмотря на то, что ФНО был дискредитирован ошибками и злоупотреблениями в период его монопольного управления страной, он тем не менее считался лидером избирательной кампании, будучи «партией власти». По предварительным прогнозам, делавшимся как официальными представителями правительства, так и независимыми обозревателями, ФНО должен был получить от 40 до 50% голосов избирателей, а ИФС – от 20 до 30% (199, с. 132).

В то же время идеологи ИФС умело использовали продолжающийся экономический кризис и рост происламистских настроений в обществе для пропаганды в средствах массовой информации своей доктрины «исламского пути», привлекая на свою сторону новых сторонников. Значительный успех такой пропаганды подтверждает результат телефонного опроса телезрителей, проводившегося после выступления на телевидении лидеров различных партий. Аббаси Мадани получил максимальную оценку (10 из 10 возможных баллов) от 104 опрошенных респондентов из их общего числа в 380 (228, 19.03.1990, с. 18).

В своих выступлениях руководители ИФС всячески подчеркивали, что победа на выборах не является для них самоцелью. По словам Аббаси Мадани, она должна была служить лишь средством для «достижения главной задачи – преодоления политического, экономического, социального, культурного и цивилизационного кризиса, переживаемого Алжиром»³⁸. ИФС вел активную предвыборную агитацию практически по всей территории страны, как в крупных городах, так и в сельской местности. В этой работе участвовали прежде всего районные комитеты ИФС, созданные в большинстве балядий, и избранные ими имамы в более чем 9 тыс. мечетях по всему Алжиру, а также исполнительные бюро ИФС в столице и провинциях, в

³⁸ Интервью Аббаси Мадани, опубликованное в алжирской газете «Algérie Actualité» (2.05.1990).

том числе их женские отделы. Кроме того, предвыборную программу ИФС пропагандировали Исламский профсоюз труда и молодежная организация «Исламская молодежь».

В целях формирования соответствующего психологического настроя населения исламисты создавали в наиболее бедных районах Алжира медицинские пункты и различные благотворительные организации для социальной поддержки неимущих граждан. В частности, после землетрясения в районе г. Тлемсен на западе Алжира активисты ИФС были первыми, кто начал оказывать пострадавшим медицинскую и материальную помощь.

В рамках разворачивавшейся предвыборной кампании ИФС организовывал в крупных городах и особенно в столице многочисленные митинги и демонстрации, в которых участвовали десятки тысяч его сторонников. Автору этих строк самому довелось быть свидетелем подобных многотысячных манифестаций, сопровождавшихся распространением огромного количества листовок с лозунгами ИФС и призывами голосовать за него. Такими же призывами и названием ИФС на арабском и французском языках были расписаны стены домов. Демонстранты несли плакаты и транспаранты с девизом: «Аллаху Акбар» и аятами из Корана. Наиболее часто цитировался 99-й аят из 3-й суры («Семейство Имрана»): *«Ва кунтум аля шафа хуфратин мин ан-нар фа анказакум минха»* («В то время как вы были на краю огненной пропасти, Он /Аллах/ отвел вас от нее»)³⁹.

Одну из самых многочисленных демонстраций (в ней участвовало до 100 тыс. человек) ИФС организовал в столице в декабре 1989 г. в противовес прошедшей накануне манифестации алжирских женских правозащитных организаций, требовавших отменить действующий с 1984 г. семейный кодекс, который, по их мнению, был принят под давлением исламистов и ущемлял права женщин. Участницы демонстрации ИФС (они

³⁹ 99-й аят из 3-й суры Корана был также изображен на логотипе ИФС. Частое цитирование именно этого аята сами исламисты объясняли тем, что, по их утверждению, ИФС являлся не просто одной из политических партий, а «воплощением воли Аллаха», единственной силой, которая была способна вывести Алжир из социально-экономического кризиса, то есть «отвести страну от края пропасти и спасти» (211, 1990, № 22, с. 6).

шли с закрытыми чадрой лицами и в сопровождении мужчин) требовали соблюдения этого кодекса и защиты достоинства «женщины-мусульманки».

Самым впечатляющим и массовым стал марш сторонников ИФС 20 апреля 1990 г. По различным оценкам, в нем участвовало от 600 до 800 тыс. человек. На этот же день планировалась манифестация в поддержку ФНО, но его руководство не решилось ее провести, опасаясь столкновений с исламистами. Несмотря на огромное количество участвовавших в марше ИФС людей, которые заняли практически всю центральную часть столицы, в ходе его не произошло каких-либо значительных беспорядков или эксцессов с полицией, что свидетельствовало о достаточной дисциплинированности и организованности исламистов.

По завершении марша его участники вручили представителям властей петицию руководства ИФС, озаглавленную «Платформа политических требований ИФС». Она была адресована президенту Алжира и состояла из 15 пунктов. Основной смысл послания, написанного в сдержанно-уважительном тоне, состоял в пожелании руководству страны более последовательно продолжать экономические и политические реформы, включавшие, в том числе, конкретные предложения из «Проекта политической программы ИФС». Петиция содержала также такой пункт, как «призыв к созданию независимого от каких-либо политических партий органа для контроля за администрацией и Конституционным советом с тем, чтобы не допустить фальсификации волеизъявления избирателей на предстоящих муниципальных и парламентских выборах» (211, 1990, № 16, с. 9). В послании указывалось на «игнорирование властями воли народа и затягивание ими решения экономических проблем» (211, 1990, № 16, с. 9), что, по мнению руководства ИФС, являлось главным источником социальной напряженности в Алжире. В заключении авторы петиции заявляли, что «ИФС видит жизненную необходимость в том, чтобы глава государства начал применять законы шариата, так как только с их помощью можно руководить в мусульманском обществе» (211, 1990, № 16, с. 9).

Как видно из содержания и тона послания, руководство ИФС на тот период фактически солидаризировалось (по крайней мере, на словах) с курсом на реформирование государственно-политической и экономической системы, проводимым президентом Шадли Бенджедидом. Исламисты рассчитывали, добившись

победы на выборах, покончить с доминированием ФНО в местных органах власти, парламенте и правительстве. Таким образом, цель ИФС – вытеснение ФНО из властных структур, совпала с намерением Шадли Бенджедиде ослабить оппозиционные ему антиреформистские силы внутри ФНО. Исходя из сложившейся политической ситуации, руководство ИФС во главе с Аббаси Мадани надеялось прийти к власти на основе соглашения, а, возможно, и какой-либо формы союза с властями, в частности, с президентом Шадли Бенджедидом.

В результате выборов кандидаты от ИФС получили при голосовании в народные советы балядий (районов) и в народные советы вилай (областей), по официальным данным соответственно 54,3% [по данным ИФС – 55,42%] (64, с. 21) и 57,4% всех голосов избирателей (199, 393). Это означало, что 856 из 1 тыс. 541 народного совета балядий и 31 из 48 народных советов вилай (78, с. 155) должны были возглавить депутаты, избранные от ИФС. Таким образом, более половины всех местных выборных органов власти по всему Алжиру переходило под контроль исламистов. ФНО получил 28,1% (199, с. 393) голосов на выборах в балядийях и 27,5% (199, с. 393) – в вилайях, что позволяло ему сформировать соответственно 487 народных советов в балядийях и только 6 – в вилайях (199, с. 393). Другие партии так же, как и независимые кандидаты, получили гораздо меньший процент голосов.

Эта внушительная победа ИФС оказалась во многом неожиданной как для алжирских властей, так и для политиков за рубежом. Некоторые западные исследователи, в частности Робертс Хьюг, пытались объяснить успех ИФС тем, что достаточно большой процент алжирских граждан (до 35%), имевших права голоса, не участвовал в голосовании из-за того, что выборы бойкотировали партии Фронт социалистических сил (ФСС) и Движение за демократию в Алжире (ДДА), и эти голоса предназначались им. В случае же участия данных партий в выборном процессе его результат был бы совершенно иным (173, 462). Также упоминались довольно многочисленные случаи голосования по доверенности. При этом за членов семьи – женщин голосовали мужчины, мнение которых в мусульманской семье традиционно являлось приоритетным и в данном случае склонялось в пользу ИФС. Одновременно отмечалось, что в день выборов на избирательных участках, так же как и на улицах, почти не было видно представителей властей и, напротив, было очень много акти-

вистов ИФС. Эта ситуация позволяла им всяческими способами оказывать давление на избирателей и тем самым добиваться увеличения числа проголосовавших за ИФС. Некоторые исследователи считали, что власти самоустранились от выборного процесса с целью дать ИФС еще один шанс повлиять на исход голосования (239, 1990, № 129, с. 62). Эти факторы, конечно, сказались на результатах выборов, но только в довольно незначительной степени.

Основной же причиной победы ИФС можно считать умелое использование его лидерами протеста значительного числа алжирских граждан против снижения жизненного уровня, которое в свою очередь стало результатом социально-экономического кризиса, переживаемого Алжиром. Существенную роль в успехе ИФС сыграло недовольство многих алжирцев режимом ФНО, не способным решить их насущные проблемы, а также пропаганда ИФС, обещавшая быстрый выход из кризиса, и умелое манипулирование исламистскими лидерами национально-религиозными чувствами алжирских мусульман путем призывов к «исламскому возрождению» и противодействию «импортированным идеологиям».

Такой вывод подтверждает и анализ процентного соотношения проголосовавших за ИФС в различных регионах Алжира. Основная часть алжирцев, отдавших свои голоса ИФС, являлись жителями больших городов и населенных пунктов. Именно эта категория алжирских граждан в наибольшей степени страдала от последствий экономического кризиса, то есть безработицы, роста цен, недостатка жилья и т.д. Так, в крупнейших городах страны – Алжире, Оране и Константине (являвшихся центрами антиправительственных выступлений в октябре 1988 г., в которых в основном участвовала безработная молодежь) за ИФС проголосовало соответственно 64%, 71% и 72% общего числа избирателей (199, с. 135). Один из молодых избирателей столицы, отдавший свой голос за ИФС, объяснял свой выбор следующим образом: «Молодой человек в Алжире сейчас должен выбирать один из четырех вариантов: оставаться безработным и холостым, так как если нет работы, то невозможно приобрести жилье и обзавестись семьей, работать на черном рынке и рисковать быть арестованным, попытаться эмигрировать во Францию и подметать улицы в Париже или Марселе, или голосовать за программу ИФС, который предлагает какую-то перспективу на будущее» (199, с. 137).

Такая же тенденция голосования за исламистов отмечалась в населенных пунктах с числом жителей более 20 тыс., где ИФС отдали голоса от 65% до 90% избирателей (199, с. 135). Напротив, в городах и поселках с населением менее 20 тыс., где не так остро проявились последствия экономического кризиса, а также в сельских областях юга Алжира, где ФНО со времен национально-освободительной войны пользовался традиционным влиянием, ИФС набрал менее 40% голосов. Наименьшую поддержку ИФС получил в Кабилии, где были сильны позиции противников исламистов – партий Фронт социалистических сил (ФСС) и Объединение за культуру и демократию (ОКД). Также небольшой процент избирателей проголосовал за ИФС в области Мзаб (алжирская Сахара), где проживают берберы-мозабиты, исповедующие ислам ибадитского толка (ветвь хариджизма) и в отдаленных районах Алжира, где до сих пор сохранились завии дервишских братств, пользующихся достаточным влиянием среди местного населения и не воспринявших доктрину ИФС. Такая позиция глав дервишских «орденов», видимо, объяснялась их опасением конкуренции со стороны лидеров исламистов и боязнью потерять свое привилегированное положение в случае прихода к власти ИФС.

Существенным фактором, способствовавшим успеху ИФС на выборах, была также помощь, оказанная ему из-за рубежа, в основном финансовая. Из различных фондов Саудовской Аравии, как государственных, так и частных, на счета ИФС в начале 90-х гг. было переведено около 1 млн. амер. долларов. Большая часть этой суммы поступала через международную исламистскую организацию Лига исламского мира (*Рабитат аль-алям аль-ислямий*).⁴⁰ В частности, один из влиятельных ее членов, Абу Бакр Джабар аль-Джазара, саудовский бизнесмен алжирского происхождения, передавал денежные средства на

⁴⁰ Лига исламского мира (ЛИМ) создана в 1962 г. Ее штаб-квартира находится в г. Мекка (Саудовская Аравия). Практическую деятельность ЛИМ осуществляет через региональные координационные советы (для Азии, Африки, Северной и Южной Америки), основное внимание которых сосредоточено на пропаганде ислама, содействии строительству мечетей, организации хаджа.

финансирование предвыборной кампании ИФС члену Меджлис аш-шуры Баширу Факиху.

Поддержка Саудовской Аравией ИФС и, в первую очередь, его президента Аббаси Мадани объяснялась неприязненным отношением саудовского руководства к алжирскому режиму, длительное время проводившему политику социалистической ориентации, и желанием закрепить отказ от этой политики с помощью умеренных исламистов. Саудовские власти стремились поддержать именно Аббаси Мадани и его сторонников с целью не допустить лидерства в ИФС более радикального Али Бенхаджа, с которым связывалась возможность усиления иранского влияния в руководстве ИФС. Вместе с тем сам Али Бенхадж отзывался об идеях иранской исламской революции крайне сдержанно, подчеркивая их шиитский характер в отличие от доктрины ИФС, которая основана на суннизме.

Аббаси Мадани официально отрицал получение ИФС какой-либо иностранной помощи. Тем не менее как в алжирских, так и в иностранных СМИ появлялась информация о том, что наряду с Саудовской Аравией и Ираном исламистские организации из Египта, Туниса и Судана также оказывали поддержку ИФС. В частности, из Египта присылалась исламистская литература, а суданские и тунисские исламисты, прибывавшие в Алжир, участвовали в манифестациях ИФС (117, с. 212).

Еще одним фактором, повлиявшим на успех ИФС, стала поддержка его кандидатов другими исламистскими силами в Алжире, прежде всего движением «ан-Нахда», возглавляемым Абдаллой Джабаллой, и общественным объединением Лига исламского призыва, которым руководил шейх Ахмед Сахнун. В меньшей степени это касалось организации «Аль-Иршад валь-ислах», руководство которой во главе с Махфузом Нахнахом официально не высказывалось в поддержку ИФС, в то время как многие рядовые его члены голосовали на выборах за его кандидатов.

После официального объявления результатов выборов ИФС организовал массовую манифестацию, на которой Аббаси Мадани заявил о своей готовности сформировать правительство при президенте Шадли Бенджедиде. В то же время он потребовал проведения досрочных парламентских выборов, так как, по его мнению, после избрания депутатов ИФС в большинство местных органов власти, парламент, в основном состоявший из представителей ФНО, не соответствовал нынешнему

соотношению политических сил. Стремясь заручиться поддержкой сил внутри ФНО, разделявших идеологию ИФС, Аббаси Мадани официально предложил войти в свое будущее правительство бывшему премьер-министру Абд аль-Хамиду Брахими, который наряду с Ахмедом Талемом Ибрагими считался наиболее известной фигурой в происламистском крыле ФНО.

Шадли Бенджедид не дал никакого официального ответа по поводу возможности формирования правительства во главе с Аббаси Мадани. Тем не менее в вопросе о сроках парламентских выборов президент уступил требованиям ИФС и объявил, что их первый тур пройдет в первом квартале 1991 г. Шадли Бенджедид, несмотря на свой просчет в определении степени народной поддержки ИФС на местных выборах, был уверен, что сможет удержать власть, продолжая прежний курс. Он рассчитывал использовать исламистов как в борьбе против своих оппонентов внутри ФНО, остававшейся одной из самых значительных политических партий страны, так и для уравнивания влияния армейской верхушки на государственную политику. В то же время Шадли Бенджедид, не без оснований считавший себя инициатором демократических преобразований, намеревался выступать в роли арбитра в противостоянии различных политических сил. Отвечая на высказанные иностранными дипломатами опасения по поводу возможной победы ИФС на предстоящих парламентских выборах, Шадли Бенджедид утверждал, что этого не произойдет. Он аргументировал свою уверенность тем доводом, что ИФС не решит социально-экономические проблемы в тех районах, которыми руководят его депутаты, и тем самым, не выполнив своих предвыборных обещаний, дискредитирует себя и потеряет поддержку избирателей на парламентских выборах.

Между тем избранные от ИФС местные руководители попытались предпринять меры для улучшения экономической ситуации и условий жизни в своих регионах. Так, например, большой популярностью у населения пользовались так называемые исламские рынки (*асвак ислямийя*), открытые местными властями, избранными от ИФС. На таких рынках неимущие алжирские граждане могли купить самые необходимые товары по сниженным ценам. В то же время в районах, контролируемых ИФС, стали приниматься решения, направленные на применение норм шариата в повседневной жизни. Так, городские народные

советы в городах Алжир и Константина проголосовали за отмену совместного обучения юношей и девушек; в курортном городе Типаза было запрещено появляться на улицах в купальных костюмах и шортах, в г. Оран было отменено проведение фестиваля современной музыки. Избранные от ИФС власти закрывали в контролируемых ими районах магазины, торгующие спиртными напитками, и бары. В г. Жижель на востоке Алжира по решению местных властей вся официальная документация должна была вестись только на арабском языке⁴¹.

Необходимо отметить, что введение норм шариата местной администрацией, представленной депутатами от ИФС, стало использоваться проправительственными алжирскими и некоторыми зарубежными, в основном французскими СМИ для дискредитации ИФС. Следует отметить, что в их публикациях, связанных с применением шариата, в определенной степени искажались реальные факты. Так, подлинной причиной отмены музыкального фестиваля в г. Оран являлась не борьба с современной музыкой, а необходимость направить средства, ранее предназначенные на его проведение, на ремонт изношенной городской водопроводной сети. В этой связи Али Бенхадж заявлял: «В Оране не хватает жилья и нет питьевой воды, а мы слышим упреки по поводу отмены музыкального фестиваля. Вода и жилища важнее современных танцев»⁴². Что касается запрета появления на улицах в купальных костюмах и шортах, то такое решение народный совет г. Типаза принял еще в то время, когда им руководили представители ФНО, а пришедшие им на смену депутаты ИФС только его подтвердили. Аббаси Мадани заявлял в связи с этим: «Для ИФС вопрос ношения шорт не являлся главной проблемой. Это выдумка журналистов. Основная задача для нас — это уменьшить безработицу и разрешить жилищный кризис»⁴³.

Во многих публикациях антиисламистского характера типичным стало обвинение избранных от ИФС местных руководителей

⁴¹ Автору этих строк, работавшему в 1990 г. в г. Жижель, самому приходилось иметь дело с документами на арабском языке, присылавшимися городскими властями, хотя ранее ими использовался французский язык.

⁴² Интервью Али Бенхаджа алжирской газете «Horizons» (29.09.1990).

⁴³ Интервью Аббаси Мадани французской газете «Le Figaro» (31.07.1990).

в некомпетентности. В определенной степени это имело место, так как многие из них не обладали опытом административной работы. Вместе с тем некоторые правительственные чиновники откровенно саботировали местную власть, представленную депутатами ИФС, не рассматривая или отклоняя их требования по решению конкретных проблем. Жалобы на такую практику, в частности, были высказаны в петиции, направленной 15 ноября 1990 г. президенту от имени 4 тыс. народных советов, возглавляемых депутатами от ИФС, которые обвиняли центральные власти в игнорировании их просьб и открытой враждебности.

С течением времени действия избранной от ИФС администрации в ряде районов Алжира и участвовавшие выступления руководителей ИФС с требованием строгого соблюдения исламских норм стали вызывать тревогу у части алжирских граждан. К этой категории алжирцев относились студенты-франкофоны, часть мелкой и средней буржуазии, имевшей деловые связи с европейскими странами, и все те, кто разделял негативное отношение ИФС к режиму ФНО, но не являлся сторонником использования шариата в повседневной жизни. Такие опасения касались предпочтительного приема на работу в контролируемые ИФС муниципальные органы специалистов, окончивших арабоязычные учебные заведения, в ущерб франкоязычным. Помимо этого имели место случаи принятия правил, по которым служащие-женщины должны были приходить на работу в чадре. В некоторых исламистских балядиях женщинам, заподозренным в нарушении исламской морали (например, матерям-одиночкам), отказывали в социальных пособиях и в праве на получение муниципального жилья. Особую обеспокоенность у воспринявшей европейскую культуру и образ жизни франкофонной интеллигенции вызывали призывы радикальных исламистских лидеров, в частности, Али Бенхаджа, «бороться с офрануженностью и с интеллектуальным и идеологическим влиянием Франции, а также с ее алжирскими сторонниками»⁴⁴.

Наряду с этим возглавляемое начальником генерального штаба Халедом Наззаром армейское руководство стало также проявлять все большие опасения, связанные с усилением ИФС. Халед Наззар, как и большинство военной элиты, при-

⁴⁴ Интервью Али Бенхаджа французскому журналу «Politique internationale» (Automne 1990, с. 156).

надлежал к «офранцузенной»⁴⁵ части алжирского общества, чья приверженность европейским традициям осуждалась радикальными исламистами. Неприязнь и взаимное недоверие между ИФС и военными объяснялись еще и тем, что в ИФС, в том числе в его руководстве, было немало бывших членов Вооруженного алжирского исламского движения (ВАИД) и участников антиправительственных выступлений в октябре 1988 г., в подавлении которых главную роль играла армия. Несмотря на то, что в программе ИФС утверждалось, что «алжирская армия – это армия народа, всегда готовая защитить целостность страны и ее религию» (211, 1990, № 10, с. 9), исламисты тем не менее не исключали возможности вмешательства военных в ход муниципальных выборов 12 июня 1990 г. Поэтому перед их началом руководство ИФС обратилось с предупреждением, в котором заявлялось: «Если армия выйдет из казарм, чтобы помешать свободному голосованию, мы все, мужчины и женщины, станем единой исламской армией, борющейся за воплощение заветов Пророка»⁴⁶. В свою очередь генеральный секретарь министерства обороны генерал Шеллуфи от имени военного руководства подтвердил, что армия остается гарантом конституции и демократических свобод и никому не позволит «использовать демократию для установления диктаторской власти» (23, с. 119). Это заявление определенно можно рассматривать как недвусмысленное предостережение исламистам о том, что армия не допустит прихода к власти ИФС.

Напряженность между ИФС и армейским руководством стала возрастать после ряда акций, предпринятых исламистами в период военных действий между Ираком и коалицией западных держав. После начала бомбардировок Ирака авиацией США ИФС, используя проиракские настроения многих алжир-

⁴⁵ Халед Наззар до завоевания Алжиром независимости служил во французской армии и там же получил офицерское звание. Он, как и многие его сослуживцы-алжирцы, перешел на сторону ФНО только в 1958 г., спустя 4 года после начала антиколониальной национально-освободительной войны (228, 2000, № 2040, с. 53).

⁴⁶ Выступление Аббаси Мадани на митинге в г.Алжире 11 июня 1990 г., цитируемое в книге: Al-Ahnaf M. *L'Algérie par ses islamistes*. P. 1991, с. 119.

цев⁴⁷, организовал 31 января 1991 г. многотысячную манифестацию под лозунгами поддержки иракского народа и осуждения иностранной агрессии на мусульманскую землю. Марш манифестантов закончился митингом у здания министерства обороны, где Али Бенхадж, одетый в военную форму, предложил немедленно начать формирование отрядов добровольцев⁴⁸ для помощи иракской армии. Он обвинил военное руководство в том, что алжирская армия потеряла способность защищать страну, поскольку выполняла полицейские функции, и заявил: «ИФС хочет видеть армию на службе Аллаха и шариата, а не на службе у Шадли Бенджедиде. Кровь октября 1988 г. еще не высохла!» (23, с. 119).

В свою очередь в среде военных росло недоверие к президенту Шадли Бенджедиду⁴⁹, особенно после его неофициальной встречи с Аббаси Мадани вскоре после победы ИФС на

⁴⁷ Большинство алжирцев сочувственно относилось к Ираку, считая его жертвой агрессии западных держав. Автору этих строк, работавшему в в тот период в Алжире, не раз приходилось слышать высказывания алжирцев, сравнивавших борьбу Ирака с алжирской антиколониальной национально-освободительной войной 1954–1962 гг. и видевших в Саддаме Хусейне арабо-мусульманского лидера, противостоявшего западной экспансии.

⁴⁸ ИФС отправил несколько сотен алжирских добровольцев в Иорданию, где были созданы тренировочные лагеря для их военной подготовки и последующей отправки на помощь иракской армии. Однако к этому времени военные действия в Ираке закончились, и после возвращения в Алжир эти добровольцы составили отряды военизированной милиции ИФС, сформированной под руководством члена Меджлис аш-шуры Саида Мехлуфи. Они использовались в качестве телохранителей лидеров ИФС и охраны при проведении митингов и демонстраций. После начала противостояния с властями многие из этих добровольцев вступили в различные исламистские вооруженные формирования.

⁴⁹ Недоверие руководства армии к Шадли Бенджедиду усугублялось личной неприязнью начальника генерального штаба генерала Халеда Наззара к президенту. По мнению Халеда Наззара, недальновидная политика первого лица государства привела к социально-экономическому кризису в октябре 1988 г. и вынужденному вооруженному вмешательству армии, что стало причиной многочисленных жертв среди гражданского населения (228, 2000, № 2040, с. 54).

выборах. По неофициальным данным, в ходе этих переговоров президент не только подтвердил, что предстоящие парламентские выборы пройдут в такой же демократической обстановке, как и состоявшиеся муниципальные, но и говорил о возможности сотрудничества президентской администрации с ИФС⁵⁰.

Сразу после успеха исламистов на выборах в июне 1990 г. военные предприняли усилия по расширению своего влияния на государственную политику. Их результатом стала отставка соратника Шадли Бенджедида премьер-министра Мулуда Хамруша. Она состоялась под нажимом военных, в частности, Халеда Наззара, подвергавшего критике политический курс Мулуда Хамруша. В мае 1991 г. новое правительство возглавил Сид Ахмед Гозали, разделявший антиисламистскую позицию армейского руководства.

В преддверии парламентских выборов правительство приняло закон о переформировании избирательных округов. Целью его было максимально ослабить влияние ИФС в тех районах, где он получил наибольшее количество голосов. В результате такого «перекраивания» территорий избирательных округов увеличилось их количество в районах юга Алжира, где традиционно сильным было влияние ФНО и где ИФС получил наименьшую поддержку избирателей. Закон предусматривал создание избирательных округов по территориальному признаку. Такое положение предоставляло возможность, например, для 7 тыс. алжирцев, проживавших на территории одного избирательного округа на юге Алжира избирать такое же число депутатов, какое избирали 75 тыс. жителей, проживавших в равном по территории избирательном округе в г. Алжир (199, с. 172), где ИФС имел наибольшую поддержку. В соответствии с этим законом число депутатов в Национальной народной ассамблее увеличивалось с 295 до 542. Формально не предоставляя привилегий какой-либо партии, новый закон тем не менее предусматривал увеличение депутатских мест для юга Алжира, единственного региона, где во время предыдущих выборов лидировал ФНО и, напротив, ИФС набрал наименьшее число голосов.

⁵⁰ По утверждению Халеда Наззара, президент Шадли Бенджедид и его администрация были готовы сотрудничать с ИФС в случае его возможной победы на парламентских выборах (228, 2000, № 2040, с. 55).

Такие предвыборные манипуляции, направленные на уменьшение шансов ИФС на успех в предстоящей выборной кампании, вызвали протест со стороны исламистских лидеров. Аббаси Мадани оценил их, как нарушение алжирским руководством и, в частности, президентом данных ранее гарантий того, что парламентские выборы пройдут в обстановке «демократичности, открытости и честности» (237, 1991, т. 45, № 4, с. 588). На созванной ИФС пресс-конференции Аббаси Мадани потребовал «отмены нового закона, большего контроля со стороны оппозиционных партий за выборным процессом и проведения президентских выборов спустя три месяца после парламентских» (242, 3.04.1991).

Лидеры других исламистских организаций также выразили свой протест по поводу нового закона, нарушающего, по их мнению, демократические условия предвыборной кампании, и высказались за объединение исламистского движения в связи с усиливающимся давлением властей. В частности, президент Лиги исламского призыва Ахмед Сахнун предлагал на предстоящих парламентских выборах выставить единый список кандидатов, включающий представителей всех исламистских партий и организаций. Объединение предполагалось осуществить либо путем создания «исламского альянса», куда могли бы войти все политические партии, исповедующие ислаимзм, либо их вступлением в ИФС как наиболее влиятельную партию. Тем не менее, несмотря на декларацию Меджлис аш-шуры ИФС о «настоятельной потребности сплочения исламских рядов» (166, с. 112) и заявления лидеров двух наиболее крупных после ИФС исламистских партий Махфуза Нахнаха и Абдаллы Джабаллы о необходимости единства действий, объединения исламистских сил не произошло.

Главная причина провала попытки объединения заключалась в том, что исламистские руководители не смогли выработать приемлемых для всех условий для совместных действий. Существенную роль сыграли личные амбиции прежде всего Аббаси Мадани, который не без оснований считал себя признанным лидером ИФС⁵¹ и не хотел разделять власть и

⁵¹ Выборочный опрос общественного мнения, проведенный алжирскими СМИ в начале мая 1991 г., показал, что наибольшей популярностью пользовался президент ИФС Аббаси Мадани, которому отдали свои го-

влияние в своей партии с кем бы то ни было. Очевидно, что в случае объединения это неминуемо должно было произойти, так как в предполагавшееся объединенное руководство вошли бы пользовавшиеся достаточной популярностью на протяжении многих лет шейхи Абдалла Джабалла и Махфуз Нахнах, получившие в отличие от Аббаси Мадани религиозное образование. Объединению помешало также недоверие и даже враждебность в личных отношениях некоторых из лидеров, в частности, Аббаси Мадани и Махфуза Нахнаха, которого руководитель ИФС называл «человеком Шадли Бенджедида» (233, 25.05.1991).

Что касается властей, то они никак не прореагировали на требования ИФС отменить новый закон о выборах. Как правительство, так и президентская администрация проявляли явное нежелание соблюдать ранее достигнутые с ИФС договоренности и старались любыми способами не допустить успешных для ИФС результатов парламентских выборов. Сложившаяся ситуация означала неудачу политики Аббаси Мадани, рассчитанной на возможность прихода ИФС к власти на основе компромисса с режимом и в результате демократических выборов. Сам Аббаси Мадани в этой связи признал, что «система альтернативных выборов вряд ли смогла бы привести к созданию исламского государства» (199, с. 173).

Для того, чтобы принудить правительство пересмотреть новый избирательный закон, а также в целях укрепления своего пошатнувшегося авторитета Аббаси Мадани перешел к более решительным действиям. На митинге ИФС в г.Оране он заявил: «ИФС готов идти на выборы, но при условии отмены репрессивных в отношении нас избирательных правил. Если наши аргументы и законные требования не являются достаточными для президента страны, Аллах дал нам право прибегнуть к другим средствам. Это будет всеобщая политическая забастовка» (199, с. 173).

По предложению Аббаси Мадани Меджлис аш-шура ИФС принял решение о проведении трехдневной всеобщей политической стачки, начиная с 25 мая 1991 г. Тем не менее во время голосования из 37 членов Меджлис аш-шуры 17 выска-

лоса 60% респондентов, 12% голосов набрал руководитель ФСС Хосин Аит Ахмед и 11% – лидер ФНО Абд аль-Хамид Мехри (221, 9.05.1991).

зались против предложения Аббаси Мадани, считая, что всеобщая забастовка может привести к прямой конфронтации с властями и к запрету ими ИФС. Такую же позицию занял находившийся в это время в Алжире и сотрудничавший с руководством ИФС Рашид Ганнуши, известный деятель исламистского движения, лидер тунисской партии «Нахда». В личной беседе он пытался убедить Аббаси Мадани в том, что ИФС, контролируя большинство местных советов, при любых политических условиях останется самой влиятельной партией. В то же время, по мнению Рашида Ганнуши, «прямое столкновение с властями, во что рисковала вылиться политическая стачка, могло бы закончиться разгромом ИФС и арестом его лидеров» (199, с. 173).

Однако в тот период в руководстве ИФС все большее влияние стали завоевывать сторонники решительных действий, поддержавшие предложение Аббаси Мадани. По их инициативе ИФС наряду с объявлением всеобщей политической забастовки заявил о начале кампании гражданского неповиновения. Призыв к нему составил один из наиболее радикальных членов Меджлис аш-шуры Саид Мехлуфи⁵². В нем он характеризовал правящий режим как «неисламский по своей идеологии и по своим законам»⁵³. Саид Мехлуфи обвинял власти в том, что они под видом либерализации экономики «отдали все богатства страны в руки противников ислама – евреев и христиан» (168, с. 287). Конечную цель кампании гражданского неповиновения Саид Мехлуфи определял как «провоглашение в Алжире исламской республики» (168, с. 288). Для ее достижения он призывал алжирских мусульман «объединить силы и энергию и использовать все методы гражданского неповиновения, как то:

⁵² Саид Мехлуфи – бывший офицер алжирской армии, ветеран гражданской войны в Афганистане, член Меджлис аш-шуры и руководитель службы безопасности ИФС. Будучи сторонником радикальных методов борьбы с режимом, наладил тесные контакты с лидером экстремистской фундаменталистской организации «ат-Такфир ва-ль-хиджра» Камелем ас-Самиром.

⁵³ Полный текст призыва Саида Мехлуфи, озаглавленного «Основные принципы и цели гражданского неповиновения» (*Fondements et buts de la désobéissance civile*), приводится в книге: Denaud, Patrick. *Algérie. FIS. Sa direction parle*. P. 1997, с. 288–290.

манифестации, отказ платить налоги и сотрудничать с властями, сидячие забастовки, ультимативные требования к властям и общенациональная забастовка» (168, с. 290).

Всеобщая политическая забастовка не принесла ИФС ожидаемых результатов, так как в ней участвовало, по официальным данным, всего 5% трудовых коллективов алжирских предприятий (242, 18.07.1991). Даже с учетом того, что это число было занижено властями (как об этом заявлял ИФС), такой показатель свидетельствовал, что ИФС и действовавший под его эгидой ИПТ (Исламский профсоюз труда) не пользовались достаточным влиянием и поддержкой среди рабочих, особенно на крупных алжирских предприятиях.

Большого успеха ИФС достиг в проведении кампании гражданского неповиновения, в ходе которой в г.Алжире проходили массовые манифестации и марши протеста. В них участвовала в основном безработная молодежь, поддерживавшая лозунги ИФС, а также прибывшие в Алжир члены исламистских организаций из Туниса и Марокко. Демонстрации в столице продолжались почти две недели. Если в первые дни руководству ИФС удавалось в ходе их проведения поддерживать среди манифестантов относительную дисциплину, то по мере усиления накала страстей все чаще стали происходить нарушения правопорядка и конфронтация с полицией.

Кульминацией кампании гражданского неповиновения стала продолжавшаяся почти неделю сидячая забастовка на одной из центральных площадей г.Алжире, в которой приняли участие несколько десятков тысяч сторонников ИФС, скандировавших лозунги о немедленной отставке правительства и президента и провозглашении исламской республики.

В ответ на такой прямой вызов власти в ночь на 5 июня 1991 г. объявили о введении чрезвычайного положения сроком на четыре месяца и ввели в столицу войска и бронетехнику, которые приступили к разгону манифестантов. В ходе происшедших столкновений было убито и ранено около 400 человек (116, с. 90). В целях прекращения беспорядков и достижения компромисса премьер-министр Сид Ахмед Гозали 7 июня 1991 г. провел переговоры с Аббаси Мадани и Али Бенхаджем. В результате достигнутого соглашения были внесены некоторые поправки в закон о выборах, в частности, число депутатов ННА было определено в 430, а не 542, как было зафиксировано ранее в правительственном законе. Парламентские выборы, ко-

торые власти гарантировали провести в обстановке «демократии и свободы волеизъявления граждан», были перенесены на декабрь 1991 г. После них предполагалось приступить к досрочным президентским выборам. В свою очередь Аббаси Мадани призвал своих сторонников прекратить акции гражданского неповиновения и всеобщую политическую забастовку.

Несмотря на достигнутый компромисс, армейские подразделения продолжали патрулировать столичные улицы, не допуская каких-либо массовых мероприятий исламистов. Наряду с этим военные совместно с полицией приступили к арестам активистов ИФС, участвовавших в столкновениях с силами правопорядка. В общей сложности, по данным ИФС, на 1 июля 1991 г. было арестовано около 3 тыс. его членов (64, с. 21). Кроме того, согласно распоряжению правительства, в балядиях, возглавляемых администрацией, избранной от ИФС, предписывалось снять с помещений местных советов названия «исламская балядия» и восстановить символы алжирской республики, одним из которых продолжал считаться лозунг ФНО, гласящий: «С народом и для народа». Эти действия властей привели к новым столкновениям исламистов с полицией и армией и аресту многих членов местных советов – депутатов от ИФС, которые пытались помешать выполнению этого правительственного распоряжения.

Главную роль в проведении политики силового давления на ИФС играли военные, которые старались максимально ослабить исламистов и видели в них «опасность для нации и государства, которая должна была быть устранена посредством разрушения партийной структуры ИФС, средств его материальной поддержки и изоляции его руководителей» (153, с. 143). Позицию военных в основном разделял премьер-министр Сид Ахмед Гозали.

Что касается президента Шадли Бенджедида, то его отношения с лидерами ИФС заметно охладели после их требований проведения досрочных президентских выборов. Вместе с тем реальная роль Шадли Бенджедида в принятии государственных решений значительно ослабла, так как он вынужден был уступать давлению армейского руководства во главе с министром обороны Халедом Наззаром, которого поддерживало большинство офицерского корпуса, контролировавшего, в свою очередь, рядовой состав армии. В такой ситуации Шадли Бенджедид мог рассчитывать на поддержку только достаточно узкого круга

высших офицеров, по каким-либо причинам преданных ему лично или обязанных ему своим продвижением по службе.

Лидеры ИФС, со своей стороны, видевшие в военной элите основных противников, выступили с прямыми угрозами перейти к силовым методам борьбы, если армия не прекратит репрессивные действия. Аббаси Мадани заявил, что «если армия не вернется в казармы, ИФС призвет народ к джихаду, как это было в ноябре 1954 г.» (199, с. 180). Али Бенхадж, намекая на наличие в государственных силовых структурах сторонников ИФС, предупредил армейское руководство, что «в армии, полиции и жандармерии есть мусульмане, которые чтут законы Аллаха, и они готовы вспомнить об этом в любой момент» (199, с. 184).

Ответом со стороны правительства на такие заявления стал арест 30 июня 1991 г. Аббаси Мадани, Али Бенхаджа и еще шестерых членов Меджлис аш-шуры ИФС, а также закрытие двух газет Фронта «Аль-Мункыз» и «Аль-Фуркан». Оба лидера ИФС обвинялись по нескольким пунктам, включая подготовку свержения законно избранной власти, создание незаконных вооруженных формирований, попытку дестабилизировать экономику страны и подстрекательство граждан к вооруженному мятежу. Последний пункт обвинения был предъявлен Али Бенхаджу за его призыв «запасаться автоматами Калашникова и взрывчаткой» (247, 21.06.1991), якобы сделанный им во время его проповеди 21 июня 1991 г. в столичной мечети «ас-Сунна». Тем не менее премьер-министр Сид Ахмед Гозали официально заявил, что «введение чрезвычайного положения направлено на сохранение стабильности в стране и защиту безопасности ее граждан и никоим образом не означает подавление исламского выбора» (233, 21.07.1991). Он утверждал, что Аббаси Мадани, Али Бенхадж и многие исламисты, арестованные в ходе демонстраций и столкновений с полицией, предстанут перед судом за конкретные правонарушения, а не за их принадлежность к ИФС.

Эти заявления властей объяснялись их стремлением предотвратить нарастание акций протеста со стороны исламистов, которые хотя и прошли в городах Константина и Мостаганем (на востоке Алжира), однако в тот момент не приобрели массового и общенационального характера. Вместе с тем власти не могли игнорировать позицию значительной части ал-

жирских граждан, голосовавших на муниципальных выборах за ИФС и его программу.

Следует подчеркнуть, что после успеха ИФС на выборах в июне 1990 г. и прихода депутатов-исламистов в руководство во многих балядиях в Алжире сложилась политическая ситуация, в чем-то сходная с обстановкой двоевластия в России летом 1917 г., когда Временному правительству противостояли большевистские Советы рабочих и солдатских депутатов. В то время часть армии во главе с генералом Корниловым, не доверяя премьеру Керенскому, попыталась (безуспешно) взять власть в свои руки и подавить нараставшее революционное движение.

В Алжире летом 1991 г. также сложилось двоевластие в лице исламистской администрации ИФС в более чем половине балядий (провинций) и центральной власти в лице президента, правительства, парламента и все еще обладавшего достаточным влиянием ФНО. Причем как в парламенте, так и в ФНО также были сторонники ИФС.

В такой обстановке армия, с настороженностью относившаяся к контактам президента с лидерами ИФС, выступила инициатором силовых акций против исламистов с целью восстановления контроля над политической ситуацией в стране и сохранения своего привилегированного положения в обществе. Действия армейского руководства, поддержанные премьер-министром Сид Ахмедом Гозали, не являлись еще открытым конфликтом с президентом. Тем не менее после подавления манифестаций ИФС и ареста его руководителей армейская элита во главе с генералом Халедом Наззаром значительно усилила свои позиции, и с этого момента принятие политических решений еще в большей степени стало зависеть от мнения военных.

Провал всеобщей политической забастовки и кампании гражданского неповиновения, приведший к аресту многих членов ИФС, в том числе его лидеров, и в существенной мере дезорганизовавший партию, вызвал в ее руководстве острую полемику. Так, Ахмед Марани⁵⁴ заявлял, что решение о продолжении всеобщей политической стачки являлось ошибочным

⁵⁴ Ахмед Марани – член Меджлис аш-шуры и председатель партийной комиссии ИФС по социальным вопросам.

и было принято единолично Аббаси Мадани без консультаций с ним и с другими членами Меджлис аш-шуры (221, 1.08.1991). Ранее, во время происходивших столкновений исламистов с силами правопорядка Башир Факих⁵⁵, Ахмед Марани и Хашеми Сахнуни в своем выступлении по алжирскому телевидению обвиняли Аббаси Мадани в «игнорировании мнения членов Меджлис аш-шуры⁵⁶ и авторитаризме» (247, 27.06.1991) и выступали «за прекращение конфронтации с властями с тем, чтобы предотвратить дальнейшие жертвы среди мусульман» (247, 27.06.1991). Эти члены руководства ИФС, позицию которых разделял и его вице-президент Беназзуз Зебда, считали, что ИФС должен основной упор сделать на собственно религиозной деятельности, а не на политической, то есть уделять больше внимания морально-этическим проблемам и распространению в обществе исламских традиций и норм шариата. Тем не менее в результате развернувшихся дебатов, происходивших на всеобщей партийной конференции ИФС в конце июля 1991 г. в г. Батна (на востоке Алжира), победили сторонники Аббаси Мадани во главе с Абд аль-Кадером Хашани, провозглашавшие главной целью ИФС завоевание политической власти. Их позицию также поддержал влиятельный член Меджлис аш-шуры Мухаммед Саид, лидер *джазаиристского*⁵⁷ течения в ИФС.

⁵⁵ Башир Факих – член Меджлис аш-шуры и руководитель отделения ИФС в г.Оране, втором по величине городе в Алжире.

⁵⁶ Сторонники Аббаси Мадани, в свою очередь, объясняли его нежелание доводить свои решения до сведения всех членов Меджлис аш-шуры подозрениями руководства ИФС в том, что Ахмед Марани, Башир Факих и некоторые другие члены Меджлис аш-шуры без ведома Аббаси Мадани встречались с главой алжирской военной контрразведки генералом Тауфиком с целью заключения с ним неофициальных договоренностей.

⁵⁷ Название джазаиристского течения в ИФС происходит от арабского произношения слова Алжир – *джазаир*. Джазаиристы, подерживая стратегическую цель ИФС – создание исламского государства, считали тем не менее что в силу специфики исторического развития (длительное французское влияние) в Алжире оно должно иметь свои национальные особенности. Большинство джазаиристов были уроженцами западных областей Алжира, в частности, г. Оран. Многие из них имели высшее, в том числе, техническое образование, полу-

Итогом конференции стало избрание нового состава национального исполнительного совета ИФС, который возглавил Абд аль-Кадер Хашани. Он же был провозглашен временным (на период пребывания в заключении Аббаси Мадани) президентом ИФС. Новыми вице-президентами были назначены Осман Айсани и Абд аль-Крим Гэмат, а руководителем политического отдела ИФС стал Рабах Кабир. Все они являлись ближайшими соратниками Абд аль-Кадера Хашани. Было также увеличено число членов Меджлис аш-шуры с 37 до 70, а его состав радикально обновлен. Из него были исключены ратовавшие за примирение с властями и отказ от продолжения политической борьбы Беназзуз Зебда, Ахмед Марани, Башир Факих, Мухаммед Керрар и Хашеми Сахнуни. Абд аль-Кадеру Хашани удалось добиться исключения из состава Меджлис аш-шуры своих радикальных оппонентов, требовавших более решительных действий против режима. К их числу принадлежали Саид Мехлуфи и Камар ад-Дин Кербан⁵⁸, являвшиеся выразителями наиболее экстремистского – салафитского течения в ИФС.

Таким образом, новое руководство ИФС во главе с Абд аль-Кадером Хашани сумело в достаточной степени консолидировать свои ряды, освободившись как от «соглашателей», видевших в ИФС не политическую партию, а религиозную организацию, так и от радикалов, призывавших к жесткой конфронтации с властями. Такая консолидация позволила ИФС к осени 1991 г. укрепить свою партийную структуру и восстановить в существенной мере влияние в обществе, поколебленное в результате силовых действий властей, введения чрезвычайного положения и ареста части руководства ИФС. Свидетельством восстанов-

ченное в Европе или США, за что их называли также «технократическим течением» алжирского исламизма.

⁵⁸ Камар ад-Дин Кербан в период гражданской войны в Афганистане являлся руководителем организации «Арабские муджахиды» (*аль-Муджахидун аль-араб*), созданной в Пешаваре (Пакистан) для вербовки наемников из арабских стран в ряды афганских муджахидов, боровшихся против афганского режима и поддерживавших его советских войск. Камар ад-Дин Кербан, будучи членом Меджлис аш-шуры ИФС, поддерживал контакты с различными радикальными исламистскими организациями как в Алжире, так и за его пределами.

ления позиций ИФС как основной политической партии стала грандиозная 300 тысячная демонстрация исламистов 1 ноября 1991 г. в день празднования 37-й годовщины начала антиколональной национально-освободительной революции.

Острые дебаты в руководстве ИФС вызвал вопрос выработки дальнейшего курса, особенно в отношении предстоящих парламентских выборов. Часть членов Меджлис аш-шуры, не надеясь на успех, предлагала бойкотировать выборы или участвовать в них при условии выполнения властями ряда их требований, в частности, освобождения арестованных лидеров ИФС и восстановления на работе уволенных участников всеобщей политической забастовки. Однако Абд аль-Кадер Хашани считал необходимым участвовать в выборах, утверждая, что их бойкот приведет ИФС к новому столкновению с властями, а неучастие ИФС в выборной кампании в случае невыполнения властями его условий исключит партию из политической борьбы и тем самым лишит ее возможности завоевать власть легальным путем. Абд аль-Кадер Хашани заявлял в связи с этим, что «ИФС может прийти к власти только в результате свободных и справедливых выборов» (221, 1.08.1991). Стараясь выглядеть более умеренным, чем его предшественники, он отказался даже поддержать ранее высказываемое ИФС требование о проведении после парламентских досрочных президентских выборов. В свою очередь после отмены чрезвычайного положения в октябре 1991 г. премьер-министр Сид Ахмед Гозали высказал пожелание, чтобы все политические партии, в том числе ИФС, приняли участие в парламентских выборах. Наряду с этим власти сняли запрет с печатных органов ИФС «Аль-Мункыз» и «Аль-Фуркан», и с 18 ноября 1991 г. они вновь стали выходить в печать. Такой жест «доброй воли» со стороны властей по отношению к ИФС был обусловлен тем, что довольно значительная часть граждан, возможно, не разделяя полностью концепции ИФС, тем не менее продолжала симпатизировать «исламскому выбору». К числу симпатизировавших ИФС относились и такие влиятельные политические фигуры, как бывший премьер-министр, член ФНО Абд аль-Хамид Брахими, которому Аббаси Мадани предлагал пост главы своего правительства в случае прихода ИФС к власти, бывший министр иностранных дел, известный деятель ФНО Ахмед Талеб Ибрахими и председатель Национальной народной ассамблеи (парламента) Абд аль-Азиз Белькадем.

В достаточной степени столь лояльное отношение властей к ИФС объяснялось также желанием алжирских руководителей, прежде всего Шадли Бенджедиды, сохранить имидж демократов как внутри Алжира, так и в глазах мирового общественного мнения. Наряду с этим алжирское руководство надеялось на то, что ослабленный и в достаточной степени дезорганизованный после ареста многих его членов ИФС не сможет добиться серьезного успеха на парламентских выборах.

Однако многие руководители ИФС не доверяли правительственным заявлениям, считая, что в действительности власти постараются не допустить участия ИФС в выборах, либо добившись его запрета, либо спровоцировав его на бойкот выборной кампании. Тем не менее большинство руководства ИФС поддержало позицию Абд аль-Кадера Хашани. В частности, глава политического отдела ИФС Рабах Кабир утверждал, что даже в случае провокаций со стороны властей участие в выборной кампании крайне необходимо, и заявлял, что «бойкот выборов будет означать крах ИФС» (199, с. 223).

Достаточно трудно утверждать наверняка за неимением документальных подтверждений, совершались ли властями провокационные действия в отношении ИФС. Британский исследователь Хьюг Робертс (173, с. 473), например, рассматривал как провокацию нападения группы неизвестных, названных в проправительственных СМИ исламистами, на митинг партии «Движение за демократию в Алжире» и на штаб-квартиру партии ФНО. Этот инцидент, как обоснованно предполагал Хьюг Робертс, мог быть спровоцирован алжирскими спецслужбами, чтобы дать повод правительству для запрета ИФС. В связи с этим уместно подчеркнуть, что после подавления властями объявленной ИФС всеобщей политической забастовки и кампании гражданского неповиновения начался процесс радикализации части сторонников ИФС. Это касалось прежде всего маргинализированной молодежи и ветеранов афганской войны, разочаровавшихся в политических формах борьбы, предлагаемых ИФС. Такие радикально настроенные исламисты составили основу начавших формироваться в это время подпольных экстремистских фундаменталистских группировок. Их лидеры провозглашали радикальные методы борьбы, призывая к бойкоту парламентских выборов и даже к джихаду против существующего режима. На наш взгляд, алжир-

ские спецслужбы могли использовать эти группировки в провокационных целях, внедряя в их ряды своих агентов⁵⁹.

В ноябре 1991 г. боевики одной из таких группировок обстреляли полицейский наряд после того, как им был обнаружен склад оружия в населенном пункте Бэб аль-Уэд, расположенном недалеко от тунисской границы. В том же районе 29 ноября 1991 г. 16 боевиков совершили нападение на пограничный пост Гэммар, в результате которого погибли трое военнослужащих. Расследование этих террористических актов показало, что их планированием и подготовкой руководил активный член Исламского профсоюза труда Айса Мессауди⁶⁰, имевший также тесные связи с алжирской фундаменталистской организацией «Ат-Такфир ва-ль-хиджра» (Обвинение в неверии и хиджра)⁶¹, членами которой стали многие алжирские ветераны афганской войны. Кроме того, несколько арестованных боевиков – участников нападения на пограничный пост на суде показали, что они являлись членами ИФС. Сразу же после этих инцидентов министр обороны Халед Наззар в своем выступлении по алжирскому телевидению обвинил ИФС в причастности к «попыткам развязать кампанию террора против государственных институтов» (228, 11.12.1991). Абд аль-Кадер Хашани стремился отвести эти обвинения, заявив в нескольких своих выступлени-

⁵⁹ Британский исследователь Майкл Уиллис считает, что алжирская военная контрразведка (*Securité militaire*) не только внедряла своих агентов в ряды экстремистских исламистских группировок, но даже создавала с помощью таких агентов целые исламистские организации, полностью ею контролируемые. В частности, по мнению Майкла Уиллиса, Партия арабо-исламского объединения была создана агентами военной контрразведки и использовалась ею в своих целях (199, с. 123).

⁶⁰ Айса Мессауди, имевший псевдоним Тайеб аль-Афгани, участвовал в рядах муджахидов в гражданской войне в Афганистане.

⁶¹ Фундаменталистская организация «Ат-Такфир ва-ль-хиджра» (Обвинение в неверии и хиджра) была создана в Алжире в середине 70-х гг. последователями идеологов египетской исламистской организации «Братья-мусульмане» и в начале своей деятельности, возможно, была связана с экстремистской египетской группировкой того же названия. Алжирская «Ат-Такфир ва-ль-хиджра» была немногочисленна и не пользовалась значительным влиянием в исламистском движении. В начале 90-х гг. ее руководство проповедовало экстремистские методы борьбы с властями.

ях, что ИФС всегда отвергал насилие и «неоднократно заявлял во всех своих официальных документах, что будет действовать строго в рамках закона» (166, с. 221).

В то время, как отношения между ИФС и военными оставались враждебными, президент Шадли Бенджедид после отказа Абд аль-Кадера Хашани от требования досрочных президентских выборов возобновил неофициальные контакты с ИФС. Тем самым Шадли Бенджедид пытался использовать свою старую тактику, суть которой состояла в противопоставлении исламистов значительно усилившемуся влиянию военных. Такая позиция президента в отношении ИФС, вероятно, сыграла свою роль в том, что в алжирских проправительственных СМИ прекратились обвинения ИФС в его причастности к террористической деятельности. В то же время руководство ИФС официально объявило о своем согласии участвовать в парламентских выборах. Во время предвыборной кампании активисты ИФС отпечатали и распространили около 500 тыс. агитационных листовок и плакатов. Так же как и перед предыдущими муниципальными выборами ИФС сумел в ходе подготовки к парламентским выборам выдвинуть своих кандидатов во все избирательные округа. Причем их тщательный подбор вывел ИФС, по заключению алжирской и иностранной прессы, на первое место по количеству кандидатов, имевших высшее образование, по сравнению со всеми другими партиями, участвовавшими в выборах.

В результате первого тура парламентских выборов, состоявшегося 26 декабря 1991 г., ИФС завоевал 47,3% голосов всех избирателей, ФНО – 23,4%, «Фронт социалистических сил» (ФСС) – 7,4%, «Хамас» – 5,3%, «Объединение за культуру и демократию» (ОКД) – 2,9%, «Нахда» – 2,2%, «Движение за демократию в Алжире» (ДДА) – 2% (199, с. 394). Согласно закону о выборах, кандидаты в первом туре парламентских выборов боролись за 231 депутатское место в Национальной народной ассамблее (алжирском парламенте). Во втором туре, назначенном на 16 января 1992 г., должны были быть избраны остальные 199 депутатов (всего в Национальную народную ассамблею избиралось 430 депутатов). По итогам голосования первого тура ИФС получил 188 депутатских мест из 231, ФНО – 15, ФСС – 25 и независимые депутаты – 3 (199, с. 394). Остальные партии (всего в парламентских выборах участвовало 49 партий), набравшие менее 1% голосов, в том числе, такая извест-

ная, как Партия социалистического авангарда (ПСАВ), не получили ни одного места. Таким образом, ИФС достаточно было получить во втором туре всего 28 депутатских мест, чтобы завоевать абсолютное большинство в Национальной народной ассамблее (216 депутатов из общего числа в 430). Это позволило бы ИФС в соответствии с законодательством поставить вопрос о пересмотре конституции, что, в свою очередь, давало возможность воплотить в жизнь программу ИФС, то есть превратить Алжир в исламскую республику.

Успех ИФС в первом туре парламентских выборов объяснялся в основном теми же причинами, что и победа в муниципальных выборах в июне 1990 г. Многие алжирцы возлагали ответственность за ухудшавшуюся социально-экономическую ситуацию в стране⁶² на бывшую правящую партию ФНО и центральное правительство и продолжали видеть выход из кризиса в программе, предлагаемой ИФС.

Как и в период муниципальных выборов, наибольшую поддержку в ходе парламентских выборов ИФС получил в крупных городах и населенных пунктах, в наибольшей степени страдавших от нерешенности социально-экономических проблем. Так, например, в трех самых больших городах страны – Алжире, Оране и Константине ИФС получил соответственно 58%, 62% и 65% голосов избирателей (199, с. 230). Существенным фактором, способствовавшим эффективному ведению ИФС нынешней предвыборной кампании, стал завоеванный в ходе прошлых муниципальных выборов контроль над местными советами в большинстве районов страны. Определенную роль в успехе ИФС сыграл также больший акцент, делавшийся его новым руководством на алжирские национальные и исторические традиции. Так, по настоянию Абд аль-Кадера Хашани ИФС принял участие в праздновании годовщины начала антиколониальной революции (которое игнорировал Аббаси Мада-ни). Абд аль-Кадр Хашани признал роль берберского наследия в алжирской национальной культуре. Было принято также решение об использовании берберского языка (*амазиг*) в пропагандистских материалах ИФС, адресованных берберскому

⁶² За период с 1989 по 1991 г. количество безработных в Алжире выросло с 2,5 млн. до 4 млн. чел., а цены на продукты питания поднялись в 4–5 раз (117, с. 213).

населению. Это объяснялось прежде всего приходом в руководство ИФС джазаиристов, многие из которых, включая их лидера, известного исламистского деятеля Мухаммеда Саида, были по этническому происхождению берберами.

В достаточной степени успеху ИФС способствовала финансовая поддержка из-за рубежа, в частности, со стороны Саудовской Аравии, хотя она и осуществлялась в меньшем объеме, чем перед муниципальными выборами в июне 1990 г. Это было вызвано некоторым охлаждением отношений между саудовским руководством и лидерами ИФС после того, как последние заняли проиракскую позицию во время войны между Ираком и коалицией западных держав в начале 1991 г. ИФС поддерживал также связи с иранским режимом, но они не были достаточно прочными, и материальная поддержка, в частности со стороны иранской радикальной партии Хизбалла, оказывалась в основном не ИФС, а небольшим шиитским группировкам⁶³, действовавшим в Алжире. Тем не менее во время столкновений исламистов с полицией в июне 1991 г. иранский посол в Алжире вынужден был давать объяснения в алжирском министерстве иностранных дел, которое обвиняло Иран в оказании помощи радикальным исламистам и тем самым во вмешательстве во внутренние дела Алжира. Сам Аббаси Мадани и в последствии Абд аль-Кадер Хашани отрицали какую-либо финансовую помощь со стороны Саудовской Аравии, государств Персидского залива или Ирана, заявляя, что «ИФС не получил ни цента из названных стран» (242, 3.04.1991). При этом лидеры ИФС указывали на наличие идеологических расхождений между их программой и моделями государственно-политического устройства в Саудовской Аравии и Иране и заявляли, что «они не могли служить образцом для ИФС, который стремится построить свое государство в соответствии с заветами Пророка» (228, 25.07.1991).

Важно отметить, что президент Шадли Бенджедид не выразил какого-либо беспокойства по поводу убедительного успеха ИФС в первом туре парламентских выборов. Еще за два

⁶³ Одной из таких шиитских группировок, поддерживаемых Ираном, была экстремистская организация «Ас-Сунна ва-ш-шариа» (Сунна и шариат). Ее боевики осуществили 16 января 1990 г. вооруженное нападение на здание суда в г. Блида (на востоке Алжира), в результате которого погибли 4 человека.

дня до их начала президент официально заявил, что в случае завоевания ИФС большинства в парламенте и формирования им нового правительства он готов с ним сотрудничать⁶⁴. Шадли Бенджедид утверждал, что он «будет уважать выбор народа» (166, с. 236) и что «при условии соблюдения сформированным ИФС новым правительством конституции между ним и этим правительством не будет никаких проблем» (166, с. 236).

Отношение светских партий к победе ИФС на парламентских выборах и возможности появления исламистского большинства в Национальной народной ассамблее (ННА) было различным. Лидеры партий, которые не смогли получить в ней ни одного депутатского места, такие как ОКД⁶⁵, ПСАВ⁶⁶ и АДСР⁶⁷, резко высказывались против проведения второго тура парламентских выборов. Лидер ОКД Саид Саади заявлял, что «необходимо использовать все возможное, чтобы помешать проведению второго тура, который погрузит Алжир в хаос и похоронит алжирскую демократию»⁶⁸. Такую же позицию занимали руководители ПСАВ, утверждая, что «самой неотложной национальной задачей являлась мобилизация всех патриотических и демократических сил с тем, чтобы потребовать аннулирования результатов голосования и недопущения второго тура выборов» (64, с. 16). Эти партии совместно с Всеобщим союзом алжирских трудящихся (ВСАТ), Алжирской лигой прав человека, Комитетом поддержки Алжирской республики и рядом женских ассоциаций создали Национальный совет по спасению Алжира (НССА)⁶⁹, ко-

⁶⁴ Некоторые исследователи считают, что договоренность о возможном сотрудничестве ИФС с Шадли Бенджедидом в случае победы исламистов на парламентских выборах была достигнута во время негласной встречи президента в конце ноября 1991 г. с лидерами ИФС в курортном местечке недалеко от г. Блида (183, с. 174–175).

⁶⁵ ОКД – Объединение за культуру и демократию.

⁶⁶ ПСАВ – Партия социалистического авангарда.

⁶⁷ АДСР – Алжирское движение за справедливость и развитие.

⁶⁸ Интервью лидера ОКД Саида Саади (*Financial Times*. 2.01.1992).

⁶⁹ В Национальный совет по спасению Алжира вошли также организации, объединявшие работников государственного сектора, такие как Национальный союз руководителей государственных предприятий и Национальная ассоциация работников государственных предприятий.

торый возглавил генеральный секретарь ВСАТ Абд аль-Хакк Бен Хамуда. В своем первом коммюнике НССА призвал к принятию неотложных мер по спасению демократии в Алжире, заявляя, что в случае прихода к власти ИФС демократические институты будут уничтожены, так как «те, кто отвергают демократию, не будут соблюдать ее законы» (221, 30.12.1991).

В то же время такие светские партии, как ФСС и ФНО, набравшие достаточное количество голосов избирателей, чтобы быть представленными в парламенте, высказались за продолжение выборного процесса. Получив в результате выборов 25 парламентских мест, лидер ФСС Хосин Аит Ахмед заявил, что «любой кризис в демократическом государстве должен разрешаться только демократическим путем» (183, с. 84). Одновременно он призвал к объединению всех демократических сил для завоевания ими наибольшего числа парламентских мест во втором туре выборов. По его инициативе ФСС, Алжирская лига защиты прав человека и ряд женских правозащитных ассоциаций провели в алжирской столице 2 января 1992 г. массовый марш в защиту демократии, в котором участвовали до 300 тыс. человек. Со своей стороны, Абд аль-Хамид Мехри, руководитель ФНО, который получил 15 депутатских мест, признал, что ИФС играл значительную роль в алжирской политической жизни, и заявил, что «ФНО надеется в целях сохранения стабильности в стране сформировать совместно с ИФС правительство национального единства» (240, 12.1991). Исламистские партии «Хамас» и «Нахда», не получившие ни одного депутатского места, но за которые тем не менее проголосовали соответственно 5,3% и 2,2% избирателей, также высказались за продолжение демократического выборного процесса.

Что касается военных, то возможность получения ИФС большинства в парламенте и его прихода в правительство вызвала у них самую серьезную обеспокоенность, которую усиливали продолжавшиеся неофициальные контакты президента Шадли Бенджедида с руководством ИФС. В ходе переговоров, состоявшихся 3 января 1992 г., как впоследствии утверждалось в публикациях некоторых СМИ⁷⁰, было достигнуто секретное

⁷⁰ Личный представитель Шадли Бенджедида, глава его президентской администрации Абд аль-Азиз Келлеф 3 января 1992 г. в течение 4 часов вел переговоры с руководителем ИФС Абд аль-Кадером Ха-

соглашение о сотрудничестве будущего сформированного ИФС правительства с президентом и даже о согласии Шадли Бенджедида на смещение со своих постов некоторых высших армейских офицеров. Тем не менее как Шадли Бенджедид, так и Абд аль-Кадер Хашани отрицали наличие каких-либо секретных договоренностей между президентской администрацией и руководством ИФС (221, 30.12.1992).

Между тем высказывания лидеров ИФС относительно его дальнейших действий в случае завоевания большинства в ННА и прихода в правительство были достаточно противоречивы. На пресс-конференции, состоявшейся после объявления результатов первого тура парламентских выборов, Абд аль-Кадер Хашани, определяя отношение ИФС к армии, заявил: «Не существует никакого конфликта между нашей партией и вооруженными силами, потому что для него нет оснований. Аллах ведет нас к власти через волеизъявление народа, и армия должна уважать и защищать этот выбор народа» (199, с. 237).

Абд аль-Кадер Хашани в своих многочисленных публичных выступлениях подтверждал, что ИФС «готов сотрудничать как в ННА, так и в коалиционном правительстве с президентской администрацией и с другими партиями, в том числе с ФНО и ФСС» (242, 30.12.1991). Обращаясь к иностранным журналистам, Абд аль-Кадер Хашани заверял их, что «в случае прихода к власти ИФС не собирается изолировать Алжир от мира и сделать из него новый Иран» (242, 30.12.1992). Руководители ИФС наладили также постоянные негласные контакты с дипломатами ряда западных стран, прежде всего США и Франции. Во время таких встреч подтверждалось, что «ИФС не выступает против демократических ценностей, и сформированное им будущее правительство будет соблюдать все международные договоры и обязательства Алжира, в том числе по внешнему долгу» (242, 30.12.1992).

Наряду с такого рода заявлениями, вполне сочетавшимися с общепринятыми в странах Запада демократическими традициями, звучали и другие, иногда совершенно противоречившие им высказывания. Один из заместителей Абд аль-

шани, в результате которых, по утверждению авторов публикации, было заключено секретное соглашение о сотрудничестве между президентской администрацией и ИФС (228, 1999, № 2029, с. 27).

Кадера Хашани шейх Абд аль-Кадер Могни⁷¹ в своей проповеди в мечети «ас-Сунна» назвал «следование правилам демократии богохульством» (228, 20.11.1991). Сам Абд аль-Кадер Хашани 3 января 1992 г. в столичной мечети «Бэб аль-Вадд» заявил своим сторонникам: «Наша борьба – это противостояние исламской чистоты и демократической нечестивости» (221, 9.01.1992). Наиболее угрожающими выглядели приводимые алжирской газетой «Аль-Ватан» (Родина) высказывания одного из кандидатов в депутаты от ИФС о том, что когда в Алжире будет создано исламское государство, для всех тех, «кто поддерживал демократию, останется одно место – на виселице» (254, 3.08.1994). Существенную тревогу как у военных, так и у всех, кто не разделял исламистскую идеологию, вызывали распространившиеся в Алжире слухи (официально опровергавшиеся руководством ИФС) о создании после прихода ИФС к власти «народных трибуналов»⁷² для суда над теми, кто совершал преступления против народа. Прямым вызовом со стороны исламистов сочло армейское командование заявление руководства ИФС о намерении в случае завоевания большинства в ННА добиться освобождения всех членов своей партии, осужденных военными судами в период введения чрезвычайного положения в июне 1991 г. во время столкновений исламистов с армией и полицией.

Достаточно трудно судить, в какой степени эти противоречивые заявления руководителей ИФС отражали их действительные намерения и планы. На наш взгляд, с одной стороны, они являлись своеобразной тактической риторикой, изменявшейся в зависимости от состава аудитории, на которую они были направлены. С другой, они отражали позиции различных группировок в самом ИФС. Они варьировались от более радикальных, выразителем взглядов которых был Абд аль-Кадер

⁷¹ Абд аль-Кадер Могни, один из основателей ИФС, член его Меджлис аш-шуры, заменил находившегося в заключении Али Бенхаджа, став главным проповедником столичной мечети «ас-Сунна».

⁷² Слухи о возможном создании «народных трибуналов» стали распространяться в столице сразу после успеха ИФС в первом туре парламентских выборов. Тем не менее Абд аль-Кадер Хашани назвал такие утверждения провокацией и официально заявил, что «не будет ни народных трибуналов, ни какого бы то ни было сведения счетов» (228, 9.01.1992).

Могни, заменивший арестованного Али Бенхаджа, до достаточно умеренных, куда входили сторонники политической борьбы в рамках демократической системы (по крайней мере, по их официальным высказываниям), возглавлявшиеся Абд аль-Кадером Хашани. Наряду с этим нельзя не учитывать таких факторов, как наличие среди рядовых членов и в руководстве ИФС тех, кто пострадал от репрессивных действий армии и полиции и был достаточно враждебно настроен по отношению к правящему режиму. К их числу относились бывшие члены организации ВАИД и участники антиправительственных выступлений в октябре 1988 г., ко многим из которых во время допросов в полиции применялись пытки. Значительную часть сторонников ИФС составляла также настроенная достаточно радикально безработная молодежь, принимавшая активное участие в столкновениях с войсками и полицией в июне 1991 г.

В этой связи представляется во многом проблематичной способность Абд аль-Кадера Хашани и его сторонников в случае прихода ИФС к власти полностью контролировать ситуацию в стране и удержать наиболее экстремистские элементы ИФС от попыток свести счеты с режимом и с политическими оппонентами в демократическом лагере⁷³. Принимая во внимание все эти факторы, необходимо признать, что обеспокоенность, проявленная военными по поводу возможного прихода ИФС к власти, выглядела достаточно обоснованной.

Существовал еще один немаловажный момент, связанный с тем, что в случае успеха ИФС во втором туре выборов закономерно избранная Национальная народная ассамблея с исламистским большинством депутатских мест становилась легитимным законодательным органом. При этом любые приказы военного командования об использовании армии против него формально могли расцениваться как антиконституционные и не выполняться теми военнослужащими, которые разделяли доктрину ИФС. Такая ситуация грозила расколом в вооруженных силах, особенно учитывая позицию склонявшегося к сотрудничеству с ИФС президента Шадли Бенджедида и колебания в сторону

⁷³ Подтверждением возможности таких попыток явилось нападение нескольких сотен радикальных исламистов на участников марша в защиту демократии, организованного 2 января 1992 г. светскими партиями и женскими правозащитными организациями в г.Алжир.

поддержки исламистов, отмеченные в настроениях рядового и младшего командного состава некоторых воинских частей. Сложившаяся обстановка подталкивала самых непримиримых противников ИФС к быстрым и решительным действиям. Их инициаторами большинство исследователей считает министра обороны Халеда Наззара и премьер-министра Сид Ахмеда Гозали.

Сразу после объявления результатов первого тура выборов состоялась встреча президента Шадли Бенджедида с армейским командованием. В ее ходе Халед Наззар заявил, что «офицеры очень обеспокоены сложившейся ситуацией» (228, 2000, № 2040, с. 55). Халеда Наззара поддержал его заместитель – генерал Абд аль-Хамид Джуади, подтвердивший, что «исламисты представляют серьезную опасность для страны» (228, 2000, № 2040, с. 55). Шадли Бенджедид, как свидетельствует в своих мемуарах Халед Наззар, реагировал таким образом, «как будто ничего серьезного в стране не происходило, вследствие чего присутствовавшие офицеры потеряли всякое доверие к президенту» (228, 2000, № 2040, с. 55). Халед Наззар утверждал, что к военному командованию обращались «многие граждане и представители политических партий, выражавшие свою глубокую обеспокоенность возможным приходом к власти исламистов и возникавшей в связи с этим угрозой республиканскому строю и демократическим свободам» (228, 2000, № 2040, с. 55).

В конце декабря 1991 г. под руководством министра обороны Халеда Наззара состоялось совещание высшего командного состава алжирской армии, в котором участвовали также командующий силами жандармерии Бен Аббас и руководитель службы военной контрразведки Мухаммед Медьен. Участники совещания подтвердили, что «Алжир находится в опасной политической ситуации, которая требует, как никогда раньше, нерушимой сплоченности армии, являющейся гарантом территориальной целостности страны и конституционного порядка» (228, 2000, № 2040, с. 56). Результатом совещания стало решение о необходимости принятия безотлагательных мер для недопущения прихода к власти исламистов и создания в министерстве обороны рабочей группы из высших офицеров для выработки плана конкретных действий. Было принято решение убедить президента Шадли Бенджедида уйти в отставку и

передать власть Высшему совету безопасности (ВСБ)⁷⁴, который возглавляли министр обороны Халед Наззар, начальник генерального штаба Абд аль-Малек Геназия и министр внутренних дел Ларби Бельхейр.

6 января 1992 г. Халед Наззар передал Шадли Бенджедиду петицию с требованием уйти в отставку, подписанную 181 высшим офицером. Предварительно распустив своим указом ННА, Шадли Бенджедид официально объявил о своей отставке по алжирскому национальному телевидению 11 января 1992 г. Он заявил: «Учитывая серьезность сложившейся ситуации, я считаю свою отставку необходимым шагом для сохранения единства народа и безопасности страны» (199, с. 250). 12 января 1992 г. Высший совет безопасности (ВСБ) официально объявил «о невозможности продолжения выборного процесса до тех пор, пока не будут созданы необходимые условия для нормального функционирования государственных институтов» (199, с. 250). Для недопущения возможных беспорядков в столицу были введены войска и бронетехника, которые взяли под охрану все стратегические объекты в городе. В этот же день 12 января 1991 г. на заседании ВСБ был создан коллегиальный орган – Высший государственный совет, который взял на себя функции президентской власти. Конституционный суд подтвердил срок полномочий Высшего государственного совета (ВГС) до декабря 1993 г.

ВГС состоял из пяти членов: министра обороны Халеда Наззара, председателя Национальной ассоциации муджахидов (ветеранов антиколониальной национально-освободительной войны 1954–1962 гг.) Али Кяфи, имама парижской мечети Тиджани Хаддама и министра по правам человека Али Харуна. Председателем ВГС был избран известный деятель алжирского национально-освободительного движения Мухаммед Будиаф⁷⁵, с 1963 г. находившийся в эмиграции в Марокко и при-

⁷⁴ Высший совет безопасности (ВСБ) – действующий конституционный орган. Согласно алжирской конституции, он являлся лишь консультативным органом при президенте, и в его функции входила выработка рекомендаций по вопросам национальной безопасности. Никакими властными полномочиями он не обладал (8, ст. 173).

⁷⁵ Мухаммед Будиаф (род. в 1920 г.) – ветеран антиколониального движения 40–60-х гг., один из основателей ФНО, координатор дей-

бывший в Алжир в начале января 1992 г. по приглашению Халеда Наззара⁷⁶.

Таким образом, в результате вмешательства армии демократический выборный процесс был прерван. При этом формально были нарушены такие конституционные нормы, как передача функций президента в случае его досрочной отставки председателю Национальной народной ассамблеи (ННА)⁷⁷, так как ННА была распущена указом президента накануне его отставки. Данное одновременное отсутствие в структуре власти и президента, и ННА не предусмотрено алжирской конституцией. Наряду с этим Высший совет безопасности, избравший высший государственный орган – ВГС, не имел на это законных полномочий, так как, согласно конституции, ВСБ являлся только совещательным органом и не имел права формировать высшие органы исполнительной власти.

Сам Халед Наззар признавал, что решение о прерывании выборного процесса представляло собой «в формальном плане нарушение норм, установленных законодательством, и стало для него, как и для всех, кто его принимал, серьезным и непростым моральным испытанием» (228, 2000, № 2040, с. 56).

ствий его вооруженных отрядов в 1954–1962 гг. и узник французских тюрем в 1956–1962 гг. Он – практически единственный из руководителей алжирской революции, который порвал с ФНО еще в 1962 г. Отсидев полгода в тюрьмах уже независимого Алжира, Будиаф покинул родину и продолжал свою деятельность во Франции и Марокко. Исповедуя демократические убеждения, он тем не менее откликнулся на призыв алжирских военных возглавить ВГС, разделяя их неприятие исламистской идеологии (116, с. 92).

⁷⁶ Мухаммед Будиаф перед тем, как дать согласие возглавить ВГС, совершил неофициальный визит в Алжир, во время которого встречался как с военными – членами ВГС, так и с руководством Национального совета по спасению Алжира, которые поддержали его намерение стать председателем ВГС.

⁷⁷ Председателем ННА являлся Абд аль-Азиз Белькадем, который открыто симпатизировал ИФС, неоднократно встречался с его лидерами и возглавлял вместе с Ахмедом Талебом Ибрагими происламистское крыло ФНО. В связи с этим кандидатура Абд аль-Азиза Белькадема в качестве исполняющего обязанности президента на период до новых президентских выборов не устраивала военных.

Тем не менее, по мнению Халеда Наззара, с точки зрения «сохранения демократических институтов страны, общественного порядка и национально-государственной целостности такое решение было абсолютно необходимым» (228, 2000, № 2040, с. 56). Большинство правительств стран, с которыми Алжир поддерживал наиболее тесные отношения, было извещено о предстоящих политических изменениях. Исключение составил президент Франции Франсуа Миттеран, которого Халед Наззар решил не информировать заранее, так как, по его мнению, Ф.Миттеран «верил официальным заявлениям ИФС» (228, 2000, № 2040, с. 56) и был склонен воспринять его возможный приход к власти как результат демократических выборов.

В действительности французское руководство знало о предстоящих событиях и, вероятно, оказало на их развитие определенное влияние, если иметь в виду состоявшиеся за несколько дней до отставки Шадли Бенджедида неофициальные визиты в Алжир руководителя французских разведывательных служб, а также советника министра обороны Франции по вопросам разведки генерала Филиппа Рондо⁷⁸. Французские представители, видимо, имели контакты как с алжирскими военными, так и с лидерами ИФС, которые рассматривались ими как легитимные претенденты на власть. Тем не менее французское руководство скорее всего предпочитало увидеть в Алжире формальное соблюдение всех этапов демократического выборного процесса, рассчитывая, что в случае успеха ИФС на

⁷⁸ Генерал Рондо, захвативший в Хартуме знаменитого международно-го террориста Карлоса и доставивший его для суда во Францию, считается наиболее известной фигурой во французских спецслужбах. О цели неофициального визита генерала Рондо и других высокопоставленных руководителей французских спецслужб в Алжир за несколько дней до отставки Шадли Бенджедида не имеется достоверной информации. Согласно одной из версий, французские эмиссары должны были получить гарантии от лидеров ИФС о соблюдении ими французских интересов в случае их победы на парламентских выборах. Существует и противоположная версия о том, что представители французских спецслужб должны были подтолкнуть через профранцузски настроенного премьер-министра Сиды Ахмеда Гозали алжирских военных к решительным действиям против исламистов (153, с. 146; 84, с. 36).

выборах интересы Франции будут соблюдены. Такая позиция Франции была отражена в официальном заявлении в связи с переходом власти в Алжире в руки военных, в котором выражалось «сожаление по поводу прерывания демократического процесса» (84, с. 36).

Реакция США на отмену второго тура парламентских выборов в Алжире и приход к власти ВГС также была достаточно сдержанной. Оценивая позицию США по этому поводу, американский исследователь Джеймс Филиппс считает, что «администрация президента Клинтона дистанцировалась от алжирского военного режима и установила контакты с ИФС, полагая, что такая позиция будет способствовать политическому решению алжирского кризиса» (175, с. 15).

Наиболее резко высказался против прерывания парламентских выборов в Алжире президент Ирана Хашеми Рафсанджани, назвав его «политическим скандалом» (84, с. 37), что заставило алжирские власти отозвать своего посла из Ирана. Свою озабоченность событиями в Алжире высказали также такие арабские страны, как Египет, Ливия и Судан (117, 215). Россия склонялась к поддержке действий ВГС, заявив, что в Алжире «удалось не допустить установления режима, предполагавшего устранение демократии» (210, 25.01.1992).

Что касается реакции алжирских политических партий на прерывание выборного процесса, то наиболее непримиримые противники исламистов – партии ПСАВ и ОКД (которые не получили ни одного депутатского места в первом туре выборов) открыто его поддержали. В то же время партия ФСС (получившая 25 депутатских мест), несмотря на свое неприятие исламистской идеологии, тем не менее оценила отмену второго тура выборов как нарушение демократии и выступила против нее. Аналогичную позицию заняли партии Движение за демократию в Алжире Ахмеда Бен Беллы и Партия трудящихся Луизы Ханун. В свою очередь лидер партии ФНО Абд аль-Хамид Мехри также осудил прерывание выборов, назвав действия ВГС «антиконституционными» (237, 24.01.1992).

Первая реакция ИФС на прерывание выборов и переход власти к военным была достаточно сдержанной. В его официальном коммюнике отставка Шадли Бенджедиды и передача президентских функций ВГС оценивались как «незаконные» и назывались «спектаклем» (199, с. 253). В коммюнике подтверждалось, что «ИФС будет добиваться своих целей в рамках закона, отвергая

любое использование насилия» (183, с. 238), а также содержался призыв к своим сторонникам «не отвечать на провокации властей и не давать им повода использовать силовые методы» (183, с. 238). Наряду с этим на пресс-конференции, проводившейся ИФС 15 января 1992 г., его лидеры предложили властям свой вариант выхода из политического кризиса, состоявший из трех пунктов: 1) выборный процесс должен быть продолжен в соответствии с конституцией, 2) президентские полномочия временно до избрания депутатов и председателя ННА должны исполняться председателем Конституционного совета, 3) все политические заключенные, в том числе арестованные лидеры ИФС, должны быть освобождены. Для того, чтобы добиться продолжения выборного процесса, 15–16 января 1992 г. руководители ИФС провели ряд встреч с лидерами ФСС – ФНО. В результате этих переговоров было достигнуто соглашение о формировании параллельного парламента, который должен был состоять из 231 депутата, избранного в первом туре выборов.

Такая договоренность являлась первым примером взаимодействия исламистов со светскими партиями с целью восстановления нарушенного демократического процесса. Для ИФС такое соглашение, возможно, являлось тактическим маневром с целью добиться возобновления выборов, успех на которых ему был практически гарантирован. ФСС и ФНО в случае продолжения выборного процесса также получали возможность иметь своих депутатов в ННА и таким образом влиять на государственную политику. Для руководителя ФСС, члена международного Социалистического интернационала Хосина Аита Ахмеда отстаивание конституционного и демократического по своей форме процесса парламентских выборов являлось возможностью еще раз подтвердить свои демократические позиции перед общественным мнением Запада. В первую очередь это относилось к Франции, чей премьер-министр Лионель Жоспэн являлся председателем Социалистического интернационала. Вместе с тем нельзя не отметить, что сам факт отстаивания демократических норм в политической жизни, в защиту которых выступили наряду с ФСС и ФНО также ДДА и ПТ, не получившие ни одного депутатского места в ходе первого тура выборов, свидетельствовал об определенном росте демократических тенденций в алжирском общественном сознании.

Однако усилия ИФС и партий, разделявших его стремление возобновить выборный процесс, были прерваны инцидентом, произошедшим 18 января 1992 г. В этот день группа неизвестных совершила нападение на армейскую казарму в г. Сиди Муса (на юге Алжира), в результате чего погиб один военнослужащий. Представители официальных властей объявили, что нападавшие являлись исламистскими боевиками. Сразу после инцидента правоохранительные органы приступили к арестам членов руководства ИФС. 22 января 1992 г. был арестован Абд аль-Кадер Хашани после того, как газета «Аль-Хабар» (один из печатных органов ИФС) опубликовала его обращение к военнослужащим, в котором он заявлял, что «солдаты не должны подчиняться тиранам» (183, с. 239). Были также арестованы издатель газеты «Аль-Хабар» и большинство ее работников. Затем были взяты под стражу заместители Абд аль-Кадера Хашани – Осман Айсани и Рабах Кабир, а также некоторые депутаты ННА, избранные от ИФС в первом туре выборов.

22 января 1992 г. премьер-министр Сид Ахмед Гозали объявил о запрете «любого использования мечетей в политических целях» (228, 16.01.1992). Вслед за этим армия приступила к взятию под свой контроль тех мечетей (около 8 тыс.), имамы которых являлись сторонниками ИФС. В ходе выполнения этих мер с 7 по 9 февраля 1992 г. во многих районах Алжира произошли массовые столкновения исламистов с военнослужащими, приведшие к многочисленным жертвам (свыше 40 убитых и около 300 раненых). В связи с непрекращавшимися столкновениями между силами правопорядка и исламистами⁷⁹ ВГС 9 февраля 1992 г. ввел в стране чрезвычайное положение. В этот же день Мухаммед Будиаф подтвердил, что он не намерен распускать «ни одной партии, которая соблюдает демократические нормы» (237, 21.02.1992), но вместе с тем заявил, что «ИФС желает воспользоваться демократией, чтобы разрушить ее» (237, 21.02.1992). Министр внутренних дел Ларби Бельхейр, в свою очередь, обвинил ИФС в попытке организовать мятеж против государственной власти и объявил о начале

⁷⁹ Министр внутренних дел Алжира Ларби Бельхейр на пресс-конференции 13 марта 1992 г. заявил, что в ходе вооруженных столкновений между исламистами и силами правопорядка в январе – феврале 1992 г. погибли 103 чел., из них 31 полицейский, и получили ранения свыше 400 чел.

судебной процедуры по его роспуску. Вслед за этим последовали массовые аресты активистов ИФС (по официальным данным, было взято под стражу 7 тыс., по данным ИФС, до 30 тыс. человек), которые депортировались в 5 созданных в районе Сахары лагерей безопасности. 4 марта 1992 г. постановлением суда г.Алжира ИФС был официально распущен и его деятельность запрещена.

Прерывание демократического выборного процесса, который тем не менее по своим возможным последствиям мог привести к ликвидации самого демократического устройства государства, завершило этап развития алжирского общества, который Р.Г.Ланда образно определил как «политическую весну» (116, с. 84). За период с 1989 по 1992 г. произошла демократизация общественно-политической жизни и государственного устройства Алжира: было упразднено всевластие правящей партии – ФНО и создана многопартийная система. Согласно новой конституции, принятой в 1989 г., произошло разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную, алжирские граждане получили право избирать все выборные органы власти на альтернативной многопартийной основе. В стране сформировалась достаточно независимая и свободная пресса⁸⁰. Вместе с тем эта демократизация во многом была вынужденной и являлась со стороны властей попыткой ослабить нараставший социальный протест значительной части населения, вызванный снижением жизненного уровня, что стало результатом социально-экономического кризиса, переживавшегося Алжиром с середины 80-х гг.

В конце 80-х – начале 90-х гг. на волне демократизации и политического плюрализма организационно оформилось мощное исламистское движение, которое в этот период стало играть главную роль в общественно-политической жизни Алжира. Во многом оно представляло собой форму выражения социального протеста неимущих слоев общества, возлагавших ответственность за снижение уровня жизни и нерешенность социально-экономических проблем на существовавший почти 30 лет авторитарный режим ФНО и военной элиты. Лидерам исламистского движения, прежде всего ИФС, удалось

⁸⁰ Тираж ежедневных национальных изданий вырос с 800 тыс. экземпляров в 1987 г. до 1 млн. 200 тыс. – в 1991 г. Количество печатных изданий выросло с 306 в 1986 г. до 600 – в 1990 г. (166, с. 6).

возглавить этот стихийный протест, используя фундаменталистские лозунги, провозглашавшие построение исламского государства как альтернативу обанкротившейся концепции социалистической ориентации. Значительную роль в широком распространении исламистского движения сыграли призывы руководителей ИФС к противодействию импортированным идеологиям и к «исламскому возрождению», которое, по их утверждению, должно было сохранить национальные исторические корни и традиционные ценности мусульманской цивилизации. Алжирское исламистское движение в лице ИФС сделало уникальный в новейшей истории мусульманских стран политический эксперимент, суть которого состояла в попытке прийти к власти в результате демократических выборов на многопартийной основе и затем создать государство, базирующееся на Коране и шариате. Иными словами, это была попытка использовать демократические методы политической борьбы для создания государственной системы, которая имманентно, согласно ее доктринальным концепциям, отрицает принципы демократии (несмотря на демократическую риторику лидеров ИФС). Сама идея возвращения алжирского общества к законам шариата и создания на этой основе исламского государства, где должна была восторжествовать исламская социальная справедливость и морально-этические нормы, присущие мусульманской общине времен пророка Мухаммеда и первых «праведных халифов», безусловно, являлась социальной утопией. Тем не менее на первых в истории независимого Алжира демократических выборах в 1990 г. такой намеченный ИФС курс избрали для себя 57,4% всех проголосовавших избирателей, то есть 4 млн. 520 тыс. алжирских граждан из более чем 25 млн. всего населения Алжира. Здесь нельзя не учитывать то обстоятельство, что многие алжирцы голосовали не за собственно исламистскую программу ИФС, а против режима ФНО, надеясь вместе с тем, что исламисты смогут решить их конкретные социально-экономические проблемы.

Успешный для ИФС ход политической борьбы прервало вмешательство армии, которая с момента завоевания независимости продолжала играть определяющую роль в государственной политике и обладать реальной властью в Алжире. В противостоянии с исламистами военные стали решающей силой во многом благодаря тому, что высшее командование сумело

удержать под своим контролем рядовой и младший командный состав вооруженных сил. Традиционно враждебные отношения между армией и исламистами не позволили ИФС вовремя начать и успешно вести пропаганду в армейской среде.

Наряду с достаточно эффективными силовыми действиями военных поражение ИФС объяснялось еще целым рядом факторов. Во-первых, армия в своих действиях смогла опереться на государственно-бюрократический аппарат, практически полностью вставший на сторону военных. Предпринятые ВГС меры поддержала в немалой степени связанная с армейскими кланами часть крупной и средней буржуазии, имевшая, как правило, деловые контакты с Западом, а также многие представители ориентированной на европейские культурные традиции франкофонной интеллигенции, не разделявшие доктрину ИФС. Нельзя упускать из виду, что в поддержку запрета ИФС выступили крупнейший алжирский профсоюз Всеобщий союз алжирских трудящихся (ВСАП) и ряд политических партий, не приемлевших исламистскую идеологию, в том числе Партия социалистического авангарда (ПСАВ), в достаточной степени отражавшая настроения рабочих, особенно крупных государственных предприятий, которые не поддерживали исламистские концепции. Наконец, существенную роль в противостоянии с исламистами играло берберское движение, выразителем которого являлась партия Объединение за культуру и демократию (ОКД). Она стала одним из главных политических оппонентов ИФС и также поддержала действия Высшего государственного совета (ВГС).

Таким образом, можно констатировать, что алжирское исламистское движение на рубеже 80–90-х гг., несмотря на его значительное влияние в обществе, все же не отражало позицию большинства алжирцев. В этом плане ситуация в Алжире отличалась от периода «исламской революции» в Иране, где иранские исламисты сумели стать выразителями воли большей части общества и организовать его на борьбу с правящим режимом. В Алжире этого не произошло, и противники исламистов, прежде всего армейская элита, опираясь на разделявшие ее позицию общественные силы, сумели не допустить прихода ИФС к власти.

Глава III

ВООРУЖЕННОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ РАДИКАЛЬНОЙ ИСЛАМИСТСКОЙ ОППОЗИЦИИ С ВЛАСТЯМИ (1992–1999 гг.)

В результате запрета ИФС, разгрома его партийной структуры, ареста руководителей и большого числа активистов¹ исламистское движение, в котором ИФС был наиболее массовой и влиятельной организацией, в значительной степени утратило свою роль основной легальной политической оппозиции правящему режиму. Другие исламистские партии, прежде всего «Нахда» и «Хамас», которые не были запрещены и продолжали свою деятельность, были не столь многочисленны и не обладали таким влиянием в обществе, каким пользовался ИФС. Вместе с тем после запрета ИФС начался процесс радикализации исламистского движения и перехода в нем инициативы к лидерам, провозглашавшим вооруженный джихад в качестве единственного способа создания исламского государства.

Радикализация алжирского исламизма в существенной мере была обусловлена поражением Исламского фронта спасения и разочарованием в политических методах борьбы многих его сторонников, которые стали переходить в исповедовавшие джихад фундаменталистские группировки. Они начали нелегально создаваться с середины 1991 г. и к 1992 г. представляли собой конгломерат достаточно малочисленных и разрозненных организаций боевиков.

Наиболее крупным из алжирских фундаменталистских группировок являлось «Вооруженное исламское движение» (*Харакат мусалляха ислямийя* /ВИД/), созданное в мае – июне 1991 г.

¹ За апрель 1992 г. были арестованы 109 депутатов Национальной народной ассамблеи, избранных от ИФС в декабре 1991 г., а также 28 избранных от ИФС в июне 1990 г. в ходе муниципальных выборов председателей народных советов вилай, 200 председателей народных советов балядий и 528 членов народных советов вилай (228, 2.04.1992).

Абд аль-Кадером Шебути и Мансуром Мелиани, в прошлом соратниками Мустафы Буали, бывшими членами Меджлис аш-шуры ИФС, исключенными из него в июле 1991 г. Эти экстремистские группировки, насчитывавшие в общей сложности около 2 тыс. боевиков (242, 23.11.1993), нападали на представителей власти, сотрудников правоохранительных органов, а также совершали взрывы в государственных учреждениях. Наиболее известными террористическими акциями стали обстрел в июне 1992 г. здания адмиралтейства и полицейских участков в столице, а также взрывы в алжирском аэропорту в июле 1992 г. и в университете г. Константина в мае 1992 г. Армейские подразделения, в свою очередь, регулярно проводили операции по уничтожению боевиков. В результате начавшегося вооруженного противостояния к концу 1992 г. с обеих сторон погибло в целом около 1 тыс. 500 человек (116, с. 93).

В это же время некоторые поддерживавшие ИФС общественные объединения, прежде всего «Университетское движение в защиту выбора народа» (УДЗВН)², попытались вернуть его на алжирскую политическую сцену и организовали в апреле – мае 1992 г. выступления с требованием отмены запрета ИФС. Демонстрации студентов, протестовавших против прерывания демократических выборов и требовавших освобождения арстованных лидеров ИФС, прошли в пригородах столицы и в г. Константина, где они были особенно массовыми. Некоторые руководители УДЗВН, занимавшие жесткую позицию по отношению к властям, призывали объявить джихад правящему режиму. Тем не менее большинство манифестантов не поддержало эти призывы. Лидеры непримиримой исламистской оппозиции также не смогли скоординировать свои действия с УДЗВН, и вскоре его выступления были подавлены властями.

² «Университетское движение в защиту выбора народа» (УДЗВН) объединило в своих рядах студентов и преподавателей – сторонников ИФС и других исламистских группировок, требовавших проведения отмененного властями второго тура парламентских выборов, освобождения арстованных преподавателей и студентов – членов УДЗВН, а также лидеров ИФС. Разброс позиций различных течений УДЗВН был достаточно широк – от призывов к гражданскому неповиновению до требований объявить джихад против властей (166, с. 384).

В этой связи следует подчеркнуть, что радикальная исламистская оппозиция в рассматриваемый период (1992 г.) переживала этап организационного становления. Ее группировки были еще в достаточной степени разобщены, действия не согласованы и быстро пресекались органами правопорядка, а проповедуемый лидерами боевиков вооруженный джихад не находил широкой поддержки у населения.

Во многом этому способствовала умелая политика, проводившаяся председателем ВГС Мухаммедом Будиафом. Он являлся одним из лидеров национально-освободительной войны 1954–1962 гг., поборником демократии в Алжире и пользовался значительным авторитетом в алжирском обществе. Многие алжирцы надеялись, что под его руководством страна сможет преодолеть кризис. Между тем армейская верхушка, предложившая ему этот пост, рассчитывала, что он, находясь в довольно преклонном возрасте (72 года), станет лишь формальным главой государства, а реальная власть будет принадлежать военным. Однако Мухаммед Будиаф благодаря своим организаторским способностям и высокому авторитету стал подлинным руководителем Алжира.

После запрета ИФС и устранения тем самым опасности прихода к власти исламистов Мухаммед Будиаф определил три главные задачи, решение которых, по его мнению, должно было способствовать выходу из кризиса, переживавшегося алжирским обществом. Это – восстановление гражданского правопорядка и недопущение насильственных акций со стороны исламистов, улучшение экономической ситуации, а также укрепление легитимности ВГС и расширение его социальной базы.

Наиболее острой проблемой, требующей незамедлительного решения, Будиаф считал продолжающийся экономический кризис³ с присущим ему снижением жизненного уровня и ростом безработицы, особенно среди молодежи. Именно нерешенность этих насущных вопросов, как признавал Будиаф, стала

³ Дефицит государственного бюджета в 1992 г. составлял 74 млрд. динаров, число безработных достигло 23,2% трудоспособного населения, внешний долг равнялся 52% от ВВП, объем которого на душу населения в 1992 г. составил 1 тыс. 822 амер. долл., в то время как в 1989 г. он составлял 2 тыс. 869 амер. долл. (28, с. 4, 12).

основной причиной роста влияния исламистов. Экономическим проблемам было посвящено созванное 21 января 1992 г. чрезвычайное заседание правительства, на котором премьер-министр Сид Ахмед Гозали призвал ВГС «предпринять срочные и конкретные шаги для улучшения экономической ситуации» (242, 17.05.1992). В марте 1992 г. ВГС под руководством Мухаммеда Будиафа разработал «План восстановления», в котором были намечены мероприятия по выводу страны из экономического кризиса, упорядочению административной структуры, улучшению положения молодежи и борьбе с безработицей, а также «созданию более справедливых условий жизни для всех алжирских граждан и восстановлению морального авторитета государства» (166, с. 338). Мухаммед Будиаф считал стратегической целью экономических реформ переход Алжира на рыночную модель развития, которая, по его мнению, должна была придать новый «импульс производству и способствовать удовлетворению потребностей граждан» (166, с. 338).

Возглавивший в январе 1992 г. вновь сформированное правительство Белаид Абд ас-Салям, подтверждая приоритет рыночных преобразований, в то же время выдвинул свою экономическую программу, которая наряду с рыночными методами хозяйствования сохраняла элементы государственного регулирования в экономике. Она предусматривала ограниченную приватизацию и стимулирование деятельности малых и средних предприятий национального частного сектора. В то же время с целью сохранения рабочих мест предполагалось приостановить закрытие убыточных государственных предприятий и сократить импорт товаров, которые могли составить конкуренцию национальной промышленности. Также был намечен ряд мер по улучшению социальной сферы, предусматривавших развитие жилищного строительства и стабилизацию снабжения населения продуктами питания.

На наш взгляд, такая модель экономического развития являлась наиболее оптимальной для алжирского общества. Она позволяла преодолеть экономическую неэффективность существовавшей ранее административно-командной системы и в то же время давала возможность избежать некоторых негативных последствий перехода к рыночной экономике. К ним, в первую очередь, относились рост безработицы, неизбежный в ходе повышения рентабельности приватизируемых предприятий за счет модернизации производства и сокращения рабочих мест,

а также резкое расслоение общества, что могло бы вызвать социальное напряжение, которым не преминули бы воспользоваться исламисты для усиления своего влияния.

Вместе с тем в конкретных условиях Алжира, где существовало всевластие армейской верхушки и связанных с ней кланов «военных предпринимателей», широкая приватизация могла привести к сосредоточению приватизируемой государственной собственности в руках военной элиты, а также к обострению борьбы между различными ее группировками за наиболее прибыльные предприятия. Такая ситуация способствовала бы разрастанию коррупции, злоупотреблений и противозаконных действий как со стороны чиновников, так и предпринимателей. Мухаммед Будиаф, видимо, понимал возможность проявления таких негативных последствий и, желая их предотвратить, предпочел путь частичной и поэтапной приватизации. Одновременно он начал непримиримую борьбу с коррупцией.

По отношению к исламистскому движению Мухаммед Будиаф проводил достаточно жесткую линию, направленную на его вытеснение из алжирской политической жизни и подавление его радикальных течений путем применения самых суровых мер⁴. Так, в одном из своих выступлений по алжирскому телевидению он заявил: «Если для спасения Алжира нужно будет заключить в сахарские лагеря 10 тыс. террористов, я это сделаю без всякого колебания» (64, с. 17). Мухаммед Будиаф также исключал возможность снятия запрета с деятельности ИФС, аргументируя это тем, что «ИФС был создан на религиозной основе, что противоречит алжирской конституции» (242, 17.05.1992). С целью ограничения влияния исламистов практически все контролировавшие ИФС местные выборные органы власти – муниципальные советы и советы вилай были распущены. Согласно официальному объяснению, эти меры были предприняты в связи с «недееспособностью» администрации, представленной депутатами от ИФС, которая была заменена «исполнительными делегациями», члены которых назначались центральной властью. При этом надо отдать должное принци-

⁴ В апреле 1992 г. были вынесены смертные приговоры 13 исламистским боевикам, участвовавшим в ноябре 1991 г. в нападении на пограничный пост Геммар, в результате которого погибли 6 военнослужащих.

пиальной позиции Мухаммеда Будиафа, который требовал таких же мер в отношении контролировавшихся другими партиями муниципальных советов, если они также продемонстрировали свою недееспособность.

Вместе с тем, понимая невозможность игнорировать позицию значительного числа алжирцев, поддерживавших на муниципальных и парламентских выборах программу исламистов, Будиаф пытался достичь хотя бы относительного согласия в обществе. С этой целью в состав нового правительства были включены умеренные исламисты – член партии «Хамас» Сасси Ламури и один из основателей ИФС и бывший член его Меджлис аш-шуры Саид Гэши. Из-под стражи были освобождены исполнявший обязанности председателя ИФС Абд аль-Кадер Хашани и его заместитель Рабах Кабир после того, как суд снял с них ранее предъявленные им обвинения в призыве к мятежу. Впоследствии также было освобождено большинство содержащихся в лагерях безопасности в Сахаре исламистских активистов, участвовавших в столкновениях с полицией, но не причастных к террористическим акциям. Среди них было достаточно много молодых людей и даже подростков, которых председатель ВГС не считал убежденными сторонниками исламистов и называл «сорванцами, бросавшими камни в полицию» (228, 2.04.1992).

Мухаммед Будиаф заявлял, что он «протягивает руку всем политическим силам, не исключая руководителей ИФС» (84, с. 19). Тем не менее его попытка наладить диалог с ИФС не имела успеха во многом из-за непримиримой позиции лидеров исламистов, требовавших снятия запрета с ИФС и утверждавших, что именно они «являются законными представителями народа» (84, с. 19).

Мухаммед Будиаф пытался найти компромисс с непризнававшей легитимность ВГС демократической оппозицией, прежде всего с Фронтом социалистических сил (ФСС). С этой целью министром транспорта и телекоммуникаций был назначен бывший генеральный секретарь ФСС Хашим Наит Джуди, а председателю ФСС Хосину Аиту Ахмеду было предложено возглавить Национальный консультативный совет (временный законодательный орган, созданный в апреле 1992 г. вместо распущенного парламента – Национальной народной ассамблеи). Однако Хосин Аит Ахмед отказался как от этого поста, так и от предложения о присоединении его партии к форми-

ровавшемуся Мухаммедом Будиафом Национально-патриотическому объединению (НПО).

Объявив в мае 1992 г. о создании НПО, Мухаммед Будиаф рассчитывал превратить его в массовую политическую организацию подобно Фронту национального освобождения начала 60-х гг., которая расширила бы социальную базу поддержки ВГС и придала бы ему необходимую легитимность. Однако самые влиятельные политические партии страны, такие как Фронт социалистических сил, Объединение за культуру и демократию и Движение за демократию в Алжире, не поддержали этой инициативы председателя ВГС, а их лидеры – Хосин Аит Ахмед, Саид Саади и Ахмед Бен Белла продолжали подвергать сомнению законность создания ВГС и критиковать его действия.

Тем не менее к июню 1992 г. в рамках НПО было объединено 12 небольших партий правоцентристского толка⁵, и началось формирование отделений НПО в различных вилайях Алжира. Сам Мухаммед Будиаф во время своих многочисленных поездок по Алжиру выступал с речами, в которых разъяснял программу НПО, включавшую в себя большинство пунктов разработанного под его руководством «Плана восстановления». По его мнению, эта программа должна была стать основой возрождения гражданского согласия в алжирском обществе. Во время одной из таких поездок 29 июня 1992 г. в г. Аннаба на Мухаммеда Будиафа было совершено покушение, в результате которого он был убит.

Относительно краткий период руководства Алжиром Мухаммеда Будиафа (январь 1992 – июнь 1992 г.) является тем не менее значительным этапом в новейшей истории развития алжирского общества. Сам Мухаммед Будиаф, несмотря на преклонный возраст, не утратил таланта и неординарных способностей политика. Будучи сторонником построения демократического государства в Алжире, он даже в условиях чрезвычайного положения пытался сохранить результаты демократи-

⁵ Наиболее крупной партией, вошедшей в НПО, была придерживавшаяся центристских позиций Национальная партия за солидарность и развитие (Parti national pour solidarité et développement /PNSD/), набравшая на парламентских выборах в декабре 1991 г. 0,7% голосов избирателей (221, 2.01.1992).

ческих преобразований. В период его пребывания у власти в стране продолжали функционировать 60 политических партий, действовала независимая пресса и было объявлено о том, что выборы нового президента и парламента состоятся в течение ближайших двух лет. Мухаммед Будиаф уважал свободу слова и терпимо относился к резким критическим выступлениям, в частности, лидера ДДА Ахмеда Бен Беллы, направленным, в том числе, против него лично. Такая терпимость со стороны Мухаммеда Будиафа тем более заслуживает уважения, поскольку Ахмед Бен Белла, будучи президентом Алжира, в 1963 г. вынудил Мухаммеда Будиафа, несогласного с его политикой, покинуть Алжир и уехать в Марокко, где он пребывал в вынужденной ссылке более 20 лет. Мухаммед Будиаф начал борьбу с коррупцией и нарушениями законности, совершенными государственными чиновниками высокого ранга, включая высших армейских офицеров⁶. По его инициативе были возвращены

⁶ В апреле 1992 г. был арестован по обвинению в незаконном присвоении крупных сумм генерал Мустафа Бенлусиф, бывший в 1982–1986 гг. начальником генерального штаба алжирской армии. Мухаммед Будиаф намеревался начать уголовные дела против целого ряда высокопоставленных чиновников, в том числе, против представителей армейского командования на основании компрометирующих материалов, переданных ему Касди Мербахом, долгие годы возглавлявшим службу безопасности. С целью проверки заграничных банковских счетов подозреваемых лиц Касди Мербах по поручению Мухаммеда Будиафа направил в Париж несколько офицеров контрразведки. Однако французские официальные лица, ссылаясь на законодательство Франции, отказались предоставить этим офицерам необходимую информацию. По возвращении в Алжир все офицеры, участвовавшие в этой командировке, погибли, по официальному заключению, в результате нападения исламистских террористов. Тем не менее некоторые исследователи, среди них Антуан Басбу, предполагают, что вина за их гибель лежит на «политико-финансовой мафии», то есть на коррумпированных чиновниках, которые опасались расследования, предпринятого Мухаммедом Будиафом. Того же мнения придерживаются и члены диссидентской алжирской организации «Алжирское движение свободных офицеров» (Mouvement algérien des officiers libres /MAOL/), действующей нелегально. В ее публикациях утверждается, что за неделю до убийства Мухаммеда Будиафа все материалы, компрометировавшие высших должностных лиц, были похищены из помещения президентской администрации (см. публикации «Алжирского

государству помещения, автотранспорт и другое имущество, незаконно захваченное ИФС у ФНО в период победы ИФС на муниципальных выборах.

Мухаммед Будиаф требовал тщательно проверять законность приобретения аналогичного имущества в период демократических реформ другими политическими партиями. Все эти меры, а также политика Мухаммеда Будиафа, направленная на улучшение экономического положения и консолидацию алжирского общества, способствовали росту его популярности и восприятию его многими алжирцами как общенационального харизматического лидера. Значительную роль при этом играло то обстоятельство, что Мухаммед Будиаф, будучи одним из руководителей национально-освободительной революции 1954–1962 гг. и одним из создателей ФНО, в то же время не ассоциировался алжирцами с ошибками и просчетами правящего режима, совершенными в период с 1963 по 1991 гг. Р.Г.Ланда совершенно справедливо характеризует Мухаммеда Будиафа как лидера «неподкупного, непримиримого и неустрашимого, своего рода Робеспьера алжирской революции» (116, с. 93). По нашему мнению, все вышеприведенные факторы могли сделать Мухаммеда Будиафа общенациональным лидером, способным в тот период консолидировать алжирское общество, в том числе умеренных исламистов, и вывести его из состояния системного кризиса. Гибель Мухаммеда Будиафа прервала процесс наметившейся в обществе консолидации.

Председателем Высшего государственного совета (ВГС), заменившим Мухаммеда Будиафа, стал Али Кяфи, полковник алжирской армии, руководитель Национальной организации муджахидов (НОМ). Возглавляемый им ВГС предпринял жесткие меры против вооруженной исламистской оппозиции. Официальные результаты расследования убийства Мухаммеда Будиафа подтвердили, что его убийца исповедовал фундаменталистскую идеологию, хотя его связь с какой-либо исламистской организацией не была доказана. Исламисты в своих пропагандистских материалах обвиняли в убийстве Мухаммеда Будиафа «военное руководство» (64, с. 23), опасавшееся, по их мнению, расследования дел о коррупции, которое обещал прове-

движения свободных офицеров», цитируемые в книге: Basbous, Antoine. *L'Islamisme, une révolution avortée?* P., 2000, с. 184).

сти Мухаммед Будиаф. В то же время находившиеся в эмиграции лидеры ИФС характеризовали убийство председателя ВГС как «событие, которое несомненно должно было приблизить создание исламского государства в Алжире» (241, 2.07.1992). Алжирская диссидентская организация «Алжирское движение свободных офицеров» (Mouvement algérien des officiers libres /MAOL/), штаб-квартира которой находится в Испании, открыто обвиняла в убийстве Мухаммеда Будиафа «коррумпированных алжирских генералов, спланировавших покушение во время своего секретного совещания в г. Сиди Фредж (в окрестностях алжирской столицы)» (153, с. 185; 241, 27.11.1999). Существовала и третья версия, предполагавшая, что в убийстве Мухаммеда Будиафа могли быть замешаны боевики из «Фронта ПОЛИСАРИО», опасавшиеся за свои базы в Алжире. Известно, что Мухаммед Будиаф стремился урегулировать путем переговоров давний конфликт между Алжиром и Марокко по поводу статуса Западной Сахары и намеревался прекратить поддержку «Фронта ПОЛИСАРИО»⁷, боровшегося за независимость Западной Сахары. Косвенным подтверждением того, что к убийству Мухаммеда Будиафа могли быть причастны коррумпированные представители военной элиты, являлся тот факт, что убийцей Мухаммеда Будиафа был офицер его личной охраны⁸, подбор которой осуществляло руководство службы безопасности. Свидетельством существования влиятельных сил, не заинтересованных в предании гласности материалов расследования поку-

⁷ «Фронт за освобождение и независимость Саги аль-Хамра и Рио де Оро» (ПОЛИСАРИО) провозгласил в 1976 г. создание Сахарской Арабской Демократической Республики (САДР), которую признал и поддержал Алжир. Марокко, претендовавшее на эту территорию бывшей испанской колонии, не признало САДР и начало военные действия против «Фронта ПОЛИСАРИО», которому, в свою очередь, стал оказывать военно-политическую поддержку Алжир.

⁸ Убийца Мухаммеда Будиафа – 26-летний младший лейтенант службы безопасности Бумаараф выстрелил в Мухаммеда Будиафа во время его выступления во Дворце культуры г. Аннаба 29 июня 1992 г. В ходе официального следствия Бумаараф заявил, что действовал один и совершил убийство в «соответствии со своими религиозными убеждениями» (228, 1999, № 2000–2001, с. 53; 117, с. 253).

шения, явилась также задержка суда над убийцей Мухаммеда Будиафа⁹ на три года.

В то же время для алжирских властей убийство председателя ВГС послужило толчком к применению новых, более жестких мер по отношению к исламистским радикалам, предусматривавших увеличение срока нахождения в предварительном заключении, понижение минимального возраста привлечения к уголовной ответственности с 18 до 16 лет и введение ускоренного разбирательства дел задержанных на месте преступления исламистских боевиков специальными трибуналами с анонимными судьями. В течение октября и ноября 1992 г. было арестовано и привлечено к уголовной ответственности свыше 1 тыс. 200 активистов исламистского движения, обвиненных в причастности к террористической деятельности. В конце 1992 г. правительство приняло ряд постановлений, которые давали властям полномочия закрывать частные компании, общественные, культурно-просветительские и благотворительные организации, если они оказывали какую-либо поддержку нелегальным исламистским группировкам и запрещенному ИФС.

В то же время власти проявили готовность пойти на диалог с теми течениями исламистского движения, которые изначально отвергали вооруженный джихад. Своеобразным жестом доброй воли со стороны властей стал относительно мягкий приговор, вынесенный военным судом в июле 1992 г. руководителям ИФС, арестованным 30 июня 1991 г. Председатель ИФС Аббаси Мадани и его заместитель Али Бенхадж были при-

⁹ В публикациях «Алжирского движения свободных офицеров» утверждалось, что накануне покушения глава Группы специального назначения (Groupe de l'intervention special /GIS/ - одна из структур службы безопасности), непосредственный начальник Бумаарафа (убийцы Будиафа) майор Хаму не назначил его в состав охраны, сопровождавшей Мухаммеда Будиафа в г. Аннаба, мотивируя это тем, что у него появились сомнения по поводу лояльности этого офицера. Тем не менее один из высших руководителей службы безопасности приказал ему включить Бумаарафа в группу охраны Мухаммеда Будиафа. Впоследствии майор Хаму был отправлен в длительную командировку в республику Чад, где он руководил службой охраны президента (153, с. 186).

говорены к 12 годам лишения свободы¹⁰, остальным пяти обвиняемым – членам Меджлис аш-шуры ИФС предстояло провести в заключении от 4 до 6 лет.

Снисходительность суда к лидерам ИФС объяснялась стремлением властей привлечь на свою сторону умеренных исламистов и изолировать радикалов. Таким образом, власти пытались ослабить конфронтацию с исламистским движением, чью идеологию в той или иной степени разделяла значительная часть алжирцев и которое невозможно было подавить только репрессивными мерами. Возможностью начать диалог с властями сразу воспользовался лидер умеренной исламистской партии «Нахда» Абдалла Джабалла, приветствовавший судебное решение, предусматривавшее отказ от жестких мер в отношении руководителей ИФС. В свою очередь руководитель партии «Хамас» Махфуз Нахнах призвал ВГС решить вопрос национального примирения путем расширения состава самого ВГС и Национального консультативного совета (НКС), а также скорейшего проведения парламентских и президентских выборов. Однако ВГС ограничился проведением консультаций с лидерами наиболее влиятельных политических партий, таких как ФСС, ФНО, ДДА и «Хамас». В результате этих консультаций была достигнута договоренность о начале демократического диалога между всеми национальными силами, кроме ИФС. Тем не менее эта договоренность не привела к конкретным результатам из-за расхождения позиций ее участников, а также продолжавшегося размежевания алжирского общества и усиливающегося террора экстремистских исламистских группировок.

Что касается ИФС, то в нем, так же как и во всем исламистском движении, происходил процесс радикализации. В руководстве ИФС сторонников политической борьбы, группировавшихся вокруг Абд аль-Кадера Хашани¹¹, заменили джазайристы и последователи Мустафы Буали, бывшие члены ВАИД, приверженцы более жесткой конфронтации с властями.

¹⁰ За преступления, в которых обвинялись Аббаси Мадани и Али Бенхадж (попытка свержения конституционного строя, создание незаконных вооруженных формирований и т.д.), алжирский уголовный кодекс в виде максимального наказания предусматривал смертную казнь.

¹¹ Абд аль-Кадер Хашани, Рабах Кабир и многие их сторонники находились под арестом с января по апрель 1992 г.

В июле 1992 г. на секретном совещании руководителей ИФС вместо Временного национального исполнительного бюро, созданного после ареста многих лидеров ИФС, была сформирована так называемая «кризисная ячейка». Этот новый руководящий орган ИФС должен был функционировать в условиях подполья. Ее председателем стал Абд ар-Раззак Раджам, сторонник лидера джазаиристов Мухаммеда Саида. На этом совещании была выработана новая стратегия, учитывавшая нелегальное положение партии. В соответствии с ней действия ИФС должны были быть сосредоточены на трех направлениях: политических акциях как в Алжире, так и за его пределами, вооруженных выступлениях внутри страны и создании организаций, представляющих ИФС за рубежом.

В рамках реализации этой стратегии в 1993 г. в Германии была создана «Исполнительная инстанция ИФС за рубежом» (ИИИР) (*Instance exécutive du FIS à l'étranger [IEFIS]*)¹², которую возглавил бывший заместитель Абд аль-Кадера Хашани в Национальном исполнительном бюро ИФС Рабах Кабир. В США ИФС представляла «Парламентская делегация ИФС за рубежом» [*Islamic Front for Salvation. Delegation Abroad*] (52, с. 1) во главе с бывшим членом Меджлис аш-шуры Анваром Хаддамом. Позже, в 1997 г. в Париже был сформирован «Координационный совет ИФС за рубежом» [*Conseil de Coordination du FIS à l'étranger /CCFIS/*] (76, с. 1), руководителем которого стал один из радикальных членов Меджлис аш-шуры ИФС Ахмед Зауи. Многие лидеры ИФС, несмотря на подтверждение ими необходимости проведения вооруженных акций, не считали их единственно возможным способом борьбы с режимом ВГС и не объявляли ему джихад. Более того, Абд аль-Кадер Хашани и даже занимавший достаточно жесткую позицию по отношению к властям лидер джазаиристов Мухаммед Саид предостерегали об опасности усиления экстремистских тенденций в ИФС, заявляя, что в этом случае его руководство «уподобляется человеку, держащему в руке гранату с выдернутой чекой» (166, с. 384).

¹² Интервью ответственного за связи с прессой «Исполнительной инстанции ИФС за рубежом» Улд Адда Абд аль-Крима французскому исследователю Патрику Дено, полностью цитируемое в его книге: Denaud, Patrick. *Algérie. FIS. Sa direction parle*. P., 1997. С. 57.

Процесс радикализации ИФС представлял собой вполне закономерное явление, так как, по существу, являлся следствием провала проводившейся прежним руководством ИФС стратегии, предполагавшей приход к власти и построение исламского государства путем политической борьбы. Поражение ИФС привело к потере им влияния и поддержки достаточного числа его сторонников, со многими из которых руководство ИФС, кроме того, утратило связь в силу сложностей нелегального положения партии. Такая ситуация способствовала усилению более радикальных исламистских группировок, окончательно сформировавшихся в основном к концу 1992 г. на базе ранее существовавших организаций боевиков-муджахидов. С конца 1992 – начала 1993 г. действия этих группировок стали более целенаправленными и скоординированными. Ими стали создаваться базы снабжения и формироваться каналы, по которым к боевикам поступало оружие и осуществлялась их финансовая поддержка. Одновременно лидеры муджахидов приступили к налаживанию контактов со своими сторонниками за рубежом.

Основу радикальной исламистской оппозиции составляли бывшие участники Вооруженного алжирского исламского движения (ВАИД) Мустафы Буали и алжирские «муджахиды-афганцы» (алжирские ветераны гражданской войны в Афганистане), число которых составляло примерно 3 тыс. человек (153, с. 147). Они сформировали ядро салафитского движения, структурировавшегося в середине 1992 г. в две вооруженные группировки. Первая – «Движение за исламское государство» (*аль-Харака мин аджль ад-дауля аль-ислямийя*), возглавлявшееся бывшими руководителями ВАИД, а затем ВИД – Абд аль-Кадером Шебути и Аз ад-Дином Баа и бывшим членом Меджлис аш-шуры ИФС Саидом Мехлуфи, и вторая – «Муджахиды-афганцы» (*Муджахидун афханийюн*)¹³, которую создали также сподвижники Мустафы Буали и бывшие члены ВАИД Мансури Мелиани и Мухаммед Левейей. Руководители этих группировок решили объединиться под общим командованием Абд аль-Кадера Шебути. Однако по причине болезни Абд аль-Кадера Шебути от его кандидатуры отказались, и пост «нацио-

¹³ Группировку «Муджахиды-афганцы» называли также «Муджахиды-салафиты» (*Муджахидун асляф*) за приверженность салафитской доктрине.

нального эмира» (командующего) предполагалось отдать Мухаммеду Левейей.

С целью координации действий и создания единого командования лидеры боевиков дважды проводили секретные совещания. Первое состоялось весной 1992 г. в районе горного массива Збарбар (примерно в 100 км к востоку от г. Алжира) и второе – 1 сентября 1992 г. там же, недалеко от г. Тамесгида. О втором совещании стало известно алжирским силовым структурам, которые в результате проведенной ими операции уничтожили часть боевиков и их руководителей, в том числе Мухаммеда Левейей. Его преемнику Абд аль-Хакку Лайаде удалось объединить большинство боевиков в единую организацию. Она получила название «Вооруженные исламские группы» (*Джамаат ислямийя мусалляха*) и стала наиболее экстремистски настроенной группировкой в составе алжирской радикальной исламистской оппозиции.

Именно «Вооруженные исламские группы» (ВИГ) осуществляли наиболее варварские террористические акции, направленные против мирного населения. В ВИГ наряду с салафитами входили приверженцы других фундаменталистских течений, таких как *кутбисты* (последователи Сейида Кутба) и *такфиристы* (их название происходит от египетской исламистской организации «ат-Такфир ва-ль-хиджра» [Искупление и хиджра]). Такфиристы обвиняли в отступничестве от подлинного ислама (*куфр аль-муджтама* – араб.) всех алжирцев за исключением своих сторонников.

Доминирующее положение в ВИГ занимали салафиты, и первым эмиром ВИГ стал лидер «Муджахидов-салафитов» Абд аль-Хакк Лайада. Основные пункты своей идеологической программы он изложил в интервью, опубликованном в марте 1993 г. в издававшемся в Стокгольме журнале «аш-Шахада» (Свидетельство веры). Абд аль-Хакк Лайада заявлял, что ВИГ являются «преемниками движения Мустафы Буали и афганского джихада» (192, с. 261). В том же интервью он констатировал, что «западное общество находится в состоянии полной духовной деградации, и эра его доминирования в мире завершилась» (192, с. 261). В качестве подтверждения такой доктринальной установки Абд аль-Хакк Лайада цитировал произведения Б.Рассэла и книгу О.Шпенглера «Закат Европы». Один из идеологов ВИГ, бывший член Меджлис аш-шуры ИФС и глава Исламского профсоюза труда Омар аль-Ильми, в свою оче-

редь, заявлял, что «исламское государство можно построить только путем вооруженной борьбы» (254, 28.02.1994).

Еще одним течением в ВИГ были джазаиристы. С июля 1991 г. эта группировка входила в ИФС и состояла в нем вплоть до его запрета в марте 1992 г. Джазаиристов возглавлял бывший член Меджлис аш-шуры и заместитель председателя ИФС Мухаммед Саид. Джазаиристы считали, что наряду с вооруженной борьбой для достижения конечной цели – создания исламского государства в Алжире – можно использовать демократические институты – свободную прессу, всеобщие выборы и многопартийную систему. Эмиры ВИГ неприязненно относились к стратегическим и тактическим установкам джазаиристов, определяя их как «кошунственные». Впоследствии эти разногласия вылились в открытую вражду, выход джазаиристов из ВИГ, вооруженные столкновения между ними и убийство боевиками ВИГ лидера джазаиристов Мухаммеда Саида, обвиненного эмиром ВИГ Джамилем Зитуни в попытке организации заговора против него.

Теоретическое обоснование вооруженного джихада, осуществляемого ВИГ, а также пропаганду за рубежом идеологии исламского фундаментализма проводил еженедельник «Аль-Ансар» (Партизаны), издававшийся в Лондоне с июля 1993 г. международным движением «Муджахидов-салафитов». Его изданием, в частности, занимались ветераны афганской войны – сириец Абу Мусаб и палестинец Абу Катада, которые также финансировали публикации ВИГ в других печатных органах. Известно, что Абу Катада был связан с террористической исламистской организацией Усамы Бен Ладена «Аль-Каида» и являлся одним из ее муфтиев (228, 2002, № 2145, с. 35).

В свою очередь лидеры ИФС, стремясь восстановить свое во многом утраченное влияние в исламистском движении, также решили организовать свои вооруженные группы. Не желая делать этого совместно с ВИГ, «Исполнительная инстанция ИФС за рубежом» (ИИИР) объявила в 1994 г. о создании Исламской армии спасения (аль-Джейш аль-ислямий ли-ль-инказ) как вооруженного крыла ИФС. Исламская армия спасения (ИАС) находилась под командованием двух национальных эмиров – Мадани Мезрага, чьи отряды базировались на востоке страны, и Ахмеда Бен Айши, который контролировал западные области Алжира (168, с. 51). ИАС начала вести вооруженную борьбу с властями в противовес ВИГ. Тем не менее командование ИАС, так же как и лидеры запрещенного ИФС,

осуждали наиболее жестокие террористические акции ВИГ, в частности, убийства мирных жителей и иностранцев. Эмиры ВИГ в свою очередь резко критиковали руководителей ИФС за то, что те, «отказавшись сразу взять в руки оружие и объявить джихад неверной власти, сами стали неверными» (192, с. 271). В последствии взаимная неприязнь между ИАС и ВИГ перешла в открытые вооруженные столкновения между ними.

Здесь следует подчеркнуть, что хотя ИАС вело вооруженную борьбу с режимом, но тем не менее ее лидеры, в частности, «национальный эмир» Мадани Мезраг, проявляли готовность пойти на компромисс с властями. Его позицию разделял и Аббаси Мадани (несмотря на его пребывание в заключении, его признавали в качестве председателя ИФС как «кризисная ячейка», являвшаяся подпольным руководящим органом ИФС в Алжире, так и лидеры ИФС, находившиеся в эмиграции). Именно после призыва Аббаси Мадани к «прекращению кровопролития и подготовке серьезного диалога» (199, с. 334) начались переговоры между руководителями ИАС и алжирским военным командованием.

В отличие от ИФС лидеры ВИГ не шли ни на какие компромиссы, продолжая вооруженную борьбу и усиливая террористическую деятельность как в Алжире, так и за его пределами. Различным также был подход ИФС и ВИГ к джихаду как методу борьбы с режимом. ИФС изначально создавался как массовая политическая партия, и ее целью (по крайней мере, согласно ее официальным заявлениям) был приход к власти в результате политической борьбы. В то же время ВИГ формировался как вооруженная террористическая организация, объявившая джихад единственной формой борьбы с режимом.

Существенно отличался между собой руководящий состав ИФС и ВИГ. Если лидеры ИФС, такие как Аббаси Мадани, Абд аль-Кадер Хашани, Рабах Кабир наряду с глубокими кораническими знаниями имели высшее гуманитарное или техническое образование, большинство эмиров ВИГ, в том числе Абд аль-Хакк Лайяда, Джафар Афгани, Джамиль Зетуни и Антар Зуабри, имели только начальное или в лучшем случае среднее образование и не отличались фундаментальными знаниями Корана. Исключение составлял Шериф Гузми, имевший солидную теологическую подготовку.

Ни в коей мере не снимая вины с ИФС, тем не менее можно утверждать, что именно на ВИГ лежит основная часть ответственности за вооруженный террор и акты насилия, особенно против мирного населения. Подтверждением этого служат офи-

циальные заявления руководителей ВИГ. Достаточно привести высказывание эмира ВИГ Антара Зуабри, который провозглашал: «ВИГ объявили войну не только тиранам, но и всем их пособникам в городах и деревнях. Они будут уничтожены, их дома преданы огню, а их имущество конфисковано»¹⁴.

В то же время, когда речь идет о непосредственных исполнителях террористических актов, зачастую достаточно трудно определить их принадлежность к той или иной организации. Так, например, известное нападение исламистских боевиков на пограничный пост Гэммар 29 ноября 1991 г. приписывается ИФС, хотя само руководство ИФС не признавало данное обвинение. Необходимо отметить, что руководитель боевиков Айса Мессауди имел самые тесные контакты с фундаменталистской террористической организацией «Ат-Такфир ва-ль-хиджра», которая не входила в состав ИФС. Вместе с тем тот же Айса Мессауди был членом Исламского профсоюза труда, созданного и контролирувавшегося ИФС. Скорее всего можно предположить, что Айса Мессауди действовал не с санкции руководства ИФС, а по приказу «Ат-Такфир ва-ль-хиджра», впоследствии примкнувшей к ВИГ, которые на протяжении всего периода активного вооруженного противостояния (1992–1999 гг.) продолжали оставаться основной вооруженной силой радикальной исламистской оппозиции. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что в условиях партизанской войны руководители как ИФС, так и ВИГ зачастую не могли контролировать действия всех своих нелегальных группировок и рядовых членов.

ВИГ в середине 90-х гг. проводили террористические акции против всех, кто так или иначе был связан с режимом. В числе жертв ВИГ были преподаватели высших учебных заведений, писатели, профсоюзные и общественные деятели, журналисты, в основном франкофоны, а также алжирцы, заподозренные в сотрудничестве с властями, и члены семей военнослужащих, представителей силовых структур и бойцов комитетов самообороны¹⁵.

¹⁴ Коммюнике ВИГ №51 от 27.09.1997, полный текст которого цитируется в книге: Basbous, Antoine. *L'Islamisme, une révolution avortée?* P., 2000. С. 164.

¹⁵ Комитеты самообороны (*лиджан ад-дифаа*) – вооруженные отряды, сформированные властями из жителей районов, подвергавшихся нападению исламистских боевиков. С марта 1993 г. исламистским боевикам

В мае 1993 г. вместо арестованного Абд аль-Хакка Лайяды эмиром ВИГ стал Джафар аль-Афгани. Он так же, как и Абд аль-Хакк Лайяда, воевал в течение 2 лет в Афганистане. Джафар аль-Афгани имел только начальное образование и до того, как стать муджахидом, занимался контрабандой. При нем ВИГ распространили террористические акты на иностранцев и на своих оппонентов из других исламистских организаций. До конца 1993 г. на территории Алжира было убито 26 иностранцев (в основном французов), а в ноябре 1993 г. боевиками ВИГ был убит известный проповедник и видный деятель умеренной исламистской партии «Хамас» шейх Бу Слимани. Причиной убийства послужил его отказ издать фетву, легитимизирующую деятельность ВИГ. В феврале 1994 г. Джафар аль-Афгани был ликвидирован алжирскими спецслужбами.

После его гибели ВИГ возглавил Шериф Гузми, имам и бывший представитель ИФС в г. Бир Кадем (на востоке Алжира). В ВИГ он занимал пост председателя исламской комиссии. В качестве представителя ВИГ он посещал Пакистан и Афганистан (192, с. 404), где встречался с руководителем «Аль-Каиды» Усамой бен Ладеном. Шериф Гузми имел солидное религиозное образование и политический опыт, что отличало его от предшествующих и последующих эмиров ВИГ. Шериф Гузми стремился объединить под своей эгидой все вооруженные исламистские организации, в том числе и те, которые поддерживали ИФС. В частности, в мае 1994 г. он заключил с главой «кризисной ячейки» ИФС Абд ар-Раззаком Раджамом и с одним из основателей экстремистской организации «Движение за исламское государство» Саидом Мехлуфи соглашение об их вступлении в ВИГ и формировании объединенного руководства. Претворению в жизнь этого соглашения помешала ликвидация Шерифа Гузми алжирской военной контрразведкой в сентябре 1994 года.

Четвертым эмиром Междлис аш-шура ВИГ избрала имевшего среднее франкоязычное образование Джамиля Зетуни, сына владельца птицеводческой фермы. В период его руководства ВИГ перенесли террористическую деятельность на

противостояли, кроме комитетов самообороны, две милиции самообороны – «Организация свободной алжирской молодежи» (ОСАМ) и «Организация защиты Алжирской Республики» (ОЗАР) [73, с. 7; 117, с. 230].

территорию Франции, начало которой было положено захватом в декабре 1994 г. в марсельском аэропорту самолета со 170 пассажирами. Террористические акты во Франции продолжались почти год. Наиболее кровавыми из них были взрывы в парижском метро, в результате которых погибло 7 и было ранено около ста человек (153, с. 158).

Джамиль Зетуни, пытаясь оправдать и даже теоретически обосновать террор, проводившийся под его руководством, опубликовал послание, озаглавленное «Путь, указанный Аллахом» (Хидаят Рабби-ль-алямин). В нем он излагал воспринятую им такфиристскую доктрину и утверждал, что «вся умма должна присоединиться к истинным муджахидам ВИГ» (192, с. 405). Джамиль Зетуни заявлял, что участники других исламистских движений, равно как и алжирские мусульмане, не разделяющие идеологию и цели ВИГ, либо обязаны повиниться, принять салафизм и вступить в ВИГ, либо они будут рассматриваться как «неверные и отступники» (192, с. 405). Это послание было использовано в качестве оправдания целой серии убийств исламистских деятелей, не согласных с концепциями ВИГ и резко критиковавших Джамिला Зетуни. Боевики ВИГ убили лидера джазаиристов Мухаммеда Саида; третье лицо в руководстве «Движение за исламское государство» Азз ад-Дина Баа и Абд ар-Раззака Раджама, бывшего руководителем «кризисной ячейки» ИФС и являвшегося одним из старейших исламистских деятелей со времен Мустафы Буали (227, 03.1996). ВИГ опубликовал в журнале «Аль-Ансар» за подписью Джамिला Зетуни коммюнике под заглавием «Обрушим наше возмездие на джазаиристских ренегатов». В нем казненные ВИГ исламисты были названы «заговорщиками, которые проповедовали свои кощунственные по отношению к священной исламской религии идеи (демократия и всеобщие выборы) и вступили в ВИГ, чтобы разрушить их»¹⁶.

Такие действия Джамिला Зетуни вызвали осуждение со стороны многих лидеров исламистского движения и изоляцию ВИГ как в Алжире, так и за рубежом. В журнале «Ар-Рибат»¹⁷,

¹⁶ Полный текст коммюнике приведен в книге: Denaud, Patrick. *Algérie. FIS. Sa direction parle*. P. 1997. С. 55.

¹⁷ *Рибат* (араб.) – строившиеся в VII-X вв. укрепленные поселения, где жили мусульманские добровольцы (*мурабитун* – араб.), участвовавшие в

издававшемся «Исполнительной инстанцией ИФС за рубежом», заявлялось, что «итогом деятельности Джамиля Зетуни стала гибель почти 1 тыс. членов ИФС в результате войны, развязанной ВИГ против ИФС. Вместе с тем террористические акции на территории Франции, осуществленные ВИГ по приказу Джамиля Зетуни, способствовали дискредитации алжирского исламистского движения в глазах мирового общественного мнения» (192, с. 406). О прекращении поддержки Джамиля Зетуни заявили издатели еженедельника «Аль-Ансар» Абу Мусаб и Абу Катада, ранее разделявшие концепции ВИГ, глава египетской исламистской организации «Исламские группы» (Джамаат ислямийя) Айман аз-Завахири и руководители ливийских фундаменталистов – «Вооруженной ливийской группы» (Джамаа ливийя мусалляха). Впоследствии Джамиль Зетуни, обвиненный соперничавшими с ним исламистскими лидерами в том, что он стал марионеткой в руках алжирских спецслужб, внедривших в ВИГ своих агентов, был убит боевиками-джазаиристами.

После гибели Джамиля Зетуни ВИГ возглавил один из его заместителей Антар Зуабри, который вступил в исламистское движение в конце 80-х гг. в качестве боевика исламской милиции (структуры, созданной ИФС для охраны своих лидеров и проводимых исламистами массовых мероприятий). Антар Зуабри «прославился» своей патологической жестокостью. В начале 90-х гг., будучи в составе отряда исламской милиции, посланного следить за соблюдением исламской морали в район университетских общежитий г. Алжира, он обливал серной кислотой ноги студенток, носивших мини-юбки (228, 2002, № 2145, с. 33). Под руководством Антара Зуабри ВИГ продолжал тактику эскалации террористических акций.

Следует подчеркнуть, что некоторые члены руководства ВИГ, в частности Хасан Хаттаб, были не согласны с доктриной тафризма и проводившимся на ее основе Джамилем Зетуни и Антаром Зуабри тотальным террором. Сторонник отказа от тафризма Хасан Хаттаб призывал вернуться к «подлинному салафизму» (228, 21.09.1999, с. 69). Он вышел из ВИГ и создал свою собственную вооруженную группировку – «Салафитскую

военных действиях против христиан и язычников. Позднее слово *рибат* стало синонимом термина *завийя*, означавшего комплекс сооружений, возникавших вокруг могилы *вали* – святого.

группу для проповеди и борьбы» (Groupe salafiste pour la prédication et le combat). Претендуя на лидерство в салафитском движении, он начал борьбу с Антаром Зуабри.

Хасан Хаттаб окончил медресе и в отличие от Антара Зуабри обладал довольно обширными познаниями в области религиозных дисциплин. Он не скрывал своей неприязни к Антару Зуабри и презрительно называл его «джахиль» (здесь в значении «неграмотный») (228, 2002, № 2145, с. 34). По некоторым источникам, Хасан Хаттаб пользовался поддержкой Абу Катады и Бен Ладена, которые не разделяли экстремистской такфиристской доктрины Антара Зуабри, обвинявшего в отступничестве от «подлинного ислама» всех алжирских мусульман, не приемлющих концепции ВИГ. Абу Катада и Бен Ладен осуждали радикализм Антара Зуабри и считали, что развернутый им тотальный террор лишал ВИГ какой-либо поддержки даже тех слоев алжирского общества, которые продолжали исповедовать фундаменталистскую идеологию, а также ее сторонников за пределами Алжира (228, 2002, № 2145, с. 34).

В отличие от Антара Зуабри Хасан Хаттаб утверждал, что его муджахиды никогда не участвовали в уничтожении мирных жителей, и целями их атак являлись только военные и сотрудники службы безопасности, охранявшие «отступивший от ислама коррумпированный режим» (228, 2002, № 2152, с. 22). Такие заявления, на наш взгляд, следует считать пропагандистскими и в значительной мере не соответствующими действительности, что подтверждают данные алжирских властей, согласно которым боевики Хасана Хаттаба, хотя и в меньшей степени, чем ВИГ, тем не менее были причастны к террористическим акциям против мирного населения (228, 2002, № 2152, с. 22).

Как уже отмечалось ранее, алжирская армия и службы безопасности вели активную борьбу против вооруженного терроризма. По различным источникам, к середине 90-х гг. в Алжире действовали примерно от 6 до 8 тыс. исламистских боевиков, объединенных в небольшие группы по 7–14 человек и отряды численностью от 20 до 80 бойцов. Им противостояло 17 бригад и несколько сотен отдельных батальонов 120-тысячной алжирской армии. С исламистами также боролись отряды комитетов самообороны, насчитывавшие в общей сложности более 180 тыс. человек (235, 31.08.1997). Тем не менее, несмотря на многократное превосходство в численности, применение авиации, артиллерии, бронетехники и достаточную результативность ар-

мейских операций против боевиков¹⁸, можно констатировать, что алжирский режим в середине 90-х гг. не смог подавить вооруженную исламистскую оппозицию.

Невозможность покончить с вооруженным противостоянием только силовыми методами вынудила алжирское руководство искать политические способы выхода из кризиса. По предложению Ламина Зеруаль¹⁹, в июле 1993 г. заменившего Али Кафи на посту председателя ВГС, в Алжире в январе 1994 г. состоялась Первая конференция национального согласия. В ходе ее работы планировалось определить пути достижения гражданского согласия в алжирском обществе и обсудить дальнейшее развитие структуры государственных институтов Алжира после истечения в феврале 1994 г. срока полномочий ВГС.

В конференции приняло участие большинство политических партий Алжира, в том числе умеренные исламисты – партии «Хамас» и «Нахда». Были приглашены также представители ИФС. Однако по причине невыполнения властями предварительных условий, главным из которых было освобождение находящихся в заключении лидеров ИФС, его представители отказались участвовать в конференции. Ее работу бойкотиро-

¹⁸ Так, например, в марте 1995 г. 160 полевых командиров ВИГ, собравшихся на секретное совещание в горном районе на западе Алжира, были уничтожены алжирскими спецслужбами. Свыше 200 боевиков ВИГ были убиты в результате успешной операции алжирской армии в мае 1996 г. вблизи г.Тлемсена. Из 7 эмиров ВИГ 5 были уничтожены алжирской службой безопасности.

¹⁹ Ламин Зеруаль родился в 1941 г. в г. Батна (на востоке Алжира) в семье ремесленника. В 16 лет он вступил в ряды алжирской НОА и принимал активное участие в национально-освободительной войне 1954–1962 гг. Он завершил военное образование, обучаясь в СССР, Франции и Иордании. С 1982 по 1987 г. Ламин Зеруаль командовал военными округами в различных районах Алжира. Затем до 1989 г. он занимал пост командующего сухопутными войсками и заместителя начальника генерального штаба алжирской армии. В 1989 г. он вступил в конфликт с президентом Шадли Бенджедидом по вопросу реформирования армии и был назначен послом в Румынии, а затем в 1991 г. уволен в отставку. После отставки в 1992 г. президента Шадли Бенджедида и создания ВГС Ламин Зеруаль 10 июля 1993 г. был назначен министром обороны, сменив на этом посту генерала Халида Наззара, а затем возглавил ВГС (228, 1999, № 2000–2001, с. 55).

вали также ведущие партии демократической оппозиции – Фронт социалистических сил (ФСС), Фронт национального освобождения (ФНО) и Объединение за культуру и демократию (ОКД). Лидеры ОКД, отражавшего интересы берберского движения, требовали признания самобытности берберов, их языка и культуры. Наряду с этим они настаивали на прекращении контактов властей с ИФС после серии убийств исламистскими боевиками представителей кабийской интеллигенции, в том числе секретаря ОКД. Руководство ФСС, так же как и ФНО, напротив, требовало предоставить ИФС возможность участвовать в конференции. Они аргументировали свое требование тем, что без «участия ИФС, основной оппозиционной партии страны, конференция обречена на провал» (221, 28.01.1994), заявляли, что власти пытаются «втиснуть национальный диалог в рамки управляемого и контролируемого военными авторитарного режима с плюралистическим фасадом» (116, с. 97).

Решения, принятые на конференции, несмотря на ее бойкот основными оппозиционными партиями, способствовали тем не менее относительной стабилизации режима и приданию ему большей легитимности. В частности, был распущен ВГС, временным президентом Алжира назначен Ламин Зеруаль и сформирован Национальный переходный совет (НПС) в составе 200 человек²⁰. Была также принята «Платформа национального согласия», ставшая, по существу, временной конституцией Алжира. В ее преамбуле всем политическим силам страны предлагалось «неукоснительно соблюдать принципы демократии и отказаться от насилия в любых его формах и при любых условиях» (19, с. 8), а также «отказаться от использования в политической борьбе трех основополагающих составляющих национального единства – ислама, арабизма и амазигизма (берберизма), которые являются общим достоянием алжирцев» (19, с. 14). Впоследствии предполагалось пересмотреть ряд основных законов, в том числе законы о выборах и об общественных объединениях политического характера, а также

²⁰ Национальный переходный совет представлял собой временный законодательный орган, исполнявший функции распущенной ВГС Национальной народной ассамблеи. Он состоял из 30 представителей от государственных структур и 170 – от партий, профсоюзов и общественных организаций.

планировалось сформировать новый парламент на двухпалатной основе. Все эти изменения должны были произойти в рамках пересмотра конституции и ее принятия с соответствующими поправками на общенациональном референдуме до истечения 1996 г.

Тем не менее конференция не решила главной задачи – не было сделано практических шагов для достижения гражданского согласия и начала политического урегулирования кризиса. Вооруженное противостояние продолжалось и к середине 90-х гг. достигло своего апогея. В результате непрекращающихся террористических акций и ответных действий властей с 1992 по 1997 гг. погибло свыше 65 тыс. алжирцев (24, с. 8). Многие алжирские граждане, в основном представители франкофонской интеллигенции, покинули Алжир, спасаясь от эскалации насилия. В 1993 г. исламистскими боевиками было совершено покушение (неудавшееся) на министра обороны Халида Наззара и на бывшего премьер-министра Касди Мербаха, в результате которого он был убит²¹. Продолжались убийства иностранцев, включая работников посольств и священнослужителей.

Жертвами террора стали многочисленные представители алжирской интеллигенции. С 1992 по 1997 гг. были убиты 78 журналистов, включая главных редакторов ведущих газет «Аль-Муджахид» и «Матэн» – Мухаммеда Абд ар-Рахмани и Саида Мекбеля, а также бывшего директора алжирского теле-

²¹ В убийстве Касди Мербаха, долгое время возглавлявшего военную контрразведку и занимавшего пост премьер-министра при президенте Шадли Бенджедиде, находившиеся в Европе лидеры ИФС обвиняли внедренных в ВИГ агентов алжирских спецслужб. Эти обвинения поддерживали также алжирские диссиденты из «Алжирского движения свободных офицеров». Согласно их версии, Касди Мербах, один из наиболее близких соратников Мухаммеда Будиафа, готовился обнародовать материалы, доказывающие причастность некоторых руководителей армии и службы безопасности к организации убийства Мухаммеда Будиафа. Эти лица, замешанные, как утверждали «свободные офицеры», в коррупции, опасались, что Мухаммед Будиаф, начавший расследование случаев незаконного обогащения среди высшего армейского командования, откроет уголовные дела и предаст их суду. «Свободные офицеры» также обвиняли алжирские спецслужбы в убийстве некоторых журналистов и генерального секретаря ВСАТ (178, с. 48).

видения Мустафу Абада. Кроме того, от рук исламистских боевиков погибли известные писатели Тахар Джаута и Лаади Флиси, социолог Мухаммед Бухобза, профессора медицины Джиляль Бельхеншир и Махфуд Бусебси, а также генеральный секретарь Всеобщего союза алжирских трудящихся (ВСАТ) Абд аль-Хакк бен Хамуда. Все они выступали против исламистского террора, чем вызывали ненависть со стороны лидеров ВИГ. Наиболее варварскими актами были массовые убийства деревенских жителей, заподозренных боевиками в сотрудничестве с властями. Так, например, 17 августа 1996 г. в деревне Мсила, на западе Алжира исламистские террористы уничтожили 63 жителя, 28 июля недалеко от г. Ларбаа – 51, 7 октября в районе г. Лагуат – 38 человек, 31 июля того же года недалеко от г. Блида и г. Айн Дефля на востоке Алжира было убито около 100 сельских жителей (47, с. 1–2). Среди этих жертв были как мужчины, так и женщины и дети, в том числе малолетние.

Террор исламистских боевиков вызывал ответные действия со стороны отрядов комитетов самообороны. Таким образом, выстраивался замкнутый круг – исламистский террор порождал террор против сторонников исламистов, который, в свою очередь, провоцировал новый виток террористических акций. Посетивший Алжир в 1997 г. вице-президент Международной федерации по правам человека Хайтам Манах приводил примеры, когда бойцы комитетов самообороны, мстя за убийство боевиками ВИГ своих близких, уничтожали членов семей исламистов (153, с. 165). Здесь уместно отметить, что высказывания Хайтама Манаха в определенной степени противоречат отчету комиссии ООН, направленной в 1998 г. в Алжир, в котором заявлялось, что комитеты самообороны «действовали в рамках закона и под контролем командования армейских частей или подразделений жандармерии» (73, с. 8). Такое противоречие, на наш взгляд, объясняется тем, что комиссия ООН пользовалась в основном данными, предоставленными алжирскими властями, которые не были заинтересованы в придании гласности фактов незаконных действий комитетов самообороны.

Главной причиной нарастания вооруженного противостояния и исламистского террора и в то же время неспособности властей положить им конец являлось, как уже отмечалось ранее, продолжение социально-экономического кризиса. Внешний долг Алжира с 1992 г. по 1995 г. возрос соответственно с

26,1 млрд. амер. долл. до 32,5 млрд. амер. долл. (28, с. 55). Причем проценты по нему, например, в 1993 г. составили 9 млрд. амер. долл., поглотив 75% валютных поступлений от экспорта нефти и газа (12 млрд. амер. долл.). В то же время Алжир ежегодно вынужден был тратить 2 млрд. амер. долл. на импорт продовольствия и столько же на закупку оборудования и запчастей для нормального функционирования промышленных предприятий. ВВП на душу населения сократился с 1 тыс. 822 амер. долл. в 1992 г. до 1 тыс. 477 амер. долл. в 1995 г. (28, с. 4). Премьер-министр Абд ас-Салям пытался найти выход из кризиса в режиме жесткой экономии и не соглашался на настойчивые рекомендации МВФ об отсрочке выплаты внешнего долга, так как такая отсрочка вела бы к бесконечному его увеличению. Одновременно Абд ас-Салям пошел на резкое сокращение импорта с 11 млрд. амер. долл. до 8 млрд. амер. долл. Однако эти меры не привели к значительному улучшению экономической ситуации и вызвали недовольство части предпринимателей в Алжире и руководства МВФ, США и Франции. После того, как президентом Алжира стал Ламин Зеруаль, Абд ас-Салюма на посту премьер-министра сначала сменил Реда Малек, а затем Мокдад Сифи и наконец Ахмед Уяхья, которые уступили требованиям МВФ и стали следовать его рекомендациям. В обмен на кредит МВФ в 1 млрд. амер. долл. и сокращение на 5 млрд. амер. долл. суммы внешнего долга Алжир девальвировал динар на 40% и объявил о широкой приватизации государственного сектора, либерализации цен и полной открытости внешнего рынка страны. В результате, согласно данным МВФ, по некоторым макроэкономическим показателям к 1997 г. в алжирской экономике наблюдалась некоторая стабилизация, в частности, преодоление дефицита платежного баланса. Вместе с тем усилилась инфляция и соответственно рост цен. В связи с резким сокращением финансирования социальных программ обострился жилищный кризис, приходила в негодность из-за отсутствия необходимого технического обслуживания коммунальная инфраструктура, прежде всего сети снабжения населения питьевой водой. По данным ИФС, около 8 млн. алжирцев испытывали недостаток в питьевой воде. Это привело в ряде районов к возникновению эпидемий желудочно-кишечных заболеваний, в том числе брюшного тифа.

Кризис коснулся и системы образования – примерно 400 тыс. из 8 млн. общего числа школьников ежегодно покидали

школу, не окончив ее. В середине 90-х гг. около 2 млн. детей школьного возраста не посещали школу и оставались практически неграмотными.

Аналогичная ситуация сохранялась и в области высшего образования – только 5% (по данным ИФС) от общего числа студентов первого курса заканчивали высшие учебные заведения и получали дипломы (64, с. 33). Это объяснялось прежде всего тем, что многие выпускники в связи с ростом безработицы не могли найти работу по специальности, а также сокращением числа преподавателей, значительная часть которых эмигрировала из страны. В то же время некоторые преподаватели поддерживали исламистскую доктрину. Так, например, из почти 7 тыс. арестованных членов ИФС 1,2 тыс. были работниками сферы образования, и из них 315 преподавателей (как вузовских, так и школьных) позднее были квалифицированы как активные участники исламистских вооруженных формирований (83, с. 22–23).

Одной из основных проблем продолжала оставаться безработица. В соответствии с программой приватизации с 1994 по 1997 г. были закрыты как убыточные 827 из 1300 предприятий государственного сектора (28, с. 9). Хотя в рамках этой программы Всемирный банк планировал субсидировать создание 200 малых предприятий и реструктуризацию 10 государственных компаний, в общей сложности это никак не компенсировало ликвидацию более 200 тыс. рабочих мест (24, с. 7) [по данным ИФС – более 300 тыс.]. Безработица выросла с 23,2% в 1992 г. до 28% в 1995 г. (28, с. 4). В наибольшей степени от безработицы страдала молодежь. Именно молодые безработные пополняли ряды боевиков. Многие из них были неграмотные или полуграмотные, поверившие исламистской пропаганде или просто не имевшие средств к существованию и винувшие во всех бедах правящий режим. Они стали тем перманентным людским резервом, который позволил радикальной исламистской оппозиции вести столь длительную и упорную вооруженную борьбу с властями.

Не вызывает сомнений, что кровопролитное противостояние с режимом и развернутый исламистскими экстремистами террор как в Алжире, так и за его пределами не могли бы продолжаться столь долгое время, если бы им не оказывалась помощь из-за рубежа. Как уже отмечалось выше, Иран поддерживал различные алжирские вооруженные исламистские

группировки, в том числе ВИГ²², и оказывал содействие в военной подготовке алжирских боевиков в тренировочных лагерях организации «Хизбалла» в Ливане (199, с. 302–304). На территории Судана также прошли военную подготовку не менее 600 алжирских боевиков. Определенную негласную поддержку алжирским экстремистам из ВИГ оказывали марокканские власти, пытаясь использовать их для достижения своих целей в Западной Сахаре²³. Наряду с этим алжирской неприимимой исламистской оппозиции оказывали помощь различные международные организации, исповедовавшие идеи джихада.

Такого рода организации начали создаваться в начале 80-х гг. в период продолжавшейся холодной войны. Они представляли собой различные фонды и ассоциации, формировавшиеся в основном на финансовые средства Саудовской Аравии и США. Эти организации оказывали помощь муджахидам, боровшимся в Афганистане против пытавшегося реализовать социалистическую доктрину правительства Наджибуллы и поддерживавших его советских войск. В ряды муджахидов, борьба которых щедро оплачивалась, вступали, как пра-

²² Эмир ВИГ Шериф Гузми нелегально посещал Иран во время своего пребывания в Афганистане в 1994 г. и вел переговоры с представителями иранских спецслужб. Кроме того, по серийным номерам автоматов «Узи», использовавшихся боевиками ВИГ и впоследствии захваченных алжирскими спецслужбами, было установлено, что это оружие в середине 80-х гг. было передано США Ирану по так называемому соглашению «Оружие в обмен на заложников» (имелись в виду американские дипломаты, захваченные в качестве заложников в Иране) [199, с. 378; 192, с. 404].

²³ Глава ВГС генерал Халид Наззар обвинял марокканские власти в том, что они специально задерживали в течение нескольких месяцев экстрадицию эмира ВИГ Абд аль-Хакка Лайады, арестованного в Марокко по настоянию Алжира, и не принимали мер по пресечению деятельности алжирского ВИГ на территории Марокко. Во французской прессе появлялись материалы, утверждавшие, что Саид Мехлуфи, известный радикальный исламистский деятель и один из основателей «Движения за исламское государство», получивший политическое убежище в Марокко, являлся агентом марокканских спецслужб (228, 2000, № 2040, с. 25; 236, 25.09.1994).

вило, граждане мусульманских стран, в том числе Алжира. Многие из них были членами экстремистских исламистских группировок, которые также рассчитывали использовать сложившуюся ситуацию для получения финансовой помощи от различных сил, заинтересованных в свержении просоветского режима в Афганистане. В частности, в финансировании исламистских экстремистских группировок в Египте, Алжире и Тунисе, как это установила созданная в 1992 г. совместная саудовско-египетская комиссия по борьбе с терроризмом, участвовали несколько десятков крупных арабских бизнесменов, в том числе Усама бен Ладен.

Семейный клан бен Ладенов, в котором Усама был одним из 25 братьев, обладал огромным состоянием²⁴ и связями с правящей саудовской династией, которые установились при отце Усамы – Мухаммеде бен Ладене. Ему принадлежала одна из крупнейших в арабском мире строительных компаний, возводившая новую резиденцию короля Саудовской Аравии, а также жилища для паломников, совершавших хадж в Мекку.

Мировоззрение Усамы бен Ладена как убежденного сторонника джихада во многом сформировалось под влиянием таких его духовных наставников, как Мухаммед Кутб (брат Сейида Кутба) и известный исламистский деятель Абдалла Аззам, один из идеологов афганского джихада. В начале афганской войны Усама бен Ладен создал «Исламский фонд спасения», а в 1986 г. финансировал строительство тренировочных лагерей в Пакистане и Афганистане, через которые прошли тысячи муджахидов, в том числе и алжирских. Среди будущих командиров муджахидов, проходивших военную подготовку в лагерях Усамы бен Ладена, был Ибн Хаттаб, в будущем один из наиболее известных полевых командиров в Чечне, провозгласивший себя «эмиром арабских муджахидов на Кавказе» (153, с. 53), в числе которых были и алжирские граждане. В этих лагерях повстанцы снабжались всем необходимым для ведения боевых действий, включая самое современное вооружение, поступавшее по каналам американских спецслужб. Затем с 1988 г. Усама бен Ладен начал формировать свою организацию «Аль-Каида» (База), осно-

²⁴ Члены семьи бен Ладенов назывались американскими журналами «Форчун» и «Форбс» одними из самых богатых людей мира (153, с. 41).

вой для которой послужила информационная база данных (отсюда и это название), включавшая материалы о руководителях муджахидов, проходивших через его тренировочные лагеря и пункты приема добровольцев (ед. ч. – бейт аль-ансар). После окончания войны в Афганистане большинство таких исламистских лидеров вернулось на родину или обосновалось не без помощи Усамы бен Ладена в Европе или в США. Руководство «Аль-Каиды» продолжало поддерживать с ними связь и оказывать финансовую поддержку, в результате чего они могли продолжить джихад уже в другом месте и против других врагов.

Среди таких муджахидов, возможно, близких к Усаме бен Ладену²⁵, фигурировали три будущих эмира ВИГ – Абд аль-Хакк Лайада, Шериф Гузми и Джамиль Зетуни. В период руководства ВИГ Джамилем Зетуни было совершено большинство террористических актов против французских граждан как во Франции, так и на территории Алжира. Сама Франция из-за ее поддержки, оказываемой алжирским властям в их борьбе против исламистского террора, была объявлена Джамилем Зетуни «главным врагом ислама на Западе» (192, с. 267).

Французская полиция в ходе операций по обнаружению исполнителей террористических актов задержала несколько сотен человек, в основном алжирских граждан, проживавших во Франции. Среди них были Абу Фарес, один из руководителей исламистских боевиков, заочно приговоренный в Алжире к смертной казни, и Буалем Бенсаид, главный организатор взрывов во Франции. На суде обвиняемые отрицали свою принадлежность к ВИГ. Тем не менее многие материалы, собранные следствием, позволяют утверждать, что преступления совершались по приказу эмира ВИГ, а финансирование террористических акций как во Франции, так и в Алжире осуществлялось через исламистские организации в Лондоне. На территории Франции непосредственными исполнителями террористических акций часто выступали молодые люди – дети алжирских эмигрантов. Таковым был Халид Келькал, убийца шейха Сахрауи, имама парижской мечети в районе Барбес и одного

²⁵ В начале 90-х гг. Усама бен Ладен после провозглашения им джихада против евреев и американцев был лишен саудовского гражданства, а его семья отказалась поддерживать с ним какие бы то ни было отношения.

из основателей ИФС. Он был приговорен ВИГ к смерти за его контакты с французскими спецслужбами.

ВИГ, так же как и ИФС, поддерживали неофициальные контакты с многочисленными исламскими организациями, легально действовавшими во Франции (в 1993 г. их насчитывалось более 2 тыс. и они были объединены в Союз исламских организаций Франции). Нередко в них непосредственно работали активные члены ИФС и ВИГ. В частности, организацию «Алжирское братство во Франции» (*Fraternité algérienne de France*) создал и с 1990 г. возглавлял Джафар аль-Хуари, член руководства «Исполнительной инстанции ИФС за рубежом». В то же время, будучи джазаиристом, он являлся и членом ВИГ (168, с. 31).

Наряду с Аль-Каидой, которая существовала нелегально, в европейских странах на легальной основе в середине 90-х гг. действовал целый ряд крупных исламистских организаций. Свои отделения в Лондоне имели исламистские «Партия освобождения» (*Хизб ат-тахрир*), «Исламская лига борцов» (*Раби-тат аль-ансар аль-ислямийя*) и ряд других организаций, которые регулярно проводили сбор средств для «борцов джихада», в том числе и для алжирских ВИГ.

Лондон в 90-е гг., по определению французского исследователя Жиля Кепеля, стал «столицей международного исламизма» (192, с. 301). Здесь в 1995 г. действовали 4 тыс. исламских ассоциаций, издававших 30 газет и журналов. Сюда эмигрировали многие известные деятели различных исламистских партий и движений, пользуясь достаточно либеральной в тот период процедурой получения въездной визы. Причем некоторые получили даже статус политического беженца. В Лондоне проживали Рашид Ганнуши, идеолог тунисского исламизма и руководитель тунисского «Движения исламской направленности», Джафар аль-Хуари, один из руководителей алжирской «Исполнительной инстанции ИФС за рубежом», члены руководства египетских исламистских партий «Исламские группы» (*джамаат ислямийя*) и «Аль-Джихад», а также Мухаммед аль-Масари, лидер саудовской исламистской оппозиции. Кроме того, в Германии получил политическое убежище Рабах Кабир, председатель «Исполнительной инстанции ИФС за рубежом» (168, с. 30). Вместе с ним здесь проживали двое сыновей Аббаси Мадани. В Бельгии также в качестве политического беженца находился Улд Абда Абд

аль-Крим, ответственный за связи с прессой в «Исполнительной инстанции ИФС за рубежом» (168, с. 32).

Некоторые исламистские партии и их руководители, находившиеся на положении политических беженцев, получили возможность издавать и распространять свои печатные издания. К их числу относились орган алжирского и международного салафитского движения «Аль-Ансар», еженедельник «Алжирского братства во Франции» «Ле Критэр» (Критерий), регулярно публиковавший пропагандистские материалы ИФС и ВИГ (в настоящее время запрещен французскими властями), ежемесячники «Аль-Хайят» (Жизнь) и «Аль-Кудс аль-арабий» (Арабский Иерусалим).

Кроме того, многие зарубежные центры исламистских организаций, в том числе запрещенный алжирскими властями ИФС, имеют ВЭБ–страницы в Интернете, которые он активно использовал для пропаганды своих взглядов. Так, например, на интернетовском сайте ИФС появился «Манифест Исламского фронта спасения за справедливость и мир в Алжире», где на 42 страницах проводился анализ экономической и социально-политической ситуации в Алжире и предлагался свой вариант выхода страны из кризиса. В манифесте также излагалась точка зрения ИФС в отношении прерывания выборного процесса в Алжире в январе 1992 г., которое определялось, как «государственный переворот, совершенный военно-политической олигархией, озабоченной прежде всего сохранением своих собственных привилегий, поправшей все демократические нормы и игнорировавшей волеизъявление алжирского народа» (64, с. 22). В публикуемых ВИГ материалах алжирские власти обвинялись в массовых нарушениях прав человека, в том числе в якобы имевших место нападениях подразделений алжирской службы безопасности на деревни, жители которых поддерживали на парламентских выборах в 1991 г. кандидатов от ИФС (47, с. 3), а также в незаконных арестах и пытках заключенных (51, с. 1). Впоследствии такого рода материалы передавались в международные правозащитные организации, что создавало информационное и идеологическое прикрытие для сторонников продолжения вооруженного джихада.

Таким образом, к середине 90-х гг. в Алжире сложилась тупиковая ситуация. Она характеризовалась неспособностью властей подавить силовыми методами радикальную исламистскую оппозицию и покончить с террором. В то же время исламисты не смогли заставить правящий режим признать их леги-

тимной политической силой, и тем более они были не способны прийти к власти вооруженным путем из-за подавляющего военного превосходства правительственных силовых структур над боевиками. Бесперспективность продолжения вооруженного противостояния становилась очевидной для большей части политических сил алжирского общества, в том числе и для наиболее здравомыслящих исламистских лидеров.

С инициативой политического выхода из кризиса выступили наиболее влиятельные оппозиционные партии, включая ИФС, организовавшие ряд встреч в г. Сант-Эжидио (предместье г. Рима) в ноябре 1994 г. – январе 1995 г. под эгидой местной католической общины. Однако официальные алжирские власти отказались от участия во встречах, мотивируя это невозможностью для них вести переговоры с действующим нелегально ИФС (он был запрещен в 1992 г.). ВИГ также бойкотировали совещание, поскольку продолжали занимать непримиримую позицию противоборства с режимом.

Тем не менее в результате переговоров в Сант-Эжидио их участниками была выработана «Платформа по мирному и политическому урегулированию алжирского кризиса», получившая название «Римской платформы». Этот документ подписали все участники переговоров – председатель Фронта социалистических сил Хосин Аит Ахмед, лидер Движения за демократию в Алжире Ахмед Бен Белла, председатель Фронта национального освобождения Абд аль-Хамид Мехри, руководитель Алжирской лиги по защите прав человека Абд ан-Нур Али Яхья, генеральный секретарь Партии трудящихся Луиза Ханун, лидер партии «Нахда» Абдалла Джабалла, руководитель движения «Современная мусульманская молодежь» Ахмед бен Мухаммед и представлявшие ИФС председатель базировавшейся в США «Парламентской делегации ИФС за рубежом» Анвар Хаддам и руководитель действовавшей в Германии «Исполнительной инстанции ИФС за рубежом» Рабах Кабир.

В «Римской платформе» предлагалось в качестве первого шага для выхода из кризиса «созвать национальную конференцию с участием действующих де факто алжирских властей и представительных политических сил» (71, с. 2). Конференция должна была определить «форму и полномочия властных структур на переходный период, в течение которого завершилась бы подготовка к проведению свободных выборов на осно-

ве плюрализма и соблюдения Конституции, принятой 23 февраля 1989 г.» (71, с. 2). В качестве мер, предшествующих проведению конференции, предлагалось «призвать к прекращению вооруженного противостояния, осудить все формы террора, освободить всех политических заключенных, включая лидеров ИФС, аннулировать решение о его запрете и создать независимую комиссию по расследованию всех случаев насильственных действий по отношению к мирному населению и нарушений прав человека» (71, с. 2).

Несмотря на положительный резонанс, вызванный в алжирском обществе совещанием в Сант-Эжидио, и его поддержку со стороны США, оно не привело к каким-либо конкретным результатам. Прежде всего его неуспех был обусловлен негативным отношением к переговорам в Сант-Эжидио как непримиримой исламистской оппозиции в лице ВИГ, так и алжирских властей. Лидеры ВИГ отвергали любой компромисс с режимом, проповедуя продолжение вооруженного джихада, и определяли подписанное соглашение как сделку с правящим режимом тех, кто «торгует кровью подлинных муджахидов под сенью ватиканского креста ради удовлетворения своих политических амбиций» (192, с. 268). Кроме того, эмиры ВИГ считали себя единственной силой, ведущей реальную борьбу за создание исламского государства в Алжире, и не желали садиться за стол переговоров вместе с ИФС, руководителей которого они называли «отступниками, предавшими джихад» (192, с. 268).

Алжирское руководство, со своей стороны, не приняло предложений участников совещания. Премьер-министр Мокдад Сифи заявил, что «оппозиционные партии встали на позицию ИФС» (241, 15.01.1995) и что в «Римской платформе» терроризм не осужден, а те, кто ее подписал, сами несут ответственность за террористические акты» (241, 15.01.1995). Алжирские власти не намеревались признавать часть ответственности за продолжение кризиса, которую возлагали на него оппозиционные партии, а также не считали возможным отменить решение о запрете ИФС. Наряду с этим алжирские военные, не без основания рассматривая ВИГ как основную вооруженную силу радикальных исламистов, полагали, что подписание каких-либо соглашений без участия ВИГ не приведет к прекращению вооруженного противостояния. Тем более, что ВИГ продолжали и даже усилили свою террористическую деятельность. 30 января 1995 г. в результате взрыва начиненной взрывчаткой автомашины у зда-

ния штаб-квартиры полиции в г.Алжира погибли 42 и были ранены 280 человек. 11 февраля боевиками ВИГ были убиты 6 алжирских пограничников, а 13 февраля – директор Национального театра Алжира Азз Ад-Дин Меджуби. В свою очередь силы безопасности в феврале 1995 г. уничтожили 96 (по сведениям ИФС – более 230) боевиков ВИГ, отбывавших наказание в тюрьме Секарджи (в окрестностях г. Алжира). По официальной версии, они были убиты при подавлении бунта заключенных. Тем не менее в ряде алжирских СМИ делались предположения, что уничтожение содержащихся под стражей боевиков стало ответом на совершенные ВИГ террористические акты. В числе убитых были два основателя и наиболее известных руководителя ВИГ Ахмед аль-Вад и Иклеф Шеррати (199, с. 347). В марте 1995 г. армейские части и силы безопасности провели ряд успешных операций против ВИГ в районе Айн Дефля, на юго-западе Алжира, в результате которых было уничтожено несколько сотен боевиков.

Алжирское руководство продолжало надеяться разрешить кризис силовыми методами. Для выполнения этой задачи, а также с целью укрепления органов государственной власти и полного восстановления их легитимности и авторитета как внутри Алжира, так и за рубежом решено было провести альтернативные президентские, парламентские и муниципальные выборы. Проведение президентских выборов было назначено на 16 ноября 1995 г. В них участвовали кроме действующего президента Ламина Зеруаля еще три кандидата: Саид Саади – лидер партии «Объединение за культуру и демократию», выступавший за большую автономию берберов и являвшийся непримиримым противником исламистской доктрины; Махфуз Нахнах – председатель партии умеренных исламистов «Хамас» и Нур ад-Дин Букрух – глава Партии алжирского обновления (*Parti du renouveau algérien*), провозглашавшей построение «исламского общества, где этические нормы Корана должны гармонично сочетаться с использованием современных достижений науки и техники» (23, с. 294). Нур ад-Дин Букрух длительное время занимал высокий пост в министерстве финансов и имел широкие связи в правительственных кругах. Вероятно, поэтому оппозиционная пресса называла Нур ад-Дина Букруха и его партию «сателлитом правящего режима» (199, с. 358).

Вместе с тем наиболее влиятельные оппозиционные партии, подписавшие «Римскую платформу», выступили против проведения выборов в обстановке продолжающегося исламистского террора.

В своем совместном коммюнике они заявили, что «выборный процесс невозможен без предварительного достижения национального консенсуса и политического разрешения существующего кризиса» (199, с. 356). ИФС, в свою очередь, призвала к бойкоту выборов. Руководитель «Исполнительной инстанции ИФС за рубежом» Рабах Кабир аргументировал это тем, что «в обстановке отсутствия безопасности, когда в стране ежедневно происходят террористические акты и запрещена реальная политическая оппозиция режиму, проведение выборов не имеет смысла»²⁶.

Такую же позицию занял председатель «Парламентской делегации ИФС за рубежом» Анвар Хаддам, заявив, что «разгул терроризма делает невозможными свободные и демократические выборы» (251, 19.08.1995). В коммюнике, посвященном предстоящим выборам, Анвар Хаддам предложил в качестве первого шага к политическому решению кризиса создать «переходное правительство национального согласия. В нем должны были быть представлены политические партии, включая ИФС, не дискредитировавшие себя поддержкой антиконституционных действий военной хунты, а также представители муджахидов (ВИГ) и армии. Это правительство должно было подготовить проведение подлинно свободных и демократических выборов всех уровней власти» (52, с. 2). Радикальные исламисты из ВИГ, отвергавшие любой компромисс с властями, в том числе участие в выборах, угрожали превратить «кабины голосования в гробы для тех, кто придет на выборы» (241, 15.11.1995).

Тем не менее президентские выборы состоялись. Для их проведения власти предприняли беспрецедентные меры безопасности. Армейскими частями были блокированы районы, где предположительно дислоцировались отряды боевиков. Для охраны избирательных участков было задействовано более 300 тыс. военнослужащих, примерно по 10 на каждую кабину голосования. Жители столичного квартала Касба (район старого города с узкими улочками и большим числом старых построек, где традиционно укрывались исламистские боевики) должны были голосовать в других районах г.Алжира.

В результате всех предпринятых властями мер в день президентских выборов 16 ноября 1995 г. не было отмечено

²⁶ Интервью Рабаха Кабира, данное Майклу Уиллису. Опубликовано в его книге: Willis, Michael. *The Islamist Challenge in Algeria*. N.Y., 1997. С. 356.

каких-либо террористических акций. Итогом голосования стало избрание президентом Алжира Ламина Зеруаля, за которого отдал голоса 61% избирателей (230, 26.11.1995. с. 4). Второе место занял Махфуз Нахнах, лидер партии «Хамас», собравший 25,6% голосов (230, 26.11.1995. с. 4). Третий кандидат на президентский пост – глава партии «Объединение за культуру и демократию» Саид Саади получил 9,6% (230, 26.11.1995. с. 4) и четвертый – председатель Партии алжирского обновления Нур эд-Дин Букрух соответственно 3,8% голосов избирателей (230, 26.11.1995. с. 4). Более 90 международных наблюдателей, представлявших Лигу арабских стран, Организацию африканского единства и ООН, несмотря на обстановку чрезвычайных мер безопасности, в которой проходило голосование, заявили, что они «были удовлетворены выборным процессом в Алжире» (40, с. 22). Проправительственная алжирская печать назвала избрание Ламина Зеруаля «победой надежды». Лидеры ИФС Рабах Кабир и Анвар Хаддам, в свою очередь, заявили, что «по сути дела ничего не изменилось – власть осталась такой же, как и была. Генерал Зеруаль сохранил за собой пост президента с помощью 400 тыс. полицейских и солдат» (241, 19.11.1995).

Здесь необходимо подчеркнуть, что накануне выборов в самом алжирском руководстве не было единства по поводу кандидатуры на пост президента. Так, например, начальник генерального штаба ННА Мухаммед Ламари высказывался за избрание президентом гражданского лица. Тем не менее 12 сентября 1995 г. на совещании высшего командного состава армии было принято решение о поддержке кандидатуры Ламина Зеруаля.

Избрание президентом в результате всеобщих и альтернативных выборов предоставляло Ламину Зеруалю необходимое легитимное право продолжить реформы, направленные на укрепление властных структур. После консультаций с членами правительства и с лидерами ряда политических партий Ламин Зеруаль объявил о созыве 14–15 сентября 1996 г. Второй конференции национального согласия. В ней, как и в работе Первой конференции (1994 г.), приняло участие большинство политических партий, в том числе «Хамас» и «Нахда». Тем не менее такие влиятельные партии, как Фронт социалистических сил и Объединение за культуру и демократию, бойкотировали вторую конференцию (так же как и первую в 1994 г.), заявляя,

что военные хотят создать лишь демократический фасад для своего правления. На основании решений второй конференции Ламин Зеруаль предложил провести референдум в связи с предложенными в 1994 г. (на первой конференции) изменениями в конституцию 1989 г., действие которой было приостановлено в январе 1992 г. Пересмотр конституции объяснялся алжирским руководством «необходимостью избавления ее от несогласованности в отношении взаимодействия властей, а также укрепления демократических институтов» (19, с. 7). Кроме того, заявлялось, что новая конституция «в будущем будет решающим образом содействовать созданию общества на базе демократического плюрализма, обладающего всеми необходимыми и дополняющими друг друга структурами» (19, с. 7).

Было предусмотрено 8 пакетов поправок, затрагивавших наиболее важные статьи конституции, в том числе о выборах, о полномочиях президента Республики, об организации исполнительной, законодательной и судебной власти и об организации структуры местных органов власти (19, с. 7). 28 ноября 1996 г. изменения, внесенные в конституцию 1989 г., были одобрены 84,6% алжирских граждан, участвовавших в референдуме.

Новая алжирская конституция наделяла президента широкими правами и закрепляла так называемую суперпрезидентскую форму республики. Согласно ст. 77–78, президент назначает главу правительства и прекращает его полномочия, назначает на должность всех членов Совета министров, генерального секретаря правительства, председателя Государственного совета, управляющего Банка Алжира, судей, руководителей службы безопасности, вали (глав администраций вилай-областей). Президент является верховным главнокомандующим и ответственным за национальную оборону (8, ст. 77–78).

В соответствии с новой конституцией был реформирован парламент. Старый парламент, созданный на основе конституции 1989 г., состоял из одной палаты – Национального народного собрания (аль-Меджлис аш-шаабий аль-ватаний), все депутаты которого избирались всеобщим, прямым и тайным голосованием. В новом парламенте, наряду с Национальным народным собранием ставшим нижней палатой, была создана верхняя палата – Национальный совет (Меджлис аль-умма). В соответствии со ст. 101 новой конституции две трети депутатов Национального совета избирались членами народных советов коммун (аль-Меджлис аш-шаабий аль-балядий) и народных советов вилай (аль-

Меджлис аш-шаабий аль-вилаий) непрямым тайным голосованием также среди членов народных советов коммун и народных советов вилай. Одна треть депутатов Национального совета назначалась президентом «из числа известных национальных деятелей в научной, культурной, профессиональной, экономической и социальной областях» (8, ст. 101). Поскольку принятие любого законопроекта требует одобрения нижней палаты, а также одобрения тремя четвертями депутатов верхней палаты, то президент через назначаемых им депутатов мог фактически заблокировать принятие любого нежелательного для него закона. Президент, кроме того, имел право роспуска нижней палаты, и ему предоставлялась возможность заниматься законотворческой деятельностью с помощью издаваемых им указов.

Таким образом, новая конституция ставила в центр всей системы государственной власти президента, обладавшего очень широкими полномочиями. Премьер-министр Ахмед Уяхья, в свою очередь, обосновывая внесение изменений в конституцию, заявлял в своем выступлении на митинге в г. Константина, что они вызваны необходимостью восстановить стабильность государства, обеспечить эффективное представительство народа в законодательных органах, предотвратить любую возможность возникновения тоталитарного режима, в том числе исламистского, и заложить основы для развития демократического, современного и единого Алжира (130, с. 91). Тем не менее в обнародованном 9 ноября 1996 г. «Воззвании к миру», которое подписали свыше ста видных политических и общественных деятелей страны, говорилось, что «референдум проводился с целью сосредоточения власти в руках президента и администрации, а также нейтрализации законодательной и подчинения судебной власти» (130, с. 91). ИФС также оценил принятие новой конституции как «стремление выхолостить роль представительных институтов и сделать президента настоящим республиканским императором, который подотчетен только военной номенклатуре» (64, с. 29). Французский дипломат Люсиль Провост, долгое время работавшая в Алжире, в своей статье в журнале «Эспри» (Сознание) определила принятие новой алжирской конституции как «сосредоточение всей полноты власти в руках генерала Зеруаля, возглавляющего режим, по сути своей являющийся диктаторским» (30, с. 2).

Анализ новой алжирской конституции позволяет сделать вывод о том, что ее принятие явилось шагом, направленным на закрепление авторитарных тенденций в государственной власти и прежде всего расширение президентских полномочий. Вместе с тем, не отрицая того, что новая конституция до известной степени ограничивала роль представительных институтов власти, ее необходимо оценивать не только с точки зрения классических канонов демократии, но и с учетом конкретных алжирских реалий. Прежде всего это касается непрекращающегося вооруженного противостояния радикальной исламистской оппозиции с властями.

Создатели конституции учли опыт (в том числе, негативный) первых демократических преобразований в Алжире периода 1989–1991 гг. Тогда на волне демократической эйфории и в результате нечетко определенных в законодательстве правил создания политических партий возник Исламский фронт спасения. Одержав убедительную победу на муниципальных и парламентских выборах, ИФС в полном соответствии с конституцией 1989 г. мог провозгласить Алжир исламским государством. Такой поворот событий, без сомнения, повлек бы за собой самые негативные последствия, возможно, даже более разрушительные, чем те, которые произошли в Алжире после прерывания выборного процесса в 1992 г.

В отличие от старой новая конституция совершенно четко определяет порядок образования политических партий, которые не могут создаваться «на религиозной²⁷, лингвистической, расовой, корпоративной или региональной основе» (8, ст. 42). Кроме того, при оценке конституции и, в более широком плане, всей государственно-политической структуры страны необходимо исходить из предыдущего исторического опыта независимого Алжира. С момента завоевания независимости у руля государственной власти в стране стояла военная элита. Из пяти руководителей Алжира, включая Ламина Зеруаля, трое были профессиональными военными. Однако даже при гражданских лидерах – Ахмеде Бен Белле и Мухаммеде Будиафе военные играли определяющую роль в государственной политике. Особое положение армии в стране и особое отношение к ее

²⁷ В конституции 1989 г. было написано: «исключительно на религиозной основе».

представителям в алжирском обществе связано с героизацией национально-освободительной войны 1954–1962 гг., что также отражено в алжирской конституции (8, с. 3). Эти факторы наложили отпечаток на алжирское общественное сознание. В нем в 90-х гг. в достаточной степени была сильна историческая память борьбы за независимость, в которой Алжирская национально-освободительная армия (АНО) играла главную роль. Автору этих строк во время пребывания в Алжире не раз приходилось слушать рассказы молодых алжирцев, родители многих из которых были шахидами²⁸, о героической борьбе алжирских патриотов за завоевание независимости. Поэтому определяющее влияние военных на государственную власть в Алжире и связанные с этим авторитарные тенденции являются объективным явлением, усиленным к тому же многолетним вооруженным противостоянием с исламистской оппозицией.

Вслед за президентскими прошли выборы в нижнюю палату парламента – Национальную народную ассамблею (ННА) в июне 1997 г. и местные законодательные органы – народные советы коммун (НСК) и народные советы вилай (НСВ) в октябре 1997 г. Как на тех, так и на других выборах наибольшее число голосов завоевала пропрезидентская партия «Национальное демократическое объединение» (*Rassemblement national démocratique*), созданная в феврале 1997 г. всего за четыре месяца до выборов. Она состояла в основном из работников госаппарата и администрации президента. Ее возглавил Абд аль-Кадер Бенсалах, бывший президент Национального переходного совета (временного законодательного органа, существовавшего с 1994 по 1997 г.) и доверенное лицо президента Зеруаля. В результате выборов в ННА «партия власти» – «Национальное демократическое объединение» (НДО) получила 155 депутатских мест (230, 11.06.1997) из их общего числа 380. Второе место (69 депутатских мест) [230, 11.06.1997] заняла партия Махфуза Нахнаха «Движение общества за мир» (*Харакат аль-муджтама ли-с-*

²⁸ *Шахид* (араб.) – пожертвовавший собой за веру, погибший мученической смертью. В современном Алжире этот термин означает борца за независимость, погибшего во время национально-освободительной войны 1954–1962 гг.

сильм)²⁹ и третье (64 места) [230, 11.06.1997] завоевал Фронт национального освобождения (ФНО). Партия «Нахда» получила 34 места, Фронт социалистических сил (ФСС) – 19, Объединение за культуру и демократию (ОКД) – 19. На выборах в местные законодательные органы НДО получила 7442 места из общего числа 13123 в национальных собраниях коммун (НСК) и 886 из 1880 в национальных собраниях вилай (НСВ). Второе место по количеству депутатских мест на муниципальных выборах завоевал ФНО, получив 2864 места в НСК и 373 – в НСВ. Умеренные исламисты из «Движения общества за мир» (ДОМ) получили соответственно 890 и 260 мест.

Оценивая состоявшиеся выборы, президент Ламин Зеруаль в своем выступлении 1 ноября 1997 г. заявил, что они «позволили Алжиру выйти из конституционного кризиса и знаменовали собой новую победу демократии» (130, с. 108). В то же время лидер одной из влиятельных оппозиционных партий Объединение за культуру и демократию Саид Саади назвал прошедшие выборы «подтасовкой и обманом, которые стали характерными чертами режима» (64, с. 30). В свою очередь ИФС в своих заявлениях утверждал, что несмотря на проведение альтернативных президентских и муниципальных выборов, «основа режима не изменилась: армия продолжает железной рукой править в стране, в то время как победившая на выборах партия НДО выполняет роль сменной салфетки, прикрывающей реальную власть военных» (69, с. 4). В то же время достаточно известная алжирская зарубежная общественная организация «Всемирная алжирская коалиция действия» (World Algeria Action Coalition /WAAC/), базирующаяся в США, заявила, что «альтернативные парламентские выборы в 1997 г. в Алжире были шагом в правильном направлении» (24, с. 3). В конце концов, несмотря на направленные в центральный избирательный комитет 1200 жалоб на нарушения, имевшие место, по мнению оппозиционных партий, во время выборного процесса, алжирские официальные власти, так же как и более 200 междуна-

²⁹ Партия должна была изменить свое прежнее название «Хамас» (*Харакат аль-муджтама аль-ислямий*, «Движение исламского общества») в соответствии с новым законом, запрещавшим создание политических партий на религиозной основе.

родных наблюдателей, приглашенных в Алжир по линии ООН, ОАЕ и ЛАГ, признали законность результатов выборов³⁰.

Итоги как президентских, так и парламентских выборов показали, что политический курс Лямина Зеруаля, направленный на противодействие радикальным исламистам и укрепление государственных институтов, пользовался достаточной поддержкой населения. Однако необходимо иметь в виду, что выборы в Алжире проходили в обстановке вооруженного противостояния с исламистскими экстремистскими группировками, когда для обеспечения безопасности процесса голосования было задействовано более 300 тыс. военнослужащих. В такой ситуации правящий режим мог использовать для получения предпочтительных для него результатов выборов методы административного давления и манипулирования итогами голосования. Такого рода влияние властей на выборный процесс проявлялось в гораздо меньшей степени в период первых альтернативных выборов в 1990–1991 гг.

Другой важный момент, который выявили итоги голосования, – это то, что значительная часть алжирского общества продолжала исповедовать идеологию исламизма и поддерживать исламистскую доктрину. Так, на президентских выборах второе место по количеству поданных за него голосов (25,6%) завоевал Махфуз Нахнах, лидер умеренной исламистской партии «Движение общества за мир» (ДОМ). Во время парламентских выборов две исламистские партии ДОМ и «Нахда» в совокупности получили 103 депутатских места из 380, и за них проголосовало 23,6% избирателей.

Исламистская доктрина, провозглашаемая партиями ДОМ и «Нахда», не носила столь радикального характера, который был присущ ИФС. Тем не менее конечной своей целью как ДОМ, так и «Нахда» считали поэтапное создание в Алжире исламского государства, где должны были превалировать мусульманские ценности и мусульманские морально-этические

³⁰ В своем отчете международные наблюдатели подтвердили, что «из 1258 избирательных участков, которые они посетили (всего в Алжире было открыто 35 тыс. избирательных участков), выборный процесс соответствовал международным нормам на 1169, на 95 избирательных участках это соответствие вызывало сомнение и на 11 выборный процесс не соответствовал международным правовым нормам (24, с. 11).

нормы. Алжирское руководство должно было учитывать такую позицию части населения, предпочитавшую исламскую перспективу для будущего развития страны. Ламин Зеруаль, стараясь привлечь умеренных исламистов к более активной поддержке своего курса, заявлял, что они смогли бы «стать эффективной альтернативой ИФС и со временем убедить молодых алжирцев, взявшихся за оружие, в бесполезности их борьбы» (130, с. 88).

После президентских выборов было сформировано новое правительство Алжира, где из 39 министерских портфелей большинство (25) получили депутаты от пропрезидентской партии НДО и 14 – депутаты от партий, набравших наибольшее число голосов, в том числе умеренные исламисты из ДОМ. Премьер-министром стал Ахмед Уяхья, бывший глава президентской администрации, руководивший во время президентской кампании предвыборным штабом Ламина Зеруаля. Ахмед Уяхья считался одним из самых доверенных лиц президента. Некоторые журналисты называли его «серым кардиналом дворца Мурадия (резиденции алжирского президента) и великим манипулятором» (228, 2000, № 2052, с. 36) из-за обвинений (документально не подтвержденных) в его адрес со стороны оппозиции в подтасовках и манипуляциях во время подведения итогов президентских и парламентских выборов.

Ахмед Уяхья продолжал проводить структурные реформы алжирской экономики в соответствии с рекомендациями МВФ, директор-распорядитель которого М.Камдессю в 1996 г. посетил Алжир. Реформы прежде всего были направлены на дальнейшую приватизацию убыточных государственных предприятий, уменьшение инфляции, стабилизацию курса алжирского динара и в перспективе на создание рентабельной рыночной экономики, способной вывести Алжир из длительного социально-экономического кризиса.

В результате реформ несколько улучшились макроэкономические показатели алжирской экономики. В частности, платежный баланс из дефицитного в 9% от ВВП в 1993 г. стал положительным в 2,4% от ВВП в 1997 г. Инфляция, составлявшая 39% в 1994 г., сократилась до 6% в 1997 г., валютные резервы выросли с 1,5 млрд. амер. долл. в 1993 г. до 8 млрд. амер. долл. в 1997 г. (28, с. 14). В то же время внешний долг страны продолжал оставаться значительным и достигал в 1997 г. 68,7% от ВВП (28, с. 12). Продолжалась девальвация алжир-

ского динара. Так, в 1997 г. 1 амер. долл. стоил 58 алжирских динаров, в то время как в 1990 г. цена 1 амер. долл. равнялась 12,2 алжирских динара (28, с. 13). Не прекращался рост безработицы, которая составляла в 1997 г., по официальным данным, 28% от числа трудоспособных алжирцев, из которых 70% были молодыми людьми, не достигшими 30 лет (24, с. 8). Правительство не смогло разрешить острые социально-экономические проблемы. Осталось невыполненным предвыборное обещание Ламина Зеруаля улучшить жилищные условия алжирцев³¹, продолжался рост цен, в том числе на продовольственные товары и на предметы первой необходимости³². В 1996 г. правительство вынуждено было принять закон о так называемой «рабочей солидарности». Согласно этому закону, у государственных служащих принудительно изымалась часть заработной платы в пользу работников приватизируемых предприятий, которые в силу объективных и субъективных трудностей процесса приватизации не получали зарплату или получали ее с большим опозданием (до 6 месяцев).

Требую от властей проведения социально-ориентированной экономической политики и решения насущных проблем, Всеобщий союз алжирских трудящихся (ВСАП) в апреле 1996 г. провел 4-дневную всеобщую забастовку, в которой участвовали десятки тысяч работников предприятий государственного сектора. Согласно опросу общественного мнения, 18,9% алжирцев были «не удовлетворены политикой Зеруаля, а 42,8% – мало удовлетворены» (235, 22.05.1996; 241, 7.07.1996). В стране, несмотря на определенное укрепление законодательной и исполнительной вертикали власти и придание ей необходимой легитимности, нарастала социальная напряженность.

В то же время продолжалась и даже усилилась террористическая деятельность вооруженной исламистской оппозиции, прежде всего ВИГ. Хотя, согласно официальным заявлениям премьер-министра Ахмеда Уяхья, количество террористиче-

³¹ Так, например, в столице, жилищный фонд которой был рассчитан на 800 тыс. жителей, в 1997 г. проживало свыше 3 млн., многие из которых жили в старых, не имевших современных удобств жилищах (227, 8.06.2000, с. 57).

³² Цены на картофель, морковь, фасоль, помидоры за 1996 г. увеличились в 4 раза (227, 8.06.2000, с. 56).

ских акций против представителей власти и государственных учреждений сократилось с 1100 в 1995 г. до 276 в 1997 г. (24, с. 8), число жертв исламистского террора среди мирного населения постоянно увеличивалось. Такое противоречие между официальными данными и реальной ситуацией объяснялось тем, что боевики ВИГ действительно в меньшей степени стали совершать нападения на хорошо охраняемые государственные учреждения и военные объекты. В то же время значительно возросло число террористических акций, направленных против гражданского населения (в основном в сельской местности), жертвами которых стали тысячи мирных жителей. Согласно данным различных независимых источников, только за период рамадана в 1997 г. (январь – февраль) на территории Алжира от рук террористов погибло более 400 человек. С апреля по август 1997 г. в населенных пунктах Хауш Буглеф, аль-Умария и Ларбаа, расположенных в радиусе 30–40 км от столицы, террористами было убито 313 человек (24, с. 16). 28 августа 1997 г. в селении Хас Раис было убито около ста его жителей, в Бени Мессус 5 сентября 1997 г. террористы уничтожили 60 человек, 22 сентября в Бенталха – около 200, в декабре – более 300 жителей области Релизан, на западе Алжира (24, с. 15). 25–26 июля 1998 г. в населенном пункте Айн Халиль, недалеко от марокканской границы от рук террористов погибло 12 человек [6 детей, три женщины и трое мужчин] (73, 13). С 1993 по 1997 г. жертвами исламистского террора стали также 59 алжирских журналистов и 120 иностранцев.

Исполнителями большинства этих преступлений были боевики ВИГ и «Салафитской группы для проповеди и борьбы» (СГПБ). Наряду с ними вооруженную борьбу против властей вело также вооруженное крыло ИФС – «Исламская армия спасения» (ИАС). Несмотря на попытки некоторых лидеров этих группировок (в первую очередь ВИГ) объединиться и создать общее командование, между ними продолжалась перманентная вражда, переходившая в вооруженные столкновения.

Достаточно трудно определить точное количество боевиков в исламистских группировках, так как некоторые из них, в частности ИАС, кроме бойцов, постоянно находившихся в составе вооруженных отрядов, располагали еще полувоенными формированиями, которые привлекались к вооруженным акциям по мере надобности. Существовали также группы из местных жителей, которые осуществляли снабжение боевиков про-

довольствием и всем необходимым. Согласно официальным алжирским данным, к началу 1998 г. в рядах вооруженных исламистских группировок насчитывалось около 8 тыс. человек, тогда как французские службы безопасности оценивали число боевиков в 40 тыс. (25, с. 9).

В условиях отсутствия безопасности и продолжавшегося исламистского террора в Алжире возникли такие явления, как насильственный захват земельной собственности и убийства ее владельцев под видом террористических актов исламистов. Согласно материалам некоторых французских журналистов, такие убийства, в частности крестьян-членов кооперативов, происходили в сельских районах, в которых они владели земельной собственностью. К этим преступлениям, по утверждениям авторов данных материалов, были причастны местные полукриминальные дельцы и даже отдельные отряды милиции самообороны (47, с. 7).

Наряду с этим некоторые коррумпированные чиновники в высших эшелонах власти и связанные с ними представители бизнеса, пользуясь обстановкой нестабильности, проводили сомнительные коммерческие операции и незаконные сделки. Такого рода «магнатов» алжирская пресса называла «политико-финансовой мафией, воспользовавшейся сложной экономической и политической ситуацией для своего собственного обогащения незаконным путем» (220, 2000, № 133, с. 24). Эти кланы зачастую прибегали к мафиозным методам устранения своих конкурентов в предпринимательской деятельности под видом террористических актов, вина за которые впоследствии возлагалась на исламистских боевиков³³.

Надо признать, что в этот период алжирское руководство во главе с президентом Зеруалем не смогло вывести Алжир из кризисной ситуации. Сам президент не пользовался полной поддержкой со стороны военной элиты. В алжирской верховной власти шла борьба между двумя группировками. Первую воз-

³³ По данным французского специалиста по современному Магрибу Антуана Басбу, дельцы, занимавшиеся импортом медикаментов, с целью устранения национального конкурента устраивали взрывы на фармацевтических предприятиях алжирской компании «Сайдал», производившей до 80% медикаментов, необходимых Алжиру. Они же были причастны к покушению на генерального директора «Сайдала» (153, с. 125).

главляли президент Ламин Зеруаль и его министр-советник генерал Мухаммед Бетчин. Им противостояли руководитель службы безопасности генерал Мухаммед Медьен³⁴, его заместитель генерал Смаин Ламари, а также поддерживающий их начальник генерального штаба Мухаммед Ламари. Они были недовольны тем, что Ламин Зеруаль начал назначать своих ставленников на ключевые посты в армии, жандармерии, а также в руководстве СМИ (в частности, на телевидении) и в стратегически важных отраслях экономики. Эти военные обвиняли министра-советника Мухаммеда Бетчина, в том, что он, используя свои полномочия в президентской администрации, создал «свою собственную финансовую империю» (153, с. 170). Руководители армии и служб безопасности заявляли, что в то время, как они ведут «тяжелую борьбу с террористами, люди в окружении президента, получив командные посты в сфере экономики, заняты личным обогащением, наживая миллионы долларов» (47, с. 6). Наряду с этим военные руководители опасались, что Ламин Зеруаль, проводивший негласные переговоры с исламистской оппозицией, попытается заключить с ней политическое соглашение и возложить на них всю ответственность за многолетнее вооруженное противостояние и связанные с ним злоупотребления и нарушения прав человека в отношении мирного населения. Одновременно между этими двумя группировками шла борьба за преобладающее влияние в экономике, а также существовали разногласия по поводу внешнеполитической ориентации Алжира и дальнейшей политики в отношении исламистской оппозиции. Военные, поддерживавшие Медьена – Ламари, непосредственно руководили борьбой с исламистским террором. Они были непримиримо настроены к исламистской оппозиции и выступали за устранение исламизма из политической жизни алжирского общества. Во внешней политике эта

³⁴ Генералу Мухаммеду Медьену подчинялись также спецподразделения службы безопасности, которые проводили секретные операции достаточно автономно, подчиняясь только своему руководству. По утверждениям алжирских диссидентов из «Алжирского движения свободных офицеров», базирующегося во Франции, на счету этих спецподразделений были не только ликвидация эмиров ВИГ, но и убийства неугодных журналистов и государственных деятелей, совершавшиеся их агентами, внедренными в радикальные исламистские группировки (25, с. 11).

группировка ориентировалась на Францию. Сторонники Зеруаля – Бетчина, напротив, считали, что умеренные исламистские партии имели право на существование при условии, что они не будут угрожать экономическим интересам правящей элиты, и во внешней политике предпочитали сотрудничество с США. По определению алжирского журналиста - диссидента Мезьяни, у обеих «соперничавших группировок правящего режима руки были запачканы в крови и в грязных деньгах. Только у Зеруаля – Бетчина больше в деньгах, чем в крови» (47, с. 7).

Генерал Бетчин по поручению президента Зеруаля с начала 1997 г. вел негласные переговоры с национальным эмиром ИАС Мадани Мезрагом с целью склонить его прекратить вооруженную борьбу. Мадани Мезраг, в свою очередь, еще в 1995 г. направил открытое письмо президенту Зеруалю с предложением прийти к политическому решению, «которое могло бы положить конец гражданской войне» (153, с. 168). Тем не менее переговоры не привели к конкретным результатам, в том числе и из-за того, что военное руководство не хотело, чтобы плоды политического урегулирования кризиса достались группировке Зеруаля – Бетчина. Смаин Ламари решил перехватить инициативу у Бетчина и сам начал переговоры с ИАС. Предварительно он заручился поддержкой генерала Мухаммеда Бугаба, командующего военным округом, на территории которого в основном действовали отряды ИАС. О проведении переговоров были информированы также начальник генштаба Мухаммед Ламари и командующий сухопутными войсками генерал Фодиль Шериф. Для обеспечения безопасности и конфиденциальности переговоров район, где они проходили, был блокирован армейскими частями генерала Бугаба, а также было закрыто для полетов авиации воздушное пространство над ним.

В результате переговоров «национальный эмир» ИАС Мадани Мезраг подписал соглашение о перемирии между ИАС и алжирской армией, которое вступало в силу 1 октября 1997 г. Решение Мадани Мезрага поддержал лидер ИФС Аббаси Мадани (в 1997 г. он был переведен из тюрьмы под домашний арест). В своем письме генеральному секретарю ООН, выразившему озабоченность в связи с непрекращающимися актами террора в Алжире, Аббаси Мадани подтвердил свою готовность «немедленно призвать всех алжирцев, участвовавших в вооруженной борьбе, прекратить кровопро-

литие и начать серьезный диалог с тем, чтобы вывести страну из кризиса» (9, с. 1).

Армейское командование, заключив перемирие с ИАС, решило таким образом стратегическую задачу – не допустить объединения вооруженной исламистской оппозиции. В соответствии с условиями перемирия ИАС, являвшаяся самой крупной исламистской группировкой (насчитывавшей от 5 до 6 тыс. боевиков) (228, 2000, № 2040, с. 33), прекращала вооруженное противостояние с властями и начинала совместно с алжирской армией борьбу против ВИГ. Тем не менее президент Зеруаль, крайне недовольный тем, что перемирие между ИАС и армейским командованием было подписано фактически без его ведома, отказался его утвердить. 1 июня 1998 г. эмир ИАС Мадани Мезраг снова обратился к Ламину Зеруалю с посланием, в котором просил его придать легитимность соглашению о перемирии и подтверждал свою «готовность к сотрудничеству в противостоянии террористическим группам с тем, чтобы положить конец кровопролитию» (54, с. 3). Однако президент не дал ответа на этот призыв.

Вместе с тем в конце лета 1998 г. в алжирской прессе стали появляться публикации, обвиняющие генерала Бетчина в коррупции и финансовых махинациях. С аналогичными обвинениями в его адрес выступали и некоторые члены алжирского парламента³⁵. В создавшейся ситуации Ламин Зеруаль, не

³⁵ Депутаты Национальной народной ассамблеи открыто обвиняли генерала Бетчина, стоявшего во главе компании «Жерик» (Geric), занимавшейся импортом бетонных конструкций, в преднамеренной дестабилизации и фактической ликвидации национальной компании «Сидер» (Sider). Эта компания, производившая на национальных предприятиях аналогичные бетонные конструкции для гражданского строительства и покрывавшая 80% потребностей в них в Алжире, являлась конкурентом компании «Жерик». По утверждению депутатов, генерал Бетчин организовал сфальсифицированное обвинение против генерального директора «Сидер», на основании которого он был осужден (реабилитирован в декабре 1999 г.). Выпуск бетонных конструкций на предприятиях «Сидер» сократился до 7% от потребностей в них в Алжире и, соответственно, увеличился их импорт и доходы генерала Бетчина. Кроме того, согласно обвинениям алжирской прессы, руководство компании «Жерик» во главе с Бетчином занималось аферами с фальсификацией сертификатов на бе-

имея поддержки со стороны военного руководства и будучи не в состоянии стабилизировать сложную социально-экономическую обстановку в стране, предпочел досрочно прервать свои президентские полномочия. 11 сентября 1998 г. в радиотелевизионном «Обращении к нации» он объявил о проведении в марте–апреле 1999 г. досрочных президентских выборов. Ламин Зеруаль подтвердил также, что не намерен больше представлять свою кандидатуру на пост президента Алжира с тем, чтобы «дать возможность алжирскому народу еще раз при полной свободе выражения мнений выбрать руководителя страны» (130, с. 122).

Президентские выборы состоялись 15 апреля 1999 г. В предвыборной кампании участвовали семь кандидатов на президентский пост. Среди них: Хосин Аит Ахмед, лидер партии «Фронт социалистических сил»; Юсеф Катиб, бывший командующий войсками ННА в 4-й вилайе и бывший политический советник Ламина Зеруаля; Мокдад Сифи, бывший премьер-министр (в 1994 г.) и представитель реформаторского крыла партии «Национальное демократическое объединение»; Мулуд Хамруш, глава администрации президента Шадли Бенджедиды и бывший премьер-министр (1989–1991 гг.); Абдалла Джабалла, бывший лидер партии «Нахда», затем возглавивший партию «Движение за национальную реформу» (Харакат аль-ислах аль-ватаний); Ахмед Талеб Ибрахими³⁶, известный деятель ФНО, бывший министр иностранных дел (1982–1988 гг.) и Абд аль-Азиз Бутефлика, активный участник национально-

тонные конструкции, для чего были созданы две подставные фирмы в Италии и Австрии. Эти фирмы закупали дешевые бетонные конструкции, в том числе на Украине, в районе, прилегающем к Чернобылю, и поставляли их в Алжир, выдавая их за продукцию, произведенную в Италии и Австрии (236, 16.07–17.07; 5.12.1999).

³⁶ Ахмед Талеб Ибрахими являлся значительной политической фигурой в Алжире. Он создал свою политическую партию «Вафа» (Верность), учредительный съезд которой прошел в декабре 1999 г. (однако алжирские власти в тот момент не дали разрешения на ее официальную регистрацию). Его поддерживало большинство лидеров ИФС, предпочитавших политические формы борьбы. Абд аль-Кадер Хашани, третье лицо в иерархии ИФС, был руководителем его предвыборного штаба во время президентских выборов в апреле 1999 г.

освободительной войны 1954–1962 гг., бывший министр иностранных дел (1963–1979 гг.) и ближайший соратник президента Хуари Бумедьена.

Бутефлика не был представителем какой-либо партии и считался независимым кандидатом. Тем не менее о поддержке его кандидатуры заявили входившие в правительственную коалицию партии НДО, ФНО, умеренные исламисты – ДОМ и «Нахда», а также крупнейшее профсоюзное объединение ВСАТ. Большинство специалистов по странам Магриба, в их числе директор французского Центра по изучению арабских стран Антуан Басбу, полагает, что именно Бутефлика пользовался особой поддержкой военной элиты и силовых структур.

С этим мнением, безусловно, можно согласиться, особенно если учесть, что предвыборным штабом Бутефлики руководил генерал Ларби Бельхейр, которого алжирская пресса называла одним из самых влиятельных высших офицеров в алжирской армии (228, 2000, № 2070). В то же время в ближайшее окружение Бутефлики входили видные военные и бывшие руководители службы безопасности, с которыми его связывали давние служебные и личные отношения. Среди них следует выделить такие фигуры, как генерал Салим Бен Абдалла, бывший руководитель алжирской контрразведки, полковник Рашид Айсат, бывший военный атташе в Сирии³⁷ и Язид Зеруни, бывший заместитель главы службы безопасности.

За день до президентских выборов шесть претендентов отказались от участия в них якобы из-за имевших место нарушений в ходе предвыборной кампании, оставив Бутефлику

³⁷ Рашид Айсат, будучи алжирским военным атташе в Сирии, входил в круг лиц, близких к министру обороны Сирии Рифату Асаду, поддерживавшему дружеские отношения с Абд аль-Азизом Бутефликой. К этому же кругу принадлежал алжирский миллиардер Абд аль-Кадер Куджети, один из бывших руководителей Министерства вооружений и внешних связей (Ministère des armements et des liaisons générales /MALG/), преобразованного затем в службу алжирской военной контрразведки (Sécurité militaire /SM/). Куджети, по утверждениям некоторых журналистов, был одним из тех, кто осуществлял финансовую поддержку предвыборной кампании Абд аль-Азиза Бутефлики (228, 2000, № 2066–2067, с. 64).

единственным кандидатом на президентский пост³⁸. Тем не менее выборы состоялись в намеченный срок, и Абд аль-Азиз Бутефлика был избран президентом Алжира, набрав 73,79% голосов избирателей (230, 16.04.1999).

Одним из первых шагов нового президента стало официальное признание заключенного между руководством алжирской армии и ИАС перемирия, обнародование проекта закона «О восстановлении гражданского согласия», который включал положение об амнистии всех участников исламистского движения, «чьи руки не запятнаны кровью» (70, с. 1). Данный закон явился одним из главных элементов президентской программы, направленной на прекращение длительного вооруженного противостояния. Согласно закону, лицам, выразившим «чистосердечное раскаяние и желание прекратить преступную террористическую деятельность, гарантировалась возможность реадaptироваться в гражданское общество» (70, гл. 1, ст. 1). Закон также определял применявшиеся к амнистируемым юридические нормы. Они включали в себя в зависимости от степени вовлеченности амнистируемого в террористическую деятельность «полное освобождение от уголовного преследования, освобождение от наказания с прохождением испытательного срока или смягчение наказания» (70, гл. 2, ст.3; гл. 3, ст. 6; гл. 4, ст. 27).

Принятие этого закона, одобренного алжирским парламентом, и предпринятые на его основе меры привели к существенному ослаблению вооруженного противостояния исламистской оппозиции с властями. ИАС в соответствии с условиями пере-

³⁸ Накануне выборов 14 апреля 1999 г. все шесть кандидатов по причине якобы имевших место фальсификаций и нарушений на участках, где проходило досрочное голосование, а также на передвижных избирательных участках, созданных в удаленных районах Сахары, официально объявили о своем отказе от участия в выборах. Они также выразили просьбу о немедленной встрече с Ламином Зеруалем. Однако президент отказался вести с ними переговоры и заявил, что конфликт должен разрешить Конституционный совет в соответствии с действующим законодательством. Конституционный совет, в свою очередь, предложил аннулировать спорные бюллетени и разобрать все жалобы после проведения выборов. Несмотря на то, что все шесть кандидатов отклонили данное предложение, президент Ламин Зеруаль объявил, что выборы пройдут в намеченный срок, что и было осуществлено (228, 1999, № 1997, с. 31).

мирия прекратила боевые действия, и ее отряды начали проводить совместные с ННА операции против ВИГ. Довольно значительное число боевиков из ВИГ и «Салафитской группы для проповеди и борьбы» (СГПБ), воспользовавшись законом об амнистии, начали сдаваться властям (к 13 января 2000 г. сдалось около 1800 боевиков из общего числа, оцениваемого в 3 тыс.) (228, 18.01.2000, с. 10). В то же время обострилась борьба за лидерство между эмирами ВИГ и СГПБ. Все эти факторы способствовали дезорганизации радикальной исламистской оппозиции, уменьшению числа боевиков в ее рядах и сокращению количества совершаемых ею террористических акций.

Таким образом, можно констатировать, что начавшийся в 1992 г. период активного вооруженного противостояния исламистского экстремизма с алжирскими властями завершился в 1999 г. Это противостояние стоило жизни более 100 тыс. алжирских граждан, около 400 тыс. алжирцев (в основном, представители франкофонской интеллигенции) вынуждены были покинуть Алжир, спасаясь от исламистского террора. Страна была поставлена на грань гражданской войны.

Феномен столь длительного и ожесточенного противостояния радикальной исламистской оппозиции с алжирским режимом имеет в своей основе причины как внутреннего, так и внешнего порядка. Внутренние факторы коренятся прежде всего в системном кризисе, переживавшемся алжирским обществом. Начало ему положил экономический кризис второй половины 80-х гг., который привел к существенному снижению уровня жизни значительной части населения, что в свою очередь повлекло за собой антиправительственные выступления в октябре 1988 г., охватившие многие крупные города Алжира. Власть, будучи не в состоянии одними репрессивными мерами справиться со стихийным социальным протестом, вынуждена была пойти на демократические преобразования. Одним из их результатов стало формирование массового исламистского движения во главе с Исламским фронтом спасения, самой влиятельной политической партией конца 80–90-х гг. Неспособность властей успешно провести реформирование экономики и решить жизненно важные социальные проблемы привела к поддержке многими алжирцами лозунга ИФС о создании исламского государства в Алжире. Претворение этого лозунга в жизнь, ставшее вполне реальным после убедительной победы ИФС на муниципальных и парламентских выборах, могло

привести к самым катастрофическим последствиям, в том числе к полномасштабной гражданской войне и распаду страны. Поэтому прерывание армией выборного процесса в январе 1992 г., формально противоречившее конституционным и демократическим нормам, с учетом реального положения в алжирском обществе можно признать вынужденным и необходимым. Вместе с тем силовое прерывание демократических выборов и запрет ИФС привели к переходу инициативы в противостоянии с режимом к наиболее радикальным и экстремистским силам в исламистском движении. Эти вооруженные группировки, прежде всего ВИГ, куда также перешли многие сторонники ИФС, проповедовали вооруженный джихад как единственный способ создания исламского государства. Именно на ВИГ лежит основная ответственность за массовый террор и акты насилия, продолжавшиеся в Алжире на протяжении 90-х гг. Углубление социально-экономического кризиса и продолжавшееся снижение уровня жизни способствовали нарастанию недовольства и постоянному пополнению рядов боевиков. Часто ими становились поверившие исламистской пропаганде молодые алжирцы, не имевшие возможности найти работу и обвинявшие во всех бедах правящий режим. В определенной степени к затягиванию разрешения кризиса были причастны силы, которые Абд аль-Азиз Бутефлика определил как «политико-финансовую мафию». К ним принадлежала часть коррумпированных высших государственных чиновников и связанных с ними дельцов, которые, пользуясь обстановкой нестабильности и чрезвычайного положения, применяли незаконные и мафиозные способы для личного обогащения.

Среди внешних факторов, способствовавших продолжению вооруженного противостояния, прежде всего необходимо выделить поддержку алжирских радикальных исламистов со стороны международных экстремистских организаций, исповедовавших джихад. В первую очередь к ним относились Исламский фонд спасения и «Аль-Каида», через афганские тренировочные лагеря которых прошли по крайней мере три эмира ВИГ и сотни муджахидов, воевавших впоследствии в их рядах. Именно на совести этих «муджахидов-афганцев» лежат наиболее варварские террористические акции против мирных жителей. Среди участвовавших в гражданской войне в Афганистане были как граждане Алжира, так и других арабских и мусульманских стран. «Афганцы» представляли собой, по сути дела,

профессиональных наемников, для которых война и связанные с ней преступления стали профессией. Вступив в ряды ВИГ, они принесли с собой на алжирскую землю свой кровавый «опыт» и традиции многолетней войны в Афганистане. Именно этим «опытом» можно в достаточной степени объяснить беспрецедентные по своему варварству и жестокости террористические акты в отношении мирного населения (убийства беременных женщин, грудных младенцев, отрезание голов и сжигание живьем). Эти акты жестокости, в свою очередь, провоцировали ответные действия со стороны милиции самообороны в отношении той части населения, которая подозревалась ими в оказании поддержки исламистам. Такая ситуация также способствовала продолжению вооруженного противостояния.

Определенную негласную поддержку исламистских группировок в плане военной подготовки боевиков, снабжения их вооружением и финансирования осуществляли некоторые арабские и мусульманские страны. Еще одним существенным внешним фактором, влиявшим на продолжение кризиса, являлась деятельность эмигрантских центров алжирских исламистских организаций (пребывание которых на территории европейских государств и США оказалось возможным в соответствии с демократическими законами этих стран)³⁹ и их печатных органов, а также возможность использования ими своих ВЭБ-страниц в Интернете. Эти эмигрантские центры осуществляли пропагандистское прикрытие действий исламистских группировок, в первую очередь ИФС и до середины 90-х

³⁹ После известных террористических актов 11 сентября 2001 г. в США в результате военной операции в Афганистане была в основном разрушена инфраструктура «Аль-Каиды», а также предприняты меры, препятствующие ее финансированию. Ряд европейских стран, в том числе Великобритания и Франция, внесли изменения в свои законодательства для пресечения деятельности на их территории радикальных исламистов и привлечения их к судебной ответственности. В частности, был арестован Абу Катада, один из сподвижников Бен Ладена, издававший в Лондоне журнал «Аль-Ансар». Ранее был арестован в США руководитель базировавшейся там «Парламентской делегации ИФС за рубежом» Анвар Хаддам и позднее арестованы в Голландии несколько членов «Салафитской группы для проповеди и борьбы», продолжавших поддерживать связи с Бен Ладеном (234, 25.04.2002, № 2904).

гг. ВИГ перед мировым общественным мнением. В распространяемых ими материалах вся ответственность за вооруженное противостояние возлагалась на алжирские власти, которые обвинялись в якобы имевших место массовых арестах, пытках заключенных и прочих нарушениях законности и прав человека. Исламистские лидеры, напротив, изображались «борцами за восстановление демократических норм» в Алжире. Вместе с тем нельзя отрицать, что эти публикации способствовали привлечению внимания международного сообщества к ситуации в Алжире и ознакомлению его с материалами, которые по тем или иным причинам не могли появиться в официальной прессе.

Глава IV

НОВЫЙ ЭТАП СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АЛЖИРСКОГО ОБЩЕСТВА (1999–2001 гг.)

Избрание Абд аль-Азиза Бутефлики президентом Алжира, принятие им закона о восстановлении гражданского согласия в алжирском обществе и провозглашение курса на национальное примирение можно определить как начало нового этапа в развитии социально-политической ситуации в Алжире. Большая часть алжирского общества и его наиболее влиятельные политические силы поддерживали президентские инициативы. Спикер алжирского парламента Абд аль-Азиз Белькадем заявил, что президентский план «отражает самые глубокие чаяния алжирского народа и его стремление к гражданскому миру» (248, 19.09.1999). Свою полную солидарность с президентской программой восстановления гражданского согласия выразили наиболее известные партии – «Национально-демократическое объединение», возглавлявшееся бывшим премьер-министром Ахмедом Уяхья¹, и «Национально-республиканский альянс», председателем которого являлся также бывший премьер-министр Реда Малек. Часть партий, называемых в Алжире «демократическим движением», также выразила свою поддержку Бутефлике. В частности, руководитель «Объединения за культуру и демократию» (ОКД) Саид Саади, ранее находившийся в оппозиции, заявил: «Цели, которые поставил перед собой президент, соответствуют нашим целям. Его политический курс – это наш курс» (228, 1999, № 2019). Другой лидер оппозиции, руководитель «Движения за демократию в Алжире» (ДДА)² Ахмед Бен Белла, продолжавший, несмотря на

¹ После своего избрания президент Бутефлика назначил на пост премьер-министра вместо Ахмеда Уяхья, ушедшего в отставку, Ахмеда Бен-битура, которого, в свою очередь, сменил Али Бенфли.

² Партия Ахмеда Бен Беллы «Движение за демократию в Алжире» (ДДА) была распущена властями в июне 1997 г.

свой преклонный возраст (83 года), оставаться влиятельной политической фигурой как в Алжире, так и в арабском мире, подтвердил, что «новый президент всегда может рассчитывать на его помощь и поддержку» (228, 1999, № 2003).

Другая часть демократической оппозиции – Фронт социалистических сил (ФСС) Хосина Аита Ахмеда и Партия трудящихся (ПТ) Луизы Ханун хотя и не выступили открыто против президентского курса, но тем не менее посчитали президентские предложения «недостаточными» (228, 1999, № 2021). Они заявили, что для достижения подлинного гражданского согласия необходимы «обстановка реального демократизма и диалог со всеми политическими силами» (228, 1999, № 2021). По существу, они подтвердили свою позицию, определенную в «Римской платформе» в 1995 г. Луиза Ханун потребовала освобождения политических заключенных, арестованных, по ее мнению, за свои убеждения, в том числе Али Бенхаджа (второго человека в иерархии ИФС).

Что касается партий, представлявших умеренных исламистов, то их позиции тоже разделились. «Движение общества за мир» (ДОМ) Махфуза Нахнаха, так же как и партия «Нахда», высказалось в поддержку курса президента. Между тем руководитель партии «Вафа» Ахмед Талеб Ибрахими и возглавивший партию «Национальное движение за реформу» Абдалла Джабалла настаивали на отмене запрета ИФС и его реабилитации. В то же время, сожалея об отсутствии «политического согласия в исламистском движении» (228, 1999, № 2021), они тем не менее выступали за национальный диалог и окончательно не отвергали президентский план.

В свою очередь исламистская оппозиция, прежде всего лидеры ИФС, ранее заключившие перемирие с алжирской армией, выразили намерение присоединиться к процессу восстановления гражданского согласия. Национальный эмир ИАС Мадани Мезраг в письме на имя алжирского президента, появившемся на ВЭБ-странице ИФС в Интернете и затем опубликованном в алжирской прессе, высоко оценил президентскую «инициативу и усилия по приданию законодательной и политической базы заключенному ранее соглашению о перемирии» и заявил «о желании реально сотрудничать в деле нейтрализации остатков преступных группировок ВИГ с тем, чтобы восстановить безопасность и стабильность для счастливой и достойной жизни алжирского народа» (54, с. 1). Со своей стороны

лидер ИФС Аббаси Мадани (продолжавший находиться под домашним арестом) призвал «всех своих собратьев на территории Алжира или за его пределами, вне зависимости от того, в рядах какой организации они ведут вооруженную борьбу, присоединиться к решению прекратить кровопролитие» (55, с. 1). Это решение, по его словам, «основывалось на положениях шариата, священного Корана и заветах Пророка и отвечало чаяниям алжирского народа» (55, с. 1). К позиции Мадани Мезрага и Аббаси Мадани присоединились президент базирующейся в Германии «Исполнительной инстанции ИФС за рубежом» Рабах Кабир и его заместитель и ответственный за связь с прессой Улд Адда Абд аль-Крим.

Тем не менее часть руководства ИФС попыталась обусловить свое участие в восстановлении гражданского согласия выполнением властями ряда их требований. Заместитель председателя ИФС Али Бенхадж (находящийся в заключении) заявил, что определит свое отношение к президентской инициативе только после своего освобождения. Анвар Хаддам, глава «Парламентской делегации ИФС за рубежом» (*аль-Буса аль-барляманийя фи-ль-харидж*)³, в своем заявлении, озаглавленном «О национальном примирении», подтвердил «постоянное стремление ИФС к политическому решению кризиса» (3, с. 1). Вместе с тем, по его мнению, «подлинное национальное примирение стало бы возможным только при условии освобождения всех политических заключенных и прежде всего руководителей ИФС, расследования вопроса о без вести пропавших и разоружения незаконных вооруженных формирований, так называемых «комитетов самообороны» и «Вооруженных исламских групп», поддерживавшихся различными силами в армии и органах безопасности» (3, с. 2).

«Координационный совет ИФС»⁴ также выдвинул свои требования, выполнение которых властями должно было, по его мнению, привести к действительному национальному согласию. В их число входили «признание прерывания выборного

³ Штаб-квартира «Парламентской делегации ИФС за рубежом» находится в США. Ее руководитель Анвар Хаддам, осужденный американским судом, отбывал наказание в тюрьме в штате Вирджиния.

⁴ Координационный совет (*аль-Меджлис ат-тансикий*) ИФС был создан в октябре 1997 г. и находился в Париже.

процесса в январе 1992 г. незаконным и насильственным актом, игнорировавшим волеизъявление алжирского народа, отмена чрезвычайного положения и освобождение тысяч незаконно содержащихся под стражей алжирских граждан, в том числе руководителей ИФС» (76, с. 1). Абд аль-Кадер Хашани, третье лицо в иерархии ИФС, выступая в принципе за национальное примирение, тем не менее также выдвинул свои условия. В частности, он заявил, что в прошлом «армия, обладавшая реальной властью, ограничивала возможности предшественников нынешнего президента. Поэтому необходимым условием успеха процесса восстановления гражданского согласия стали бы гарантии со стороны военных о том, что все усилия по прекращению кровопролития пройдут в соответствии с подписанным президентом законом» (232, 18.09–19.09.1999).

Руководство армии и службы безопасности высказали свою поддержку курсу президента и призвали радикальных исламистов воспользоваться «последним шансом, который им предоставил президентский закон, и либо присоединиться к восстановлению гражданского согласия, либо армия использует всю свою мощь для их нейтрализации» (232, 14.01.2000). Необходимо признать, что некоторые лидеры непримиримой оппозиции, в частности эмир «Салафитской группы для проповеди и борьбы» (СГПБ) Хасан Хаттаб, откликнулись на этот призыв и начали переговоры с армейским командованием. Однако они закончились безрезультатно, так как Хасан Хаттаб, не получив поддержки от командиров своих отрядов, предпочел продолжить вооруженную борьбу.

В свою очередь руководство ВИГ изначально отвергло президентский план и попыталось даже активизировать свою террористическую деятельность. В результате взрыва, устроенного боевиками ВИГ в районе Релизан на западе Алжира (232, 14.01.2000), погибло 6 бойцов милиции самообороны. Вместе с тем часть военных определила предусмотренные президентским законом амнистию и помилование исламистских боевиков как «преждевременные меры, затруднившие борьбу с террористами» (228, 1999, № 2023–2024, с. 12). Против предоставления амнистии высказались также члены «Ассоциации жертв террора», назвавшие ее «прелюдией к реабилитации убийц» (228, 1999, № 2005, с. 44).

Тем не менее, несмотря на расхождение во мнениях, в результате состоявшегося 16 сентября 1999 г. общенационального

референдума в поддержку президентского проекта высказалось подавляющее большинство алжирцев (98,63% граждан, имевших право голоса)⁵. Таким образом, большая часть алжирского общества подтвердила свое одобрение предложенному президентом плану выхода из кризиса и предоставила ему своего рода «карт-бланш» на проведение намеченного политического курса. Это доверие и поддержка во многом объяснялись также авторитетом, влиянием и неординарностью фигуры нового президента, что выгодно отличало его от «достаточно посредственных» (228, 1999, № 1996, с. 55) [по определению американского исследователя Уильяма Куондта] предшественников.

В 1956 г. в возрасте 18 лет Абд аль-Азиз Бутефлика, окончив французский лицей и арабское медресе, вступил в ряды Армии национального освобождения (АНО) и активно участвовал в национально-освободительной войне 1954–1962 гг. Вскоре, став офицером, он, несмотря на молодость и скромные физические данные, продемонстрировал недюжинные командирские способности и организаторский талант. Ему поручали наиболее ответственные задания. Так, например, в 1958 г. он руководил «малийским фронтом»⁶. Затем его направили на работу в Генеральный штаб АНО (31, с. 1). Здесь Абд аль-Азиз Бутефлика выполнял наиболее сложные поручения Абд аль-Хафида Буссуфа, главы министерства вооружений и генеральных связей. Ему также удалось стать доверенным лицом Хуари Бумедьена, в то время начальника Генерального штаба АНО. Вскоре сам Абд аль-Азиз Бутефлика начал играть значительную роль в руководящих органах национально-освободительного движения. После завоевания Алжиром независимости в 1962 г. Абд аль-Азиз Бутефлика стал министром по делам молодежи, туризма и спорта. Затем через год, в возрасте 25 лет он был назначен на пост министра иностранных дел, который занимал 16 лет, до 1979 г. В этот период Алжир стал одним из лидеров

⁵ По сообщению министерства внутренних дел Алжира, 98,63% участвовавших в референдуме алжирских граждан сказали «да» на единственный вопрос: «Согласны ли Вы с мерами Президента по восстановлению гражданского согласия?» (232, 18–19.09. 1999).

⁶ Малийский фронт был создан командованием АНО в районах, граничных с Мали, для противодействия попыткам французских колониальных войск расчленить базировавшиеся там подразделения АНО.

третьего мира и движения неприсоединения. В 1974 г. Абд аль-Азиз Бутефлика был единогласно избран председателем Генеральной Ассамблеи ООН, с трибуны которой он от имени развивающихся стран предложил перейти к «новым, более справедливым мировым экономическим отношениям» (31, с. 2). Однако после смерти Хуари Бумедьена новый президент Шадли Бенджедид начал кампанию «дебумедьенизации» (31, с. 2), то есть избавления от «команды» бывшего президента и назначения на ключевые государственные посты своих сторонников. Обвиненный в «финансовых махинациях» Абд аль-Азиз Бутефлика был вынужден покинуть Алжир, куда он вернулся только в 1987 г. Затем в 1989 г. на съезде ФНО он вновь был избран членом Центрального комитета, но отказался от неоднократных предложений со стороны представителей власти занять какие-либо государственные посты.

Избрание Абд аль-Азиза Бутефлика президентом подтвердило, что он продолжает пользоваться популярностью и поддержкой значительной части алжирского общества. В то же время некоторые средства массовой информации как в Алжире, так и за его пределами высказывали определенные сомнения по поводу соблюдения всех демократических норм⁷ в ходе выборного процесса в связи с тем, что накануне голосования шесть кандидатов на пост президента отказались от участия в выборах.

Тем более значимым для президента стал положительный результат общенационального референдума по предложенному им проекту выхода страны из кризиса, который подтвердил легитимность президентского мандата Абд аль-Азиза Бутефлика.

Между тем непримиримая исламистская оппозиция принимала усилия с тем, чтобы не допустить восстановления гражданского согласия в стране. Как одну из таких попыток можно расценить убийство 22 ноября 1999 г. Абд аль-Кадера Хашани, третьего человека в иерархии ИФС и наиболее влиятельного его руководителя в Алжире. Абд аль-Кадер Хашани выступал за возвращение ИФС к политическим формам борь-

⁷ Тем не менее Национальная независимая комиссия по наблюдению за проведением президентских выборов под председательством судьи Международного суда в Гааге Мухаммеда Беджауи в своем официальном отчете не отметила каких-либо серьезных нарушений в ходе президентских выборов (153, с. 172).

бы и играл роль посредника на неофициальных переговорах между военными и боевиками из ВИГ, желавшими сдаться властям. Убийство Хашани так же, как взрыв в ресторане в г.Фигер на востоке Алжира, и террористические акции в районе Шлеф и Шиффа в течение ноября-декабря 1999 г. имели своей целью, как справедливо писали алжирские и иностранные журналисты, «остановить поток сдающихся властям боевиков» (228, 1999, № 2029; 216, 12.01.2000). Эти акции свидетельствовали также об усилении конфронтации между непримиримой исламистской оппозицией, прежде всего в лице ВИГ, и частью лидеров ИФС, отвергавших вооруженный джихад и стремившихся вернуться к политическим формам борьбы. Необходимо также подчеркнуть, что президентский закон способствовал расколу и обострению противоречий внутри непримиримой оппозиции. В частности, от ВИГ откололась часть боевиков под командованием эмира Бен Мухтара⁸, выступавшего в качестве соперника командующему («национальному эмиру») ВИГ Антару Зуабри. В свою очередь из «Салафитской группы для проповеди и борьбы» (СГПБ) выделилась группировка эмира Абд ар-Раззака, также соперничавшего с лидером СГПБ Хасаном Хаттабом (228, 2002, № 2145). Отдельные полевые командиры (местные эмиры областей и районов), входившие как в ВИГ, так и в СГПБ, проводили переговоры с военным командованием об условиях прекращения ими вооруженных акций. Их результатом стала сдача властям многих боевиков (228, 2000, № 2036).

Президент Абд аль-Азиз Бутефлика, подводя первые итоги начавшемуся процессу восстановления гражданского согласия, в своем интервью французскому журналу «Нувель обсерватор» подтвердил, что «90% исламистских боевиков нейтрализованы или сдались властям, а из 10% оставшихся 5% являются обычными уголовными преступниками» (243, 20.06.2000). Подтверждением успешного начала этапа восстановления гражданского согласия можно считать и значительное увеличение числа алжирских граждан, возвращавшихся на постоянное жительство в Алжир. Эмигрировав во Францию в разгар исламистского террора, многие из них после избрания Бутефлика президентом, как свидетельствовала французская прес-

⁸ Эту группу, действовавшую в южных районах Алжира, называли «ВИГ южной зоны».

са, «штурмовали билетные кассы марсельского порта, чтобы забронировать места до Алжира» (228, 1999, № 2013).

С целью углубления процесса национального примирения и распространения его не только на исламистскую оппозицию, но и на бывших политических оппонентов Бутефлика выступил с инициативой по реабилитации многих алжирских деятелей, ранее считавшихся «отступниками» или даже «предателями алжирской революции». Среди них были такие значимые фигуры, как один из основателей алжирского национализма Мессали Хадж⁹, бывшие руководители национально-освободительной войны 1954–1962 гг. Аббан Рамдан, Мухаммед Хидер, Крим Белькасем и Мухаммед Шаабани. Абд аль-Азиз Бутефлика также лично нанес визит Ахмеду Бен Белле, тем самым продемонстрировав примирение с бывшим президентом Алжира, смещенным с этого поста в 1965 г.

В своем выступлении по поводу вступления в должность президента Алжира Бутефлика подчеркнул, что «все политические силы, осознающие ответственность за будущее страны, должны постараться объединиться во имя восстановления гражданского мира и изгнания демонов раздора и насилия» (20, с. 2). Он стал первым алжирским руководителем, который признал, что одной из причин, способствовавших началу вооруженного противостояния, было прерывание выборного процесса в январе 1992 г. Правда, в последующих выступлениях Абд аль-Азиз Бутефлика изменил эту формулировку и заявлял, что «прерывание выборного процесса стало реакцией на террористические акты, совершенные исламистскими боевиками на пограничном пункте Геммар» (153, с. 177). Бутефлика подтвердил гибель более 100 тыс. алжирских граждан в период противостояния с исламистскими экстремистами с 1992 по 1999 г., в то

⁹ Мессали Хадж – деятель национально-освободительного движения в Алжире в 20–50-х гг., один из создателей (в 1926 г.) и руководитель национально-революционной организации «Североафриканская звезда» (САЗ). На основе САЗ в 1937 г. Мессали Хадж основал Партию алжирского народа, преобразованную в 1946 г. в Движение за торжество демократических свобод. После раскола этой партии в июле 1954 г. Мессали Хадж и его сторонники (мессалисты) выступили против ФНО, возглавившего национально-освободительную борьбу против французских колонизаторов.

время как Ахмед Уяхья называл цифру в 26500 погибших. Тем не менее Бутефлика отвечал решительным отказом на неоднократные требования отменить запрет ИФС, высказываемые как некоторыми партиями, так и руководителями самого ИФС, намеревавшимися вновь выйти на алжирскую политическую сцену (228, 1999, № 2031).

Усиление в рядах исламистской оппозиции (прежде всего в ИФС) тенденции отказа от жесткой конфронтации с властями и перехода к легальным формам борьбы стало характерной чертой нового этапа развития политической ситуации в Алжире. Это проявилось, с одной стороны, во вступлении части лидеров ИФС в действующие исламистские политические партии (в основном в «Вафа» и «Национальное движение за реформу») и выступлениях в легальных СМИ. С другой стороны, подтверждением такой попытки явилось изменение содержания публикаций на ВЭБ-страницах, принадлежавших алжирским исламистским организациям, расположенным за пределами Алжира.

Если в середине 90-х гг. это были прежде всего обличающие материалы, обвинявшие «военную хунту» в «массовых репрессиях, незаконных арестах и пытках заключенных», то с начала 1999 г. в Интернете на соответствующих страницах наряду с обвинениями «режима генералов» стали преобладать призывы к реабилитации ИФС, а также помещались проекты исламистов по выходу Алжира из кризиса и обращения к мировому общественному мнению. Так, например, 11 января 1999 г. от имени Координационного совета ИФС был обнародован «Манифест «Исламского фронта спасения»: за справедливость и мир в Алжире», где излагалась точка зрения ИФС на причины алжирского кризиса, его экономические и социально-политические последствия, а также предлагались меры по его преодолению, включая «создание временного правительства национального согласия» (64, с.11).

В свою очередь «Информационное бюро ИФС» опубликовало «Призыв к сотрудничеству между цивилизациями». В этом документе утверждалось, что «подлинный политический плюрализм в Алжире возможен в случае реализации и поддержки западными правительствами программы, выработанной (в 1995 г. в Сант-Эжидио, пригороде Рима. – Авт.) оппозиционными алжирскими партиями, в том числе ИФС» (46, с. 1). Далее заявлялось, что «вызов, с которым сейчас столкнулся

западный мир, должен был побудить его лучше понять историю и современные реалии мусульманского мира для выработки взаимоприемлемых условий сосуществования и плодотворного экономического сотрудничества, в котором Алжир мог бы стать мостом между двумя цивилизациями» (46, с. 1).

Такая тенденция отражала произошедшие изменения в алжирском общественном сознании. Они характеризовались прежде всего неприятием большинством алжирского общества радикального исламизма, что не могли не учитывать наиболее дальновидные исламистские руководители.

Другой отличительной чертой нового периода, начавшегося после 1999 г., можно считать восстановление в определенной мере авторитета и влияния Алжира в Магрибе и в арабском мире в целом, а также укрепление его позиций на мировой арене. Одним из подтверждений этого стало проведение в алжирской столице в июле 1999 г. 35-й сессии Организации африканского единства (ОАЕ). Этот форум стал наиболее представительным с момента создания ОАЕ – в сессии участвовало 45 руководителей стран-членов ОАЕ. Абд аль-Азиз Бутефлика был избран ее председателем. В своем выступлении, завершавшем работу сессии, алжирский президент подтвердил стремление Африки быть демократической. Вместе с тем он отметил: «Мы стремимся построить демократическое общество, но не хотим, чтобы нам навязывали его модель» (250, 15.07.1999, с. 1).

В рамках работы сессии прошли также встречи руководителей стран Союза арабского Магриба (САМ), что способствовало углублению сотрудничества между ними. Наряду с укреплением политических и экономических связей с государствами-членами САМ алжирское руководство стремилось развивать деловые контакты с Европейским союзом (ЕС). Так, например, при активном участии Алжира было заключено соглашение о финансировании ЕС трех крупных совместных проектов САМ с ЕС. Они включали в себя строительство автомагистрали и железной дороги через Гибралтар и прокладку газопровода через территорию Марокко и Гибралтарский пролив, по которому алжирский газ (до 17 млрд. кубометров в год) должен был экспортироваться в Европу (134, с. 47).

Заметно улучшились отношения Алжира с европейскими странами и прежде всего с Францией. Если в середине 90-х гг. отношение Франции к политике алжирского руководства ха-

рактизовалось в основном «сдержанностью и озабоченностью»¹⁰, то первый визит Абд аль-Азиза Бутефлики в Париж в июне 2000 г. оценивался французской прессой уже как «весьма важный, подтвердивший значительное улучшение отношений между Францией и Алжиром» (243, 2000, № 1857, с. 38). В свою очередь Алжир посетили председатель Сената Франции Кристиан Понселе, французский министр внутренних дел Жан-Пьер Шевенеман и министр иностранных дел Франции Юбер Ведрин.

Итогом франко-алжирского сближения стало согласие Франции поддержать просьбу Алжира перед «Парижским клубом» о реструктуризации алжирского долга (30 млрд. амер. долл.) международным финансовым организациям. Возобновилась работа французских консульств в городах Аннаба и Оран и увеличилось количество виз, выданных алжирцам, желающим выехать во Францию (в 1999 г. было выдано 150 тыс. виз, в то время как в 1994 г. – менее 10 тыс.). Одновременно активизировались франко-алжирские экономические связи. Алжир посетила представительная делегация французских бизнесменов во главе с президентом Ассоциации предприятий Франции за рубежом Франсуа Периго. Среди членов делегации были руководители крупнейших банков, в том числе «Креди лионэ» и «Сосьетэ женераль», бизнесмены из телекоммуникационной компании «Алкатель», а также компании «Рено», рас-

¹⁰ Эта озабоченность объяснялась, с одной стороны, негативной оценкой Францией политики тогдашнего алжирского правительства, отдававшего предпочтение силовому подавлению исламистской оппозиции. В то же время французское руководство и в первую очередь премьер-министр Лионель Жоспэн возлагали надежды на политическое решение алжирского кризиса. С другой стороны, ухудшению франко-алжирских отношений способствовали появившиеся в различных СМИ публикации о якобы имевшем место внедрении агентов алжирских спецслужб в группы исламистских боевиков ВИГ, которые осуществляли террористические акты на территории Франции. Таким образом, эти спецслужбы обвинялись в косвенной причастности к данным преступлениям. По мнению авторов соответствующих публикаций (алжирских диссидентов из «Алжирского движения свободных офицеров»), террористические акции проводились с целью заставить Францию занять более жесткую позицию по отношению к алжирской исламистской оппозиции и оказать самую активную поддержку алжирскому режиму (241, 27.11.1999).

смаатривавшие возможность приобретения акций завода «Руиба» – крупнейшего алжирского предприятия по сборке грузовых автомобилей. По завершении визита глава делегации Ф.Периго заявил, что «в Алжире произошла существенная модификация политической структуры в сторону ее дальнейшей демократизации, и прослеживаются заметные признаки стабилизации» (220, 2000, № 126, с. 25).

Убедительным подтверждением укрепления позиций Алжира в мире стало улучшение его отношений с США. Ранее американское руководство довольно настороженно отнеслось к прерыванию выборного процесса в Алжире в январе 1992 г. и созданию Высшего государственного совета, где главную роль играли алжирские военные. По словам американского исследователя Джеймса Филиппса, «администрация президента Клинтона дистанцировалась от алжирского военного режима и установила контакты с «Исламским фронтом спасения», полагая что такая позиция могла бы способствовать политическому решению алжирского кризиса» (175, с. 37). Тем не менее с 1999 г., после начала в Алжире процесса восстановления национального согласия произошло потепление американо-алжирских отношений. Президент Клинтон в своем послании Абд аль-Азизу Бутефлике выразил удовлетворение по поводу «мужественного решения предоставить амнистию тем алжирцам, которые не хотели больше прибегать к насилию, и того, что президент предпочел политический способ выхода из кризиса» (220, 2000, № 126, с. 26). Началось более тесное сотрудничество между спецслужбами США и Алжира в области обмена информацией для координации совместных усилий по борьбе с международным терроризмом. В то же время возрос объем импорта алжирских энергоносителей в США (в 2000 г. он составил более 3 млрд. долл.) (220, 2001, № 144, с. 36). Полученные доходы оказали существенную помощь в модернизации алжирского нефтегазового комплекса.

Выход Алжира из определенной политической изоляции на мировой арене и восстановление его международного авторитета способствовали укреплению чувства национального достоинства алжирских граждан и продолжению поддержки ими политики Абд аль-Азиза Бутефлики.

Вместе с тем самыми главными и трудными вопросами для Алжира с конца 80-х гг., то есть с момента начала изменения государственно-политической системы, оставались и про-

должают оставаться социально-экономические проблемы, затрагивающие интересы большинства алжирцев. Не менее важной является также проблема реформирования экономики и соответствующие этим реформам вопросы, связанные с интеграцией Алжира в мировую экономическую структуру.

Сразу после своего избрания президентом Алжира Абд аль-Азиз Бутефлика заявил, что «Алжир обязан обеспечить себе возможность интегрироваться в новую схему международных экономических отношений и подняться до уровня требований глобализации, сохраняя при этом свою индивидуальность и свои национальные интересы» (20, с. 4). В этом же выступлении он также подчеркнул, что «в первую очередь необходимо адаптировать систему образования к современным эволюционным процессам, происходящим в мире, и тем самым создать благоприятную почву для расцвета творческих сил и технического и научного таланта алжирского народа» (20, с. 4).

Для решения этих задач был разработан проект реформы системы образования, предполагавший введение иностранных языков уже в учебную программу начальной школы. В октябре 2000 г. Национальная народная ассамблея одобрила экономическую программу, предусматривавшую активное привлечение частных алжирских и иностранных компаний в различные отрасли экономики, в том числе и в те, которые раньше считались стратегическими, такие как нефтегазовая отрасль, производство и распределение электроэнергии, а также в строительство муниципального жилья. Данная программа явилась ключевым пунктом мероприятий, направленных на переход к рыночной системе функционирования алжирской экономики, которая характеризовалась наличием трех секторов: государственного, частного и так называемого неофициального, включавшего мелкие частные предприятия и торговые точки, не зарегистрированные официально.

Государственный сектор состоял из предприятий, входивших в шесть национальных и пять региональных холдингов (временных управленческо-финансовых структур, созданных для подготовки государственных предприятий к приватизации), и производил, согласно статистическим данным Всемирного банка, примерно 50% алжирского ВВП. Частный сектор, представленный 728 тыс. малых и средних предприятий, давал около 40–45% ВВП (228, 2001, № 2106, с. 81). Наконец, 5% ВВП приходилось на неофициальный сектор, который тем не менее

являлся важной частью алжирской экономики, так как он представлял работу примерно 1 млн. 400 тыс. алжирцев, составлявших около четверти трудоспособного населения страны.

Эта экономическая программа была разработана правительственной комиссией, сформированной Али Бенфли, новым премьер-министром и одним из ближайших соратников¹¹ Абд аль-Азиза Бутефлики. Али Бенфли также известен в Алжире как один из основателей алжирской Лиги защиты прав человека и тем, что, будучи министром юстиции в 1991 г. в правительстве Сид Ахмеда Гозали, он отказался санкционировать решение о массовых репрессиях против активистов Исламского фронта спасения.

После назначения Али Бенфли премьер-министром произошли изменения в составе правительства, которое многие алжирские и иностранные обозреватели стали называть «президентским». Значительная часть алжирцев видела в подобном усилении президентской власти позитивный момент, так как оно позволяло продолжить борьбу с так называемой «политико-финансовой» мафией, то есть с теми, кого в Алжире называли «магнатами импорта – импорта» (220, 2000, № 133, с. 24). Абд аль-Азиз Бутефлика не раз обвинял такого рода «магнатов» в использовании экономических реформ для своего собственного обогащения незаконным путем. Представители этих кланов, как правило, обладавших широкими связями с правительственными чиновниками, получали от государственных органов (зачастую за взятки) право проводить операции по импорту наиболее востребованной в Алжире продукции – продовольствия, медикаментов, строительных материалов, автомобилей, бытовой электротехники и т.д.). В результате таких операций они получали огромные (до 8 млрд. франков в год) прибыли (220, 2000, № 133, с. 24). К этой же категории дельцов Абд аль-Азиз Бутефлика относил и часть новых землевладельцев и владельцев недвижимости, которые приобрели собственность в результате сомнительных сделок, произведенных в период наиболее острого вооруженного противостояния в Алжире в середине 90-х гг. В то время в ходе борьбы за приобретение земельной собственности нередко использовались мафиозные методы устранения конку-

¹¹ Али Бенфли был одним из руководителей предвыборной кампании по выдвижению Абд аль-Азиза Бутефлики кандидатом в президенты.

рентов под видом террористических актов, вина за которые впоследствии возлагалась на исламистских боевиков. Данная социальная группа не была заинтересована ни в укреплении президентской власти, ни в оздоровлении алжирской экономики, так как возрождение национальных предприятий, способных производить товары, которые ранее импортировались, лишало таких дельцов прибыли. В целях сохранения своих доходов эти кланы использовали свое влияние в различных политических партиях для критики президентской власти и дискредитации ее курса. Вместе с тем некоторые алжирские политики из легальной исламистской оппозиции, а также те, кто представляли как правый, так и левый спектр алжирского политического истеблишмента, в зависимости от своих целей также подвергали критике экономическую программу и курс президента.

Наиболее непримиримым оппонентом президента Абд аль-Азиза Бутефлики со стороны праволиберальных кругов являлся Сид Ахмед Гозали, бывший премьер-министр в правительстве президента Шадли Бенджедиде. Он заявлял о провале президентского плана национального согласия, мотивируя это продолжением террористических акций. Ахмед Гозали пытался создать свою собственную политическую партию «Демократический фронт», но она не была официально зарегистрирована властями. В то же время он обладал весомыми связями в алжирских деловых кругах, а также за рубежом, в частности во Франции, где его воспринимали в качестве «либерального реформатора», а его интервью транслировались по французскому радио и телевидению. В Алжире же многие считали, что Ахмед Гозали несет часть ответственности за политический кризис 1991–1992 гг., приведший к многолетнему кровопролитному вооруженному противостоянию.

Одновременно с критикой некоторых пунктов президентской программы, прежде всего реформы образования, выступили наиболее консервативные представители стоявших на исламистских позициях партий «Вафа» и «Национальное движение за реформу». Они оспаривали необходимость изучения иностранного языка в начальной школе и требовали его отмены. При этом они ссылались на текст алжирской конституции, где говорится об исламе и арабизме (уруба) как об «основных составляющих самоидентификации алжирской нации» (8, с. 3), и заявляли о необходимости усиления процесса арабизации.

Курс президента также подвергался критике со стороны части левой оппозиции. Хашеми Шериф, один из лидеров Партии социалистического авангарда (наследницы бывшей Алжирской коммунистической партии), утверждал, что закон «О восстановлении гражданского согласия» практически не выполнялся, так как, по его мнению, ни одно дело боевиков, добровольно сложивших оружие, не прошло предписанного законом расследования. На митинге сторонников своей партии в г. Оран Хашеми Шериф заявил, что «закон Абд аль-Азиза Бутефлики играет на руку террористам» (220, 2001, № 137, с. 30). Такие заявления были вызваны тем, что довольно длительная юридическая процедура, которую должен был пройти каждый добровольно сдавшийся боевик¹², не всегда выполнялась полностью. С одной стороны, это было связано с техническими трудностями из-за большого количества сдававшихся в первые месяцы после обнародования закона, с другой стороны, – желанием властей склонить к сдаче возможно большее число боевиков, в том числе, путем не всегда точного выполнения предписанных юридических процедур.

Лидер Партии трудящихся, также стоявшей на левых позициях, Луиза Ханун разделяла негативную оценку правительственной экономической программы. Она охарактеризовала планы ускоренной приватизации государственных предприятий как «распродажу народного достояния» (220, 2001, № 137, с. 30). В свою очередь генеральный секретарь самого крупного профсоюзного объединения Алжира – Всеобщего союза алжирских трудящихся (ВСАП) Абд аль-Маджид Сиди Саид высказал свою озабоченность тем, что приватизация и реструктуризация государственных предприятий могут привести к массовым увольнениям. Однако в результате его личной встречи с премьер-министром Али Бенфли было достигнуто соглашение о том, что в процессе

¹² Процедура получения амнистии включала в себя тщательную проверку показаний амнистируемого специально создаваемым контрольным комитетом, состоявшим из прокурора (города или вилайи), представителей министерств обороны и внутренних дел, командира территориального подразделения национальной жандармерии, руководителя территориального управления службы безопасности и главы адвокатской гильдии (города или вилайи). Контрольный комитет принимал в отношении каждого сдавшегося боевика свое решение, которое исполнялось судебными органами (70, глава III/статья 15; глава V/ статьи 31–34).

принятия конкретных решений о реструктуризации крупных предприятий будут проводиться консультации с профсоюзами.

Несмотря на достаточно серьезную и аргументированную критику президентского курса, его противники представляли меньшинство алжирских политических сил. Наиболее влиятельные партии («Национально-республиканский альянс», «Национально-демократическое объединение», «Объединение за культуру и демократию», «Движение общества за мир»), как и большинство членов парламента, поддерживали президентскую программу.

Такая поддержка для алжирского руководства являлась важным фактором, который способствовал успеху политического курса, осуществлявшегося в обстановке серьезных экономических трудностей. В стране продолжался демографический рост (1,6% в год), который опережает рост экономический. В 1999 г. больше половины населения Алжира составляли молодые люди в возрасте до 25 лет. Именно они в наибольшей степени страдали от безработицы (32% трудоспособного населения) и от острого жилищного кризиса (в 1998 г. в Алжире на одну единицу жилья приходилось от 7 до 12 человек) (28, с. 4, 49). По данным отчета французского сенатора Мишеля Шарасса, посетившего Алжир в октябре 2000 г. в составе делегации французской организации «Фонд общественной помощи развивающимся странам», ВВП Алжира в пересчете на каждого жителя за десять лет сократился вдвое и составил соответственно 1550 амер. долл. в 1999 г. против 3524 в 1990 г. В то же время современная экономика Алжира в основном продолжала базироваться на «нефтяной и газовой ренте». Согласно тому же отчету, в 1999 г. доходы от экспорта энергоносителей достигали 97% от всей экспортной выручки и, соответственно, составили 55% суммы бюджетных поступлений и 25% ВВП (228, 2001, № 2106, с. 81).

В этой связи положительной тенденцией, проявившейся в последнее время, можно считать начавшееся изменение структуры внешнеэкономических связей между ЕС и Алжиром. Если раньше в них преобладал традиционный обмен готовой промышленной продукции европейских стран на алжирское сырье и сельхозпродукты, то в конце 90-х гг. получила распространение такая форма сотрудничества, как «долгосрочные встречные поставки» компаниям-потребителям в рамках кредитно-компенсационных соглашений. Такие соглашения предусматривали предоставление иностранной стороной долгосроч-

ных кредитов с их последующим погашением путем поставок продукции предприятий, построенных за счет этих кредитов. Эта форма сотрудничества предполагала, кроме всего прочего, создание новых рабочих мест в Алжире. Предусматривалось также участие иностранных компаний – кредиторов в капитале смешанных фирм, в которых контрольный пакет акций или их часть должны принадлежать Алжиру.

Кроме сотрудничества с ЕС алжирское руководство возлагало немалые надежды на расширение экономических связей с арабскими странами и на привлечение их инвестиций в Алжир. Такая направленность являлась традиционной для Алжира еще с того периода, когда Абд аль-Азиз Бутефлика, возглавлявший министерство иностранных дел, много сделал для укрепления арабской солидарности. Назначение в конце 2000 г. новым министром иностранных дел Абд аль-Азиза Белькадема, имевшего широкие связи в правительственных кругах государств Персидского залива, должно было способствовать дальнейшему развитию такого курса в алжирской внешней политике.

Несмотря на заметные позитивные изменения и положительные тенденции, социально-политическая ситуация в Алжире на рубеже XX–XXI вв. оставалась достаточно сложной. Продолжались террористические акции непримиримой исламистской оппозиции. Так, например, за январь и февраль 2001 г. от рук террористов погибло около 500 гражданских лиц, военнослужащих и бойцов комитетов самообороны, а 20 ноября 2001 г. в результате взрыва на одной из автобусных остановок в алжирской столице пострадало около 30 человек. Алжирские власти определяли эти акты насилия как «остаточный терроризм» (228, 1999, № 2005).

Безусловно, нынешний уровень вооруженного противостояния гораздо ниже, чем в середине 90-х гг., когда в стране фактически шла гражданская война. Положительной тенденцией явилось сокращение числа боевиков в рядах непримиримой исламистской оппозиции. В частности, по данным министерства внутренних дел, на конец 2001 г. их количество во всех четырех исламистских группировках, продолжавших совершать террористические акции¹³, не превышало 800 человек (228, 2002, № 2145).

¹³ ВИГ, СГПБ, ВИГ южной зоны под командованием Бен Мухтара и группировка Абд ар-Раззак.

Тем не менее немало алжирских мусульман продолжало исповедовать идеи исламского фундаментализма, хотя и не являлось в своем большинстве сторонниками его экстремистского направления. Подтверждением этого может служить само существование в Алжире достаточно многочисленных и влиятельных политических партий, проповедующих исламистскую идеологию («ДОМ», «Нахда», «Вафа»¹⁴ и «Движение за национальную реформу»). Об уровне поддержки алжирскими гражданами этих партий говорил тот факт, что во время президентских выборов в апреле 1999 г. их лидеры Ахмед Талеб Ибрагими («Вафа») и Абдалла Джабалла («Движение за национальную реформу»), по неофициальным оценкам, занимали второе и третье места после Абд аль-Азиза Бутефлики (228, 1999, № 1997, с. 29).

Таким образом, глубинные причины, приведшие алжирское общество на рубеже 80–90-х гг. к системному кризису, к концу 90-х гг. в основном продолжали сохраняться. К их числу прежде всего относились нерешенность острых жизненно важных социально-экономических проблем и низкий уровень жизни значительной части населения. Такая ситуация провоцировала социальную напряженность в обществе.

Ее проявлением стали массовые демонстрации в Кабилии¹⁵ в мае – июне 2001 г., переросшие в кровавые столкновения с жандармерией (по официальным данным, было убито около 50 демонстрантов и более 1 тыс. ранено) (228, 1999, № 1997, с. 29) и многотысячная манифестация в их поддержку в г.Алжире. Во многих населенных пунктах местные кабийские органы власти – советы старейшин (аруш) создали «координационные комитеты», которые выдвинули свои требования властям. Тем не менее эти выступления, называвшиеся в алжирской прессе «Движение ааруш» (*Mouvement des Aarouchs*), не вышли за пределы Кабилии, где они продолжались до сентября 2001 г. Поводом для них послужила крайняя жестокость, проявленная нацио-

¹⁴ После долгого разбирательства министерство внутренних дел Алжира в ноябре 2000 г. отказало партии «Вафа» в официальной регистрации (227, 30.11.2000).

¹⁵ В столице Кабилии г. Тизи-Узу в демонстрациях участвовало до 500 тыс. человек (228, 2001, № 2108, с. 12).

нальной жандармерией¹⁶ при разгоне в г. Тизи-Узу манифестации студентов-берберов, требовавших признания властями права берберов на национальную самоидентификацию, а также признание амазигского (берберского) языка в качестве второго государственного.

Здесь необходимо подчеркнуть, что берберское движение всегда существовало в общественно-политической жизни независимого Алжира. Однако в период авторитарной однопартийной государственной системы это движение, определяемое властями как «кабийский сепаратизм», преследовалось и практически находилось на нелегальном положении. В результате демократических преобразований в конце 80-х гг. берберское движение приобрело достаточно широкий размах. Вышла из подполья партия Фронт социалистических сил (ФСС), возглавляемая Хосином Аитом Ахмедом, и была создана партия Объединение за культуру и демократию (ОКД) во главе с лидером Алжирской лиги защиты прав человека Саидом Саади.

Наряду с политическими партиями возникали и националистические организации, такие как «Вооруженное берберское движение» (ВБД) и «Альянс за свободную Кабилию» (АЗСК), выступавшие за признание национальной самобытности берберов, их культуры и языка. Автору этих строк при посещении районов Кабилии самому приходилось сталкиваться со случаями, когда жители этих районов во время переговоров или общения предпочитали французский язык арабскому, называя арабский «языком завоевателей» и в меньшей степени считая таковым французский. Власти, идя навстречу берберским требованиям, в 1989 г. внесли в новую алжирскую конституцию статью, подтверждавшую, что «амазигизм (производное от «амазиг» — название берберского языка) наряду с арабизмом и исламом является одной из основ самоидентификации алжирского народа» (8, с. 3). После начала вооруженного противостояния властей с исламистскими террористами большая часть берберского населения выступила против проповедуемого радикальными исламистами джихада. Тем не менее в рядах вооруженных ис-

¹⁶ Во время разгона манифестации многие студенты были жестоко избиты, а один из задержанных был убит жандармами на территории расположения жандармского подразделения.

ламистских группировок было достаточное число этнических берберов и среди них такие известные исламистские лидеры, как Мухаммед Саид и Абд ар-Раззак Раджем. Последний даже пытался организовать в Кабилии исламистскую группировку – «Вооруженное исламское движение Амазиг» (199, с. 376). Однако эта попытка не удалась, и более того, многие жители Кабилии вступали в отряды милиции самообороны, которая боролась против исламистских боевиков.

Вместе с тем требования признания берберской самоидентификации и особенно использования берберского языка как второго государственного все чаще выдвигались берберскими общественными и политическими деятелями. Эти требования усилились после принятия в июле 1998 г. закона о всеобщем использовании арабского языка, ущемлявшего, по мнению этих политиков, права берберского населения. Происходила радикализация берберского движения. В таких городах Кабилии, как Тизи-Узу и Беджая, активисты ВБД и АЗСК устроили массовые демонстрации под лозунгами «В Алжире не будет мира без берберского языка» и «Арабо-исламизм – прямая дорога в ад» (130, с. 116).

На наш взгляд, данные манифестации и выступления, в том числе, происходившие в мае – сентябре 2001 г., только отчасти выражали стремление берберов к развитию своей национальной культуры. Подлинные же их причины коренились в нерешенности все тех же социально-экономических проблем. В Кабилии к этому добавились еще, как отметила созданная по распоряжению президента независимая комиссия, «проявления социальной несправедливости, произвол властей и их отказ в признании права кабилы на национальную самоидентификацию» (228, 2001, № 2107, с. 32). Абд аль-Азиз Бутефлика подчеркнул серьезность происшедших событий и в своем обращении к нации заявил, что «вопросы о кабийской самоидентификации и языке амазиг будут приняты во внимание в рамках будущего пересмотра конституции» (228, 2001, № 2108, с. 14). Наряду с этим правительство выделило 8 млрд. амер. долл. на программу развития алжирских регионов, в том числе Кабилии (220, 2001, № 146, с. 44). В то же время нельзя не отметить, что события в Кабилии являются тревожным сигналом для алжирского руководства. Этот первый массовый протест после избрания Бутефлика президентом свидетельствовал об

относительном ослаблении поддержки населением его курса и падении кредита доверия к нему лично.

В свою очередь выступления в Кабилии вызвали определенное разочарование в политике Бутефлики и за рубежом. Так, например, во французском журнале «Экспресс» появилась статья под названием «Конец иллюзий в отношении Бутефлики». В ней делался прогноз, в соответствии с которым для выхода из кризиса и подавления протеста президент вынужден будет «опираться на армию и силовые структуры, попадая, таким образом, все в большую зависимость от них» (227, 21.06.2001, с. 29).

Вопрос о степени зависимости главы государства от армейской верхушки затрагивался и в алжирской прессе, где делались намеки на некую «группу генералов» (228, 2000, № 2036, с. 11), имевших решающее влияние на президента. Необходимо признать, что взаимоотношения руководителя страны с военной элитой являлись одним из наиболее важных факторов, определявших до известной степени социально-политическое развитие независимого Алжира. Армия была реальной и основной политической силой в стране, и ее поддержка становилась главным условием нахождения у власти того или иного руководителя, а отсутствие таковой вело к потере этой власти. Довольно часто армейская верхушка выдвигала главу государства из своей собственной среды. Бутефлика стал вторым после Ахмеда Бен Беллы президентом, который не был представителем военной элиты. Тем не менее его избрание на высший государственный пост также произошло в немалой степени благодаря поддержке военных. Она была обусловлена как давними профессиональными и дружескими связями многих высших офицеров с Бутефликой, так и высокой оценкой ими личных качеств президента.

Вместе с тем поддержка армейской элиты предполагала и обратную связь, то есть определенную зависимость президента от военных, хотя Бутефлика всегда пытался подчеркнуть свою независимость в принятии решений. Примером этого явилось назначение в конце 2000 г. на пост министра иностранных дел бывшего председателя Национальной народной ассамблеи Абд аль-Азиза Бель Кадема, который в январе 1992 г. отказался поддержать армейское руководство и выступил против прерывания выборного процесса и запрета

ИФС. До избрания Бутефлики он оставался в оппозиции к власти и выступал с поддержкой «Римской платформы», предполагавшей реабилитацию ИФС. Решение о его назначении на пост главы МИД Бутефлика принял, скорее всего, желая улучшить отношения со странами Персидского залива, в правительственных кругах которых Абд аль-Азиз Белькадем пользовался достаточной известностью и уважением. Возможно также, что это решение было продиктовано стремлением президента продемонстрировать свою независимость в кадровых вопросах, так как некоторые военные высказывались против этого назначения.

Бутефлика произвел также значительные перестановки в самом военном руководстве. Были заменены некоторые командующие военными округами, и на пост генерального секретаря министерства обороны (заместителя министра обороны, каковым является президент) был назначен генерал Ахмед Санхаджи. Этот генерал в середине 90-х гг., являясь членом национальной комиссии по примирению, вел переговоры с ИФС и пытался найти политическое решение для прекращения вооруженного противостояния. Он также был противником использования армии для подавления антиправительственных выступлений в 1988 г. и заявлял, что «если солдаты выходят из казарм не для защиты страны от внешней угрозы, а для каких-то других целей – это свидетельствует о слабости политического руководства» (228, 2000, № 2069, с. 35). Генерал Санхаджи, бывший до последнего времени военным атташе во Франции, считался сторонником профессиональной армии и одним из наиболее влиятельных военных руководителей. Сам Бутефлика также высказывался о необходимости реформирования армии с целью сделать ее профессиональной. Решение этой задачи, по сообщениям алжирской прессы, предполагалось возложить на начальника генерального штаба Мухаммеда Ламари и главу службы безопасности Мухаммеда Медьена. Эти военные наряду с генералом Санхаджи продолжали оставаться одними из наиболее доверенных лиц президента среди командования алжирской армии. Тем не менее при всей важности военной реформы не она сейчас выдвигается на первый план.

На современном этапе развития алжирского общества именно социально-экономические проблемы являются главным вызовом для алжирского руководства. Их решение представ-

ляет собой сложную задачу. С одной стороны, необходимо реформировать экономику с тем, чтобы она стала рентабельной и смогла адекватно интегрироваться в мировое хозяйство. С другой стороны, такие реформы должны иметь достаточную социальную направленность, чтобы сохранить стабильность в обществе, потеря которой может привести к социальному взрыву. При проведении политического курса должно также учитываться

мировоззрение достаточно большой части алжирского общества, ориентированной на традиционные мусульманские культурно-исторические ценности. Выразителем позиции этого слоя населения является исламистское движение, которое на рубеже третьего тысячелетия продолжает играть значительную роль в общественно-политической жизни Алжира. Оно представлено как легальными политическими партиями, так и значительно ослабленными, но тем не менее действующими экстремистскими фундаменталистскими группировками. Динамика влияния исламистской идеологии на алжирское общественное сознание в значительной мере диктуется социально-экономической ситуацией в стране. От того, в какой степени будет решаться сложный комплекс проблем, стоящих перед алжирским обществом, во многом зависит характер его будущей эволюции.

Глава V

АЛЖИР ПОСЛЕ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 2004 г.

Социально-экономическая и политическая обстановка в Алжире накануне президентских выборов 2004 г. оставалась достаточно сложной. Необходимо признать, что алжирское руководство предприняло ряд мер, направленных на решение наиболее острых проблем, стоявших перед алжирским обществом, прежде всего безработицы и низкого уровня жизни значительной части населения. В рамках принятой в октябре 2000 г. Национальной народной ассамблеей (ННА) экономической программы в апреле 2001 г. в свою очередь был разработан «План поддержки экономического подъема», осуществление которого было рассчитано на три года. В нем, как отмечали экономические обозреватели, были использованы некоторые положения теории Джона Кейнса (1883–1946) и неокейнсианцев¹ о том, что для увеличения экономического роста в стране необходимо стимулировать внутренний спрос и занятость населения, в том числе посредством регулирования рыночных механизмов, а также вложения государственных инвестиций. План предполагал реализацию крупных проектов, которые смогли бы привлечь большое количество рабочей силы, в частности в таких отраслях, как гражданское строительство, при создании объектов базовой инфраструктуры и в сельском хозяйстве. Для

¹ Джон Мейнард Кейнс – британский экономист и публицист, основоположник кейнсианства, экономической теории, предполагавшей регулирование капиталистической экономики для обеспечения бесперебойного процесса общественного производства. Дж.М.Кейнс акцентировал внимание на анализе макроэкономических величин – национального дохода, капитальных вложениях, занятости, потребления и сбережения. Основные цели теории Кейнса – поддержание эффективного спроса и достаточно полной занятости. Положения Кейнса развиты в работах представителей неокейнсианства, связывавших достижение эффективного спроса с проведением социальноориентированной политики.

претворения в жизнь плана выделялись крупные финансовые средства – 525 млрд. алж. динаров (7,2 млрд. амер. долл.)². Эта сумма распределялась по пяти приоритетным направлениям развития: 45 млрд. – на поддержку реформирования экономики; 65,3 млрд. – на развитие сельского хозяйства и рыболовства; 114 млрд. – на стимулирование экономики регионов; 210,5 млрд. – на модернизацию базовой инфраструктуры и 90,2 млрд. – на развитие системы образования и подготовки кадров (228, 2003, № 2221, с. 72). По словам Абд аль-Кадера Келиля, алжирского министра экономического развития, из разработанных к сентябрю 2001 г. 14250 проектов к июню 2003 г. 7760 были завершены полностью, 3810 находились в процессе реализации и более 3 тыс. – в начальной стадии развертывания (228, 2003, № 2221, с. 72). В результате этих усилий были улучшены условия жизни 4,3 млн. алжирцев (228, 2003, № 2221, с. 72). Речь шла «о существенном улучшении наиболее важных компонентов условий жизни людей: бесперебойном снабжении питьевой водой, газом, электроэнергией и предоставлении возможности получить образование детям школьного возраста» (228, 2003, № 2221, С. 72).

Другим не менее важным результатом реализации плана стало также создание 500 тыс. новых рабочих мест, из них 49% – постоянных. В рамках программы по решению жилищной проблемы в районе Митиджа (40 км к западу от столицы) в 2003 г. началось строительство нового города Сиди Абдалла. По плану этот мегаполис, который рассчитан на 200 тыс. жителей, должен быть завершен к 2020 г. (244, 2004, № 1648, с. 30). В этом же районе будут построены еще три новых города, проекты которых находятся в стадии разработки. Примечательно, что еще три года назад, в 2001 г. в этих местах активно действовали боевики из ВИГ. К 2004 г. обстановка здесь в значительной мере стабилизировалась, хотя на дорогах на каждом километре расположены посты полиции и жандармерии.

Как подтвердил министр финансов АНДР Абд аль-Латыф Бенашенху, «процент экономического роста в 2003 г. увеличился вдвое по сравнению с 1999 г., соответственно с 3,2% до

² Накопление валютных резервов, в том числе вследствие высоких цен на мировом рынке на нефть и газ, составило на 2003 г. внушительную цифру, которую не знала история независимого Алжира, а именно 31,66 млрд. амер. долл. (228, 2003, № 2239, с. 44).

6,5%» (228, 2003, № 2234, с. 39). Вместе с тем, не умаляя этих бесспорных успехов алжирского руководства, необходимо признать, что социально-экономическая ситуация в стране улучшилась лишь в незначительной степени. Безработица, хотя и сократилась примерно на 1% по сравнению с 2000 г., тем не менее составляет внушительную цифру в 29%, а среди молодых людей до 25 лет количество безработных превышает 50% (228, 2003, № 2221, с. 73). Нехватка жилья составила в 2003 г. 1,3 млн. единиц жилищ (228, 2003, № 2239, с. 46). Во многих городах жилищно-коммунальное хозяйство находится в кризисном состоянии. За последние годы выросла преступность, в том числе среди несовершеннолетних. Так, например, за 2003 г., по данным МВД, в алжирской столице было зафиксировано около 500 убийств (228, 2003, № 2239, с. 46). Причем в некоторых районах Алжира бандитские группировки смыкаются с исламистскими боевиками. Уровень жизни многих алжирцев остается достаточно низким. В отчете комиссии ООН по кооперации и развитию, в частности, подтверждается, что в АНДР за последнее десятилетие (1992–2002 гг.) наблюдается «негативная динамика индексов бедности, в то время как в первые два десятилетия после завоевания независимости АНДР эта динамика была постоянно положительной» (228, 2003, № 2221, с. 73). Однако, как заявил министр экономического развития, трехлетний план «не ставил целью решить все социально-экономические проблемы, накопившиеся за последнее десятилетие», а лишь «определил положительную тенденцию: были сделаны первые шаги для реального улучшения жизни людей» (228, 2003, № 2221, с. 73).

Радикальная исламистская оппозиция, хотя и значительно ослабленная, продолжала совершать террористические акции. Наиболее значительными из них стали убийство боевиками из «Салафитской группы для проповеди и борьбы» (СГПБ) в 2003 г. в районе Шлеф (на юге Алжира) 20 бедуинов, единственная вина которых заключалась в том, что они участвовали в выборах в ННА, и совершенный также террористами из СГПБ в апреле 2004 г. взрыв на железной дороге в районе г. Батна (на востоке Алжира), в результате которого сошел с рельсов товарный поезд (234, 29.04.04).

Вывдвинувший свою кандидатуру на второй президентский срок Абд аль-Азиз Бутефлика признавал, что одной из причин роста преступности и продолжающихся действий радикальной исламистской оппозиции являлся низкий уровень жизни части

алжирцев. В своей предвыборной программе в качестве одного из приоритетных направлений он провозгласил «борьбу с бедностью». Наряду с этим президент в качестве неотложных задач определил проведение дальнейших реформ в области экономики, финансов, системы образования, а также реформирование государственных институтов, в том числе органов юстиции.

Необходимо отметить, что расстановка политических сил накануне президентских выборов складывалась в пользу действовавшего президента. В его поддержку наряду с партиями правительственной коалиции в парламенте («Национально-демократическое объединение», большая часть ФНО, «Движение общества за мир», «Нахда» и др.) выступил также Абд аль-Маджид Сиди Саид, генеральный секретарь крупнейшего профсоюзного объединения Всеобщего союза алжирских трудящихся (BCAT). Руководство армии в лице начальника генерального штаба генерала Ламари заявило, что военные «будут уважать выбор народа, выраженный в результате голосования» (228, 2003, № 2222–2223, с. 56). В то же время генерал Ламари подтвердил, что «любой политический деятель, который попытается использовать полученные им prerogatives президента республики для того, чтобы изменить демократический строй или нарушить конституцию, встретит решительный отпор со стороны армии» (228, 2004, № 2245, с. 35).

Наряду с Абд аль-Азизом Бутефликой в выборной кампании участвовало еще пять претендентов на пост президента. Наиболее сильным соперником Бутефлики являлся один из бывших его ближайших соратников Али Бенфли³. Назначенный президентом Бутефликой в августе 2000 г. премьер-министром и избранный в сентябре 2001 г. генеральным секретарем ФНО

³ Али Бенфли родился в 1944 г. в г. Батна (на востоке Алжира). Его отец и старшие братья активно участвовали в национально-освободительной войне 1954–1962 гг. Получив юридическое образование, Али Бенфли занимался адвокатской практикой. Он известен в Алжире как один из основателей Алжирской лиги защиты прав человека (1987 г.). Али Бенфли с 1988 по 1990 г. являлся министром юстиции и в 1991 г. был снят с этого поста за отказ санкционировать нарушавшие, по его мнению, конституцию репрессивные меры, предпринятые военными против Исламского фронта спасения. В 1999 г. Али Бенфли возглавлял предвыборный штаб Абд аль-Азиза Бутефлики.

(имевшей большинство в парламенте – 199 мест из 388), Али Бенфли, видимо, почувствовал вкус к власти и не скрывал своих политических амбиций. Однако Бутефлика, не желая иметь столь сильного конкурента на президентских выборах, в мае 2003 г. сместил своим указом Али Бенфли с поста премьер-министра и назначил на его место Ахмеда Уяхья, лидера пропрезидентской партии «Национально-демократическое объединение». Затем из правительства были удалены все министры, являвшиеся членами ФНО и сторонниками Али Бенфли. Одновременно в самом ФНО началась руководимая министром иностранных дел и членом руководства ФНО Абд аль-Азизом Белькадемом кампания по поддержке Бутефлики на предстоящих выборах. В результате большая часть парламентской фракции, оставшихся членов правительства и партийного аппарата ФНО заявила о своей поддержке кандидатуры действующего президента. Таким образом, Али Бенфли, номинально оставаясь генеральным секретарем ФНО, фактически лишился возможности использовать мощную партийную структуру и средства массовой информации ФНО для проведения своей предвыборной кампании.

Третьим кандидатом на пост президента стал Абдалла Джабалла, руководитель исламистской партии «Движение за национальную реформу» (Харакат аль-ислах аль-ватаний). Абдалла Джабалла являлся наиболее влиятельным лидером легальной исламистской оппозиции⁴. Его партия по количеству

⁴ Абдалла Джабалла родился в 1956 г. в г. Скикда (на востоке Алжира). Он юрист по образованию. Абдалла Джабалла по своим взглядам является представителем умеренного крыла исламистского движения, в котором он активно участвует с 1974 г. В 1988 г. он создал ассоциацию «Нахда» (Возрождение), которая в 1989 г. была преобразована в политическую партию, наиболее близкую по своим программным целям к Исламскому фронту спасения (ИФС). В 1992 г. после прерывания военными выборного процесса и запрета ИФС Абдалла Джабалла возглавил «Комитет защиты выбора народа», требовавший «восстановления демократических норм и отмены запрета ИФС». В 1998 г. парламентская фракция партии «Нахда», возглавляемая Лахbibом Адами, на внеочередном партийном съезде добилась смещения Абдаллы Джабаллы с поста руководителя партии. Тем не менее, опираясь на поддержку большинства первичных партийных организаций и части партийного руководства

поданных за нее голосов в результате парламентских и муниципальных выборов 2002 г. стала третьей политической силой в Алжире после ФНО и НДО. В предвыборной программе Абдаллы Джабаллы не значился пункт о создании «исламской республики» (в соответствии с конституцией АНДР политическая партия не может быть создана на религиозной основе). В то же время в качестве главных целей партии фигурировали сохранение и защита исламских традиций и морально-этических норм наряду с призывами к проведению социально-ориентированной политики, борьбы с коррупцией и преступностью.

Четвертым кандидатом на пост президента являлся Саид Саади⁵, глава партии «Объединение за культуру и демократию» (ОКД). Саид Саади и его партия после избрания Бутефлики президентом поддерживали его политический курс. Однако после начала антиправительственных выступлений берберского населения в Кабилии в 2001 г. и последовавших за этим репрессивных действий властей ОКД вышло из состава правительства и правительственной коалиции в парламенте и выступило в качестве оппозиционной силы правящему режиму.

Пятым кандидатом на пост президента стала руководитель Партии трудящихся (ПТ) Луиза Ханун⁶. ПТ критиковала прави-

«Нахды», Абдалла Джабалла сумел создать новую партию – «Движение за национальную реформу» (ДНР), которой он руководит до настоящего времени. В качестве лидера ДНР Абдалла Джабалла баллотировался на пост президента в 1999 г. и занял, по неофициальным подсчетам, третье место после Абд аль-Азиза Бутефлики и Ахмеда Талеба Ибрагими.

⁵ Саид Саади родился в 1947 г. в г. Агрибс в районе Кабилия (на востоке Алжира) в бедной крестьянской семье. Получил медицинское образование (психиатр). С 70-х гг. активно участвовал в антиправительственном берберском движении, был членом запрещенной властями партии Фронт социалистических сил, руководимой известным политическим и общественным деятелем Хосином Аитом Ахмедом. В 1989 г. Саид Саади создал свою политическую партию «Объединение за культуру и демократию», выступавшую за предоставление больших прав берберам и признание берберского языка (амазиг) вторым государственным.

⁶ Луиза Ханун родилась в 1954 г. в г. Шефка в Кабилии. В конце 70-х гг. она становится активисткой движения за предоставление равноправия алжирским женщинам. В 1981 г. Луиза Ханун вступила в нелегальную

тельствственный план приватизации, называя его «распродажей народного достояния», и выступала за «реальный демократизм и диалог со всеми политическими силами» (228, 1999, № 2021). В результате последних парламентских и муниципальных выборов 2002 г. ПТ существенно усилила свое влияние в обществе и позиции в алжирском парламенте. Партия завоевала 21 депутатское место, что позволило ей создать парламентскую группу и активно работать в парламентских комиссиях. Необходимо подчеркнуть, что выдвижение Луизы Ханун в качестве кандидата на должность президента явилось, пожалуй, единственным примером в арабском мире (и достаточно редким во всем мусульманском мире), когда женщина претендовала на пост главы государства. Сам факт, что Луизе Ханун удалось пройти все достаточно сложные формальности⁷, чтобы иметь право баллотироваться в президенты, подтверждает значительное развитие демократических принципов в алжирском обществе.

«Социалистическую организацию трудящихся», проповедовавшую социализм троцкистского толка. За свою нелегальную политическую деятельность Луиза Ханун была арестована и с 1983 по 1984 г. отбывала срок заключения в тюрьме. После освобождения она вновь включилась в политическую борьбу. Благодаря своим организаторским способностям и таланту оратора Луиза Ханун вскоре стала лидером «Социалистической организации трудящихся», которая в 1990 г. была трансформирована в политическую партию – Партию трудящихся. Луиза Ханун выступила против силового прерывания выборного процесса военными в 1992 г. и ратовала за диалог со всеми политическими силами, включая Исламский фронт спасения. В 1995 г. она была одним из участников подписания «Римской платформы», предполагавшей политическое решение алжирского кризиса. В 1997 г. она была избрана депутатом алжирского парламента и выступила с критикой правящего режима с социалистических позиций.

⁷ Для того, чтобы зарегистрироваться в качестве кандидата в президенты претендент должен собрать не менее 75 тыс. подписей алжирских граждан, представлявших не менее чем 25 вилай (из общего числа 48). Причем из каждой вилайи необходимо иметь не менее 1,5 тыс. подписей (228, 2004, № 2250, с. 36).

Шестым претендентом на президентский пост был Али Фавзи Ребайан⁸, лидер партии «Ахд 54» (Завет 54)⁹ и известный в Алжире борец за соблюдение прав человека. Тем не менее как политический деятель он, так же как его партия, не пользовался значительным влиянием в обществе.

На президентских выборах, состоявшихся 8 апреля 2004 г., убедительную победу одержал Абд аль-Азиз Бутефлика. За него проголосовало подавляющее большинство избирателей – 84,9% (241, 11–12.04.2004, с. 4). На втором месте был Али Бенфли, за которого было подано 7,9% голосов. Третьим, как и на прошлых президентских выборах 1999 г., оказался Абдалла Джабалла, за которого проголосовали 4,8% избирателей. На четвертом месте был Саид Саади, получивший 1,9%, на пятом – Луиза Ханун с 1,1% голосов, на шестом месте оказался Али Фавзи Ребайан, собравший 0,64% голосов избирателей (241, 11–12.04.2004, с. 4).

Сразу после официального объявления результатов выборов Али Бенфли заявил, что он «никогда не признает этих результатов, основанных на массовой фальсификации» (234, 9.04.2004, с. 1). К Али Бенфли присоединились Саид Саади и Абдалла Джабалла, обвинив в совместном заявлении власти в «беспрецедентной фальсификации и подтасовке результатов голосования на всех уровнях» (241, 11–12.04.2004, с. 4). Однако никто из авторов заявления не призывал своих сторонников к каким-либо акциям протеста. В то же время алжирские официальные инстанции (конституционный суд и министерство внутренних дел), так же как и 200 международных наблюдателей, представлявших Организацию африканского единства (ОАЕ), Лигу арабских государств (ЛАГ), Европейский парламент и Организацию по безопасности и сотрудничеству в

⁸ Али Фавзи Ребайан родился в 1955 г. в г.Алжире. Его мать – Феттума Узеган была активной участницей национально-освободительной войны 1954–1962 г. и значительной фигурой в руководстве ФНО этого периода. Али Фавзи Ребайан в 80-е гг. выступал против политики правящего режима, за что был приговорен к 13 годам тюрьмы. Он был освобожден в соответствии с указом президента Шадли Бенджедиды о помиловании политических заключенных в 1987 г. С этого времени Али Фавзи Ребайан возглавляет Национальный комитет по расследованию случаев применения пыток к заключенным. В 1991 г. Ребайан создал свою партию «Ахд 54».

⁹ Имеется в виду завет алжирской революции 1954 г.

Европе (ОБСЕ), не зафиксировали каких-либо серьезных нарушений в ходе выборов. В частности, председатель комиссии по иностранным делам бельгийского парламента Анна Мария Лизин, возглавлявшая одну из групп наблюдателей от ОБСЕ, заявила, что «система проведения выборов в Алжире соответствует европейским стандартам. Обвинения в массовой фальсификации не могут быть признаны обоснованными, так как нигде не было зафиксировано серьезных нарушений в ходе голосования, и те, кто настаивает на имевших место подтасовках, не предоставили никаких конкретных доказательств на этот счет» (242, 14.04.2004, с. 1).

На следующий день после победы Бутефлики президент Франции Жак Ширак направил ему «свои самые искренние и теплые поздравления в связи с избранием президентом АНДР» (241, 11–12.04.2004, с. 4). Жак Ширак заявил также, что «результаты выборов подтвердили волю алжирского народа следовать по пути демократического плюрализма и экономического и социального обновления» (241, 11–12.04.2004, с. 4). В свою очередь, от имени президента США пресс-секретарь Белого дома Скотт Макклеллан поздравил с победой на выборах как Абд аль-Азиза Бутефлику, так и «весь алжирский народ, проявивший стремление построить демократическую политическую систему» (241, 11–12.04.2004, с. 4).

Результаты президентских выборов показали, что значительная часть алжирского общества поддерживает политический курс Абд аль-Азиза Бутефлики и видит в нем общенационального лидера – заима. Использование сторонниками действовавшего президента, по утверждениям его оппонентов, «административного ресурса», больших по сравнению с другими кандидатами возможностей для предвыборной пропаганды в СМИ, а также отдельные случаи фальсификации итогов голосования в пользу Бутефлики (если они действительно имели место, что не подтверждено документально) не могли существенным образом изменить результатов голосования, то есть убедительной победы Абд аль-Азиза Бутефлики. Причины его поддержки многими алжирцами достаточно очевидны. Во-первых, именно Бутефлика сумел прекратить острую фазу вооруженного противостояния с радикальными исламистами и в значительной степени восстановить гражданское согласие в обществе.

Во-вторых, за пять лет его президентства появились первые реальные признаки, хотя и незначительного, но все же улучше-

ния социально-экономической ситуации (несколько уменьшилась безработица и увеличился объем строительства муниципального жилья, в результате чего тысячи алжирских семей получили благоустроенные квартиры). В-третьих, под руководством Бутефлики Алжир восстанавливает свое влияние и престиж как в арабском мире, так и на международной арене в целом. Подтверждением этого служит, в том числе, поздравление по случаю избрания Бутефлики, которое выразил президент Франции Жак Ширак. Поздравление было направлено как в виде личного послания, так и передано в телефонном разговоре 9 апреля, на следующий день после выборов в разгар обвинений со стороны оппонентов Бутефлики в фальсификации итогов голосования, звучавших со страниц оппозиционной алжирской прессы. Такая поспешность Жака Ширака даже стоила ему упреков во французской прессе (241, 11–12.04.2004, с. 4). Тем не менее уже 15 апреля 2004 г., то есть через неделю после избрания Бутефлики французский президент посетил с кратким рабочим визитом Алжир и на своей пресс-конференции подтвердил, что «ось Париж – Алжир является для политики Франции в Средиземноморье и в арабском мире такой же стратегически важной, как ось Париж – Берлин в Европе» (244, 2004, № 1648, с. 30). Такое явное желание Франции подчеркнуть особые отношения с Алжиром как своим главным стратегическим союзником в северо-африканском регионе диктуется стремлением Парижа не допустить усиления в Магрибе американского влияния, которое имеет определенную тенденцию к расширению. В этой связи отношения с Алжиром (наиболее значимым государством Магриба как по размерам территории, запасам нефти и газа, так и по политическому влиянию) представляют особую важность как для Франции, так и для США.

В то же время президентская кампания показала, что в настоящее время в алжирском истеблишменте нет харизматических фигур, которые могли бы на равных соперничать с Бутефликой и претендовать на роль общенационального лидера. Два его главных соперника на президентский пост – Али Бенфли и Абдалла Джабалла (получившие соответственно 7,9% и 4,8% голосов) не сумели даже приблизиться к результату Бутефлики (84,9%). Такая ситуация объясняется прежде всего тем, что как первый, так и второй претенденты не смогли предложить какой-либо четкой программы, выгодно отличавшей их от президентской и способной объединить различные

слои общества. Что касается Али Бенфли (бербера по национальности), то его переход из соратников президента в его соперники на президентский пост воспринимался многими в Алжире как проявление личных властных амбиций, не сулящих алжирцам, несмотря на заявления Али Бенфли о его стремлении к «подлинной демократизации общества», какого-либо реального улучшения их жизни. В то же время умеренный исламизм Абдаллы Джабаллы, который провозглашал сохранение традиций и духовных ценностей исламской цивилизации и ратовал за «исламскую социальную справедливость» и улучшение общественной морали, хотя и позволил ему завоевать третье место в президентской кампании, но безусловно не смог повторить феномен Исламского фронта спасения (ИФС) на выборах 1991 г. Такой крупномасштабный успех исламистов на выборах уже вряд ли возможен по причине изменения общественно-политической ситуации как в Алжире, так и в мире в целом. В начале 90-х гг. в условиях системного кризиса в Алжире и отказа его правящей верхушки от социалистической доктрины исламисты обещали быстрое решение социально-экономических проблем путем создания «исламского государства» и реализации принципов «исламской социальной справедливости». Миллионы алжирцев, являясь свидетелями банкротства доктрины «социалистической ориентации», голосовали тогда за «исламский проект». В 2004 г. после почти 10-летнего трагического периода вооруженного противостояния и исламистского террора большинство алжирцев предпочитало голосовать за политического лидера, в деятельности которого они видели конкретные позитивные результаты. В то же время Абдалла Джабалла, обладавший значительным влиянием в исламистских кругах, тем не менее не сумел стать единым кандидатом, представлявшим все политические силы легальной исламистской оппозиции. Этому помешали отсутствие единства и соперничество между исламистскими лидерами. Накануне выборов часть умеренных исламистов, входивших в правительственную коалицию (партии «Движение общества за мир» и «Нахда»), заявили о поддержке кандидатуры Бутефлики. Ахмед Талерб Ибрагими, пытавшийся выдвинуть свою кандидатуру на пост президента в качестве независимого канди-

дата¹⁰, не сумел пройти все необходимые формальности и не получил права баллотироваться в президенты. Тем не менее ни Ахмед Талеб Ибрагими, ни поддерживавшее его руководство ИФС (политическая деятельность которого запрещена с 1992 г.) не пошли на союз с Абдаллой Джабаллой. Такая позиция лидеров ИФС объяснялась наряду с их личными амбициями еще и тем, что они не простили Абдалле Джабалле его отказ поддержать действия ИФС в 1990–1991 гг., что, по их мнению, стало одной из причин поражения ИФС. Накануне президентских выборов в 2004 г. руководство ИФС опубликовало коммюнике, в котором заявляло, что, не имея своего кандидата, оно тем не менее не призывает к бойкоту выборов и предоставляет своим сторонникам право самим выбирать – участвовать или не участвовать в голосовании (244, 2004, № 1648, с. 31). Тем самым руководство ИФС, так же как Ахмед Талеб Ибрагими, отказалось от поддержки кандидатуры Абдаллы Джабаллы.

Важным моментом в президентской кампании 2004 г. было то, что впервые в истории независимого Алжира военные непосредственно не влияли на выбор высшего руководителя страны. Общественно-политическая ситуация в 2004 г. выгодно отличалась от таковой накануне предшествовавших президентских выборов в 1999 г. Тогда в ходе известной «войны генералов» президент Ламин Зеруаль (генерал алжирской армии) под давлением оппозиционной ему верхушки армии вынужден был досрочно прекратить свои властные полномочия и назначить новые президентские выборы. Их результатом стало избрание президентом Абд аль-Азиза Бутефлики, которого поддержало большинство армейского командования и службы безопасности. Накануне президентских выборов 2004 г. некоторые политологи отмечали наличие в алжирской армейской элите высокопоставленных военных, которые, возможно, не желали переизбрания Бутефлики. В их числе якобы был и генерал Мухаммед Ламари, начальник генерального штаба ал-

¹⁰ Ахмед Талеб Ибрагими является руководителем созданной им в 1999 г. исламистской партии «Вафа» (Верность), которую власти до сих пор отказываются официально зарегистрировать по причине того, что в ее руководстве состоят бывшие члены ИФС, принимавшие участие в вооруженном противостоянии с властями и затем получившие амнистию.

жирской армии. Тем не менее сам генерал Ламари заявил об уважении армией выбора народа и ее невмешательстве в политический процесс.

Такая позиция военных продиктована рядом факторов. Во-первых, армейская верхушка, видимо, не хочет больше брать на себя ответственность за политический выбор и за его последствия, в том числе и негативные, как это было после прерывания армией выборов в 1992 г. (тогда военных считали виновными в несоблюдении конституции, массовых нарушениях прав человека, пытках и исчезновениях арестованных, а также в ухудшении экономической ситуации). Во-вторых, начавшаяся интеграция Алжира в Европейский союз (в качестве ассоциированного члена) затрагивает и алжирскую армию. С 2000 г. Алжир стал участником проекта «Средиземноморский диалог НАТО» (222, 11.05.2004). В его рамках генерал Ламари принимал участие в семинаре НАТО по борьбе с терроризмом, проходившем в Штуттгарте (Германия) в 2003 г., а помощник генерального секретаря НАТО Алессандро Минуториззо в 2004 г. посетил Алжир, где вел переговоры о расширении сотрудничества алжирской армии с Североатлантическим альянсом. Участие в проектах НАТО требует от алжирских военных соблюдения демократических «правил игры», принятых в европейских странах, то есть невмешательства (по крайней мере явного) армии в политические процессы. В то же время роль военных (как действующих, так и находящихся в отставке) в общественно-политической жизни Алжира, так же как в экономике и бизнесе, продолжает оставаться значительной. Однако отсутствие явного влияния военной элиты на президентскую кампанию 2004 г. и заявление руководства армии о соблюдении им демократических принципов позволили некоторым французским политологам сделать вывод о том, что, «возможно, глава алжирской истории, когда тотально главенствовала армия, завершилась» (244, 2004, № 1648, с. 31). На наш взгляд, такой вывод делать еще рано. Во-первых, большинство армейской верхушки продолжает поддерживать политический курс Бутефлики, который отвечает ее интересам, как корпоративным, так и экономическим, и армии просто нет необходимости активно вмешиваться в политическую жизнь. Во-вторых, военные в современной внутренней и внешнеполитической обстановке предпочитают влиять на процессы в стране как бы «из-за кулис» политической сцены.

После официального вступления в должность Абд аль-Азиз Бутефлика в своем послании к нации напомнил о достигнутых за прошедшие пять лет результатах и сделал акцент на успешном начале восстановления гражданского согласия в алжирском обществе, урегулировании кризиса в Кабилии (начавшегося в 2001 г.) и улучшении социально-экономической ситуации в стране (242, 21.04.2004). В мае 2004 г. Бутефлика представил правительству проект президентской программы, одной из стратегических целей которой провозглашалось «полное восстановление доверия между властью и обществом и создание сильного и справедливого правового государства, стоящего на страже интересов гражданина и общества в целом» (242, 14.05.2004). Проект программы продолжал развивать проводимый с 1999 г. президентский курс. Главными его направлениями оставались завершение процесса реформирования государственного аппарата, законодательства и национальной экономики с целью их адаптации к рыночной модели, что должно было способствовать «дальнейшему экономическому росту, полному восстановлению гражданского согласия и стабильности в стране, а также успешной интеграции Алжира в процесс глобализации» (242, 14.05.2004). На основе президентского проекта правительство, возглавляемое Ахмедом Уяхья (вновь утвержденным Бутефликой в качестве премьер-министра), разработало детальную и широкомасштабную программу развития и модернизации в экономической, социальной и политической сферах жизни алжирского общества.

В частности, предполагалось с целью подготовки Алжира к вхождению в качестве ассоциированного члена в ЕС и последующего вступления в Международную торговую организацию (МТО) предпринять все необходимые меры для увеличения экономического роста, в том числе усилить законодательно-правовую и административно-процессуальную поддержку инвестициям в экономику. Намечалось также модернизировать финансовую систему и усилить эффективность роли государства в экономическом развитии (242, 14.05.2004). В рамках этих направлений планировалось выработать стратегические приоритеты развития национальной экономики на среднесрочную и длительную перспективы. Было решено также создать интегрированную программу постоянного анализа социально-демографической ситуации в стране с целью выявления возможностей рынка труда и уровня доходов населения с тем, чтобы государство могло по-

зитивно влиять на развитие экономики (242, 14.05.2004). В то же время подтверждалось, что «участие иностранного капитала является необходимым компонентом развития национальной экономики» (242, 14.05.2004). Программа включала в себя «пересмотр законодательства по торговым операциям и урегулирование вопросов, связанных с землепользованием, в том числе уточнение законодательного оформления различных видов земельной собственности и недвижимости, а также системы концессий и аренды» (242, 14.05.2004).

В соответствии с программой планировалось реформировать как законодательную базу, так и структуру государственных органов, в том числе юстиции, прокуратуры и таможни с тем, чтобы «адаптировать их как к современным требованиям национального развития, так и к международным стандартам» (242, 14.05.2004). Такое реформирование должно было повысить эффективность борьбы с терроризмом, организованной преступностью и коррупцией. Вместе с тем совершенствование юридических норм, в частности, регулирующих процесс возвращения к гражданской жизни амнистированных лиц, состоявших ранее в вооруженных исламистских группировках, должно было способствовать полному восстановлению гражданского согласия (242, 14.05.2004).

Программа предполагала также завершить в ближайшее время новую редакцию в соответствии с внесенными поправками гражданского, уголовного и семейного кодексов. Наряду с этим планировалось существенным образом повысить роль местных органов власти, в связи с чем вносились изменения в законодательные акты о вилайях и балядийях, принятые в 1971 г. С целью совершенствования процесса демократизации общественно-политической жизни вносились изменения в законы о политических партиях и средствах массовой информации. Правительство намеревалось также ускорить претворение в жизнь «Национального плана по соблюдению прав человека», принятого парламентом в 2003 г. Наряду с реформированием системы образования, включавшим в себя введение изучения иностранных языков в младших классах, в программе провозглашалась роль арабского языка «в качестве главного вектора в культурно-образовательной политике государства» (242, 14.05.2004). В то же время подтверждалось значение берберской культуры, в том числе берберского языка (амазиг),

как «неотъемлемой части алжирской национальной самоидентификации» (242, 14.05.2004).

Реализация президентской программы, одобренной подавляющим большинством депутатов парламента, рассчитана на ближайшие пять лет – до 2009 г. (срок окончания президентского мандата Бутефлики). Она является важным шагом в дальнейшем социально-политическом и экономическом развитии Алжира. Принятие в конце 80-х гг. новой конституции, в которой был закреплён отказ от всевластия одной правящей партии и провозглашён политический плюрализм, представляло собой начало этапа перехода алжирского общества от социалистической ориентации к построению демократической государственно-политической системы. Однако многие законодательные акты, регламентировавшие важные области жизнедеятельности государства, оставались прежними. Такая ситуация затрудняла переход алжирской экономики к рыночной модели и снижала ее эффективность. Президентская программа и, в частности, масштабное реформирование законодательной базы, затрагивающее практически все аспекты жизни общества, как бы подводит итог прошлому периоду социалистической ориентации и закрепляет переход Алжира на новый этап развития.

Важным моментом президентской программы явилось продолжение начатого в 2002 г. трехстороннего диалога между правительством, профсоюзами и предпринимателями, направленного на достижение консенсуса в обществе. Проходящие в рамках этого диалога постоянные переговоры между представителями трех сторон, в частности по вопросам приватизации, должны способствовать разрешению возникающих проблем (связанных с закрытием предприятий-банкротов, сокращением рабочих мест, сохранением приемлемого уровня заработной платы и т.д.) и предотвращению роста социальной напряженности. В этой связи необходимо отметить, что именно значительное снижение уровня жизни большого числа алжирцев и вызванный им социальный протест стали главными катализаторами мощного подъема исламского фундаментализма в начале 90-х гг., поставившего страну на грань гражданской войны. При разработке программы был учтен этот негативный опыт и уделялось большое внимание политике по отношению к той части алжирского общества, которая считает необходимым сохранение мусульманских традиций и ценностных ориентиров. В программе провозглашалось, что «алжирский народ,

внесший огромный вклад в развитие и распространение ислама, и впредь будет прилагать все усилия для сохранения и дальнейшего процветания великой арабо-мусульманской цивилизации» (242, 14.05.2004.). Наряду с этим планировалось дальнейшее развитие системы мусульманского образования. С этой целью, а также для того, чтобы повысить роль мечетей в достижении гражданского согласия и распространении «истинных заповедей ислама, являющегося государственной религией и подлинным источником прогресса, гуманизма и братства всех людей» (242, 14.05. 2004), намечалось реформировать и усовершенствовать подготовку имамов». Также в соответствии с программой средства фондов вукуфов и закята должны были самым эффективным образом использоваться для реализации социальных программ (242, 14.05.2004). В то же время предполагалось сделать более значимой в обществе роль традиционных завий, которые должны были внести «свой вклад в процесс полного восстановления гражданского согласия» (242, 14.05.2004).

Таким образом, руководство Бутефлики продолжает политику, направленную на усиление контроля государства над религиозной жизнью, в частности над деятельностью мечетей. Первые меры в этом направлении были предприняты в начале 90-х гг. после запрета ИФС, когда государство взяло под свой контроль большую часть мечетей, при которых ранее действовали «районные комитеты» ИФС. Конечной целью этих усилий алжирского руководства является не допустить превращения мечетей в инструмент пропаганды радикального фундаментализма (как это произошло в Алжире в конце 80-х гг.) и продолжить интеграцию исламистского движения в рамки действующей политической системы. Необходимо отметить, что аналогичная политика, проводившаяся в Египте после подъема исламистского террора в середине 90-х гг., принесла положительные результаты и способствовала ослаблению радикального исламизма и стабилизации политической ситуации.

Продолжением курса, направленного на встраивание ислама в государственную политику, явилось проведение в Алжире в мае 2004 г. двух международных коллоквиумов. Первый был посвящен теме: «Ислам и мусульмане сегодня», и его инициатором выступил университет г. Батны. На коллоквиум прибыли более тридцати исследователей истории ислама из мусульманских стран, а также из Франции и Германии. Второй,

собранный более сорока участников, был организован председателем Высшего исламского совета Алжира шейхом Буамраном и прошел под патронажем президента Бутефлики. Этот форум получил название: «Глобализация и ее влияние на мусульманскую культуру». В его работе приняли участие известные улама мусульманского мира и видные исламоведы из арабских и европейских стран, в их числе испанский профессор Нестор Мартинез, ведущий исламовед университета г. Бордо профессор Пьер Бидар, алжирский социолог Абд аль-Кадер Джеблук. Открывая работу коллоквиума, Бутефлика заявил, что «алжирское общество, сохраняя свои исторические корни и традиции, в то же время должно определить приоритеты своего национального развития таким образом, чтобы успешно отвечать на вызовы глобализации и обрести свое достойное место в этом мировом процессе» (242, 11.05.2004).

Проведение международных форумов в Алжире явилось также частью внешней политики президента Бутефлики, направленной на дальнейшее повышение роли Алжира в мировой и региональной политике. В рамках расширения двусторонних связей, а также укрепления отношений с ЕС Алжир в 2003 г. заключил договор с Испанией об экономическом сотрудничестве. В целях усиления алжиро-испанской кооперации в мае 2004 г. Алжир посетил министр иностранных дел Испании, на переговорах с которым обсуждались вопросы, связанные с решением проблемы Западной Сахары, осложняющей до сих пор отношения Алжира с Марокко (242, 3.05.2004). Серьезное внимание алжирское руководство уделяет укреплению взаимовыгодного сотрудничества с Канадой, подтверждением чего стали официальные визиты Бутефлики в Канаду в 2003 г. и министра иностранных дел Канады в Алжир в мае 2004 г. Как заявил Бутефлика, «расширение связей с Канадой тем более важно, так как там проживает значительная алжирская диаспора, которая может внести свой вклад в развитие алжирской экономики» (242, 23.05.2004). Одним из приоритетных направлений внешней политики Бутефлики является развитие отношений с США как в экономической, военной, так и в политической областях. Военно-политическое сотрудничество между США и Алжиром получило новый импульс после поддержки Алжиром объявленной США «войны с международным терроризмом». В рамках такого сотрудничества алжирская армия в 2004 г. должна получить от США для борьбы с «остаточным терроризмом» в Алжире совре-

менное вооружение, в том числе вертолеты и приборы ночного видения. Во время официального визита в Алжир (второго за последний год) в мае 2004 г. помощник государственного секретаря США Вильям Бернс заявил, что он «высоко оценивает впечатляющую программу реформ, предложенную президентом Бутефликой и направленную на дальнейшее продвижение Алжира по пути экономической открытости и построения демократии» (242, 14.05.2004.). Наряду с этим В.Бернс высказался за «расширение американского экономического присутствия в Северной Африке» (242, 14.05.2004).

Ярким подтверждением стремления Бутефлики к более тесному сотрудничеству с США стало его выступление в Си Айленде (США) в июне 2004 г. на саммите руководителей стран Большой восьмерки (Бутефлика был приглашен на саммит наряду с руководителями Нигерии, ЮАР, Сенегала, Ганы и Уганды). В своей речи он призвал индустриально развитые страны усилить помощь африканским государствам в разрешении таких острых проблем, как борьба с бедностью, отсутствие продовольственной безопасности и распространение СПИДа. Бутефлика высказался также за создание в рамках Африканского союза (бывшая ОАЕ) межафриканских вооруженных сил быстрого реагирования в связи с непрекращающейся, по его мнению, «угрозой со стороны международного терроризма» (222, 11.06.2004). Алжирский президент призвал США и другие развитые страны активнее вкладывать свои инвестиции в алжирскую экономику. Бутефлика подтвердил, что «в Алжире восстановлена политическая стабильность, создана законодательная база и вся необходимая инфраструктура для привлечения и выгодного использования иностранного капитала» (222, 11.06.2004). В то же время, высказывая свое мнение перед алжирскими журналистами по поводу «демократизации арабского мира» в соответствии с предложенным на саммите американским проектом «Большой Ближний Восток», Бутефлика заявил, что «план стандартных реформ в отношении всего арабского мира не является обоснованным, так как каждая арабская страна имеет свои специфические особенности» (242, 11.06.2004).

Алжир восстанавливает свое лидирующее положение на уровне региональной политики. В рамках подготовки к 16-й сессии Лиги арабских государств (ЛАГ) в Алжире 8 мая 2004 г. прошло совещание министров иностранных дел арабских государств – членов ЛАГ, в котором участвовал председатель ЛАГ

Амр Мусса. На самой сессии ЛАГ, состоявшейся в Тунисе с 21 по 23 мая 2004 г., президент Бутефлика подтвердил солидарность Алжира со «справедливой борьбой палестинского народа за создание своего суверенного государства со столицей в Иерусалиме в соответствии с планом «Дорожная карта»» (242, 22.05.2004). Бутефлика высказался «в поддержку Сирии, испытывающей давление со стороны внешних сил» (242, 22.05.2004), а также заявил о «необходимости скорейшего прекращения военной оккупации Ирака и восстановления его суверенитета» (242, 22.05.2004). Одним из итогов работы сессии ЛАГ стало создание рабочей группы в составе Бахрейна, Туниса и Алжира, в задачу которой входит «изучение и анализ ситуации в Ираке с целью выработки предложений по скорейшему восстановлению мира и передачи всей полноты власти иракскому народу» (242, 22.05.2004).

Активность внешней политики Бутефлики оценивается в ряде алжирских СМИ как «возвращение «золотого века» алжирской дипломатии периода 70-х гг.» (242, 23.05.2004). Тогда Алжир являлся одним из лидеров движения неприсоединения и инициатором борьбы за новый, более справедливый, с точки зрения его сторонников, мировой экономический порядок. В то же время на нынешнюю позицию Бутефлики как в отношении палестинской проблемы, так и ситуации в Ираке сильное влияние оказывает его стремление расширять сотрудничество с США. Поэтому выступления алжирских руководителей по этим вопросам достаточно сдержанны и почти не содержат прямого осуждения политики США в Ираке и их поддержки Израиля. Более того, алжирские власти запретили проведение в Алжире каких-либо демонстраций протеста против действий американских войск в Ираке. Это отличает официальную алжирскую политику от антиамериканских настроений, распространившихся после начала войны в Ираке среди части алжирцев.

Тем не менее со значительной долей уверенности можно констатировать, что большинство политического истеблишмента поддержало курс президента Бутефлики. Это касается прежде всего партий, представленных в алжирском парламенте – Национальной народной ассамблеи (ННА). Наиболее влиятельными парламентскими фракциями, входящими в правительственную коалицию, являются представители партий ФНО, которым руководит министр иностранных дел Абд аль-Азиз Белькадем, и «Национально-демократическое объединение»

(НДО), которое возглавляет премьер-министр Ахмед Уяхья. Эти две партии обладают подавляющим большинством депутатских мест в ННА – соответственно 199 и 48 из общего числа депутатов 388 (228, 2002, № 2160, с. 16). В оппозиции правительственному курсу находится парламентская фракция возглавляемой Луизой Ханун Партии трудящихся (ПТ), проповедующей социалистическую доктрину троцкистского варианта. ПТ значительно укрепила свои позиции на последних парламентских выборах в 2002 г. и сейчас представлена в ННА 21 депутатом (на предыдущих парламентских выборах в 1997 г. ПТ получила всего 4 депутатских места). Значительной оппозиционной силой продолжают оставаться партии, представляющие в основном интересы берберского населения – Фронт социалистических сил (ФСС) и Объединение за культуру и демократию (ОКД) во главе с Саидом Саади¹¹. После начала антиправительственных выступлений берберского населения в 2001 г. социально-политическая обстановка в Кабилии (область проживания берберов) оставалась достаточно сложной. Несмотря на удовлетворение руководством Бутефлики многих требований берберского движения «Ааруш» и достижения с ним соглашения о прекращении манифестаций, наиболее радикальные его представители продолжали призывать к акциям протеста. Последние из них имели место в мае 2004 г. в г. Ат-Ткут (в горной части Кабилии на востоке Алжира, где проживает одна из берберских народностей – шауи).

Что касается трех политических партий исламистского толка, представленных в ННА, то две из них – «Движение общества за мир» (ДОМ), руководимая Бугеррой Солтани¹², и «Нахда», во главе которой стоит Ляхбиб Адами¹³, продолжают

¹¹ ФСС и ОКД бойкотировали парламентские выборы в 2002 г. в знак протеста против репрессивных мер властей против участников антиправительственных выступлений части берберского населения, начавшихся в 2001 г. в Кабилии. Таким образом, ФСС и ОКД не представлены в алжирском парламенте.

¹² Бугерра Солтани заменил на посту руководителя ДОМ скончавшегося 19 июня 2003 г. шейха Махфуза Нахнаха, основателя партии ДОМ и видного исламистского деятеля Алжира.

¹³ Ляхбиб Адами стал руководителем партии «Нахда» после раскола в ее рядах, произошедшего в 1998 г. На съезде партии Ляхбиб Адами и

входить в правительственную коалицию и поддерживать президентский курс. Третья партия «Движение за национальную реформу» (ДНР), возглавляемая Абдаллой Джабаллой, состоит в оппозиции правительственному курсу. ДНР является наиболее многочисленной и влиятельной исламистской партией и третьей после ФНО и НДО политической силой в стране. ДНР имеет 40 депутатских мест в парламенте и большинство депутатов в более чем ста балядийях (областных выборных органах власти) из общего их числа в 1539.

Особое место в современном Алжире занимают исламистские организации, официально не обладающие статусом политической партии, но тем не менее играющие довольно значительную роль в общественно-политической жизни страны. Это прежде всего такие организации, как «Вафа» (Верность) и бывший ИФС. «Вафа», не будучи официально зарегистрированной как политическая партия, тем не менее активно участвовала в муниципальных и парламентских выборах 2002 г., выставя своих членов в качестве независимых кандидатов. В роли таковых выступали также многие бывшие активисты ИФС (не лишённые гражданских прав), вступившие в члены «Вафы».

В свою очередь руководство бывшего ИФС пытается добиться отмены судебного решения о его роспуске (принятого в 1992 г.) и вновь выйти на политическую авансцену. Бывшие лидеры ИФС и Исламской армии спасения (ИАС) в интервью алжирской прессе объявляют о своей готовности работать

поддержавшие его члены парламентской фракции «Нахды» выступили против тогдашнего лидера партии Абдаллы Джабаллы (некоторые обозреватели считали, что действия Ляхбиба Адами, брата бывшего министра юстиции, были инспирированы властями с целью отстранения от руководства «Нахды» Абдаллы Джабаллы, известного и влиятельного исламистского деятеля, который собирался выставить свою кандидатуру на президентских выборах 1999 г.). В результате разногласий в руководстве «Нахды» Абдалла Джабалла вынужден был уйти с поста ее руководителя. Однако он вскоре возглавил новую партию «Движение за национальную реформу», в которую перешла большая часть первичных организаций партии «Нахда» (228, 2002, № 2158, с. 80). Ляхиб Адами остался руководителем парламентской фракции и в то же время стал главой партии «Нахда», которая в настоящее время является малочисленной и не играет заметной роли в политической жизни Алжира.

совместно с властями для возрождения Алжира. Так, например, один из создателей ИФС Абд аль Кадер Букамкам подтвердил свою приверженность демократическим принципам и в то же время заявил, что «Алжир не сможет выйти из кризиса без достижения внутривластного консенсуса с участием ИФС» (228, 2003, № 2229, с. 34). Однако многим руководителям ИФС и ИАС, получившим амнистию в соответствии с законом о восстановлении гражданского согласия, запрещено в течение пяти лет заниматься политической деятельностью. Этот запрет касается обоих бывших эмиров ИАС – Мадани Мезрага и Ахмеда Бенайша, а также освобожденных в июле 2003 г. (после 12 лет заключения) бывшего председателя ИФС Аббаси Мадани и его заместителя Али Бенхаджа. Если в отношении Аббаси Мадани большинство политологов сходится во мнении, что его политическая карьера скорее всего завершена (он уже не молод [род. в 1931 г.], и его здоровье подорвано), то этого нельзя сказать о более молодом Али Бенхадже (род. в 1956 г.). Он регулярно проводит встречи с представителями различных партий, а также с бывшими соратниками по ИФС и ИАС и готовится по истечении срока запрета (в 2008 г.) продолжить политическую деятельность. Активно пытаются включиться в политику и бывшие лидеры ИФС, находящиеся в эмиграции. Это прежде всего касается проживающего в Швейцарии Мурада Дина и получившего политическое убежище в Германии Рабаха Кабира¹⁴. В своих публичных выступлениях они заявляли о своем желании содействовать построению демократического общества в Алжире, а также пытались организовать встречи с целью разъяснения своей политической программы с официальными лицами европейских стран (в частности, с министром иностранных дел Ирландии) и представителями европейских общественных организаций (228, 2003, № 2229, 2003, с. 35).

Непримиримой оппозицией алжирским властям продолжает оставаться радикальное крыло алжирского исламистского движения. Оно представлено в основном двумя вооруженными группировками – «Салафитской группой для проповеди и борьбы» (СГПБ) и «Вооруженными исламскими группами» (ВИГ), насчитывавшими в своих рядах около 650 боевиков (228, 2003,

¹⁴ Рабах Кабир возглавлял «Исполнительную инстанцию ИФС за рубежом», а Мурад Дина был одним из его заместителей.

№ 2222–2223, с. 54). Наиболее боеспособной и многочисленной является СГПБ, действующая в районе горного массива Аурес (в 500 км к юго-востоку от г.Алжира) и возглавляемая двумя эмирами Хасаном Хаттабом и Мохтаром Бельмохтаром. По данным американских экспертов, СГПБ входит в созданный в 1998 г. Бен Ладеном Всемирный исламский фронт и поддерживает тесные контакты с «Аль-Каидой»¹⁵. СГПБ также имеет связи с марокканской фундаменталистской группировкой «Салафитский джихад» (Салафийя джихадийя)¹⁶, несколько десятков боевиков которой в 2002 г. проходили своеобразную стажировку в СГПБ, участвуя в террористических операциях на территории Алжира. После начала американского вторжения в Ирак алжирские радикальные исламисты попытались активизировать свою террористическую деятельность. Так, например, в июне 2004 г. боевики СГПБ совершили ряд нападений на полицейские посты в районе г. Бумердес (50 км к югу от г.Алжира) и г.Биджайя (200 км к востоку от столицы), в резуль-

¹⁵ В 2002 г. в горах Ауреса, в районе действий СГПБ алжирскими спецслужбами был уничтожен гражданин Йемена, впоследствии идентифицированный как разыскиваемый ФБР Абу Мухаммед, специальный представитель Бен Ладена в районе Магриба и Центральной Африки. В его задачу входило осуществление координации действий местных фундаменталистских группировок с последующим развертыванием джихада на территории европейских стран. С этой целью он встречался с эмиром СГПБ Мохтаром Бельмохтаром. Абу Мухаммед, по утверждению американских экспертов, явился инициатором захвата боевиками СГПБ в 2003 г. 30 европейских туристов на юге Алжира, а также нападения в марте 2004 г. на французский гарнизон в г. Зуэркат (Республика Чад), совершенного чадскими радикальными исламистами (228, 2003, № 2222–2223, с. 55; 2004, № 2265, с. 39).

¹⁶ Один из лидеров марокканской группировки «Салафитский джихад» Ришар Робер (принявший ислам французский гражданин, которого называли «эмир с голубыми глазами») был арестован марокканскими властями по обвинению в подготовке террористических актов, совершенных боевиками «Салафитского джихада» в г. Касабланка (Марокко) в мае 2003 г. Ришар Робер, по утверждению марокканских властей, планировал также по примеру алжирской СГПБ развернуть партизанскую войну в горном районе Риф (Марокко), для чего им была сформирована первая группа из 70 боевиков (228, 2003, № 2217, с. 48).

тате которых погибли 8 военнослужащих, а также в ходе перестрелки было уничтожено около 20 боевиков (234, 19.06.2004). Вместе с тем очевидно, что алжирская армия достигла значительных успехов в борьбе с вооруженными исламистскими группировками, которые в настоящее время могут совершать террористические акции в основном только в отдаленных и труднодоступных районах страны. Алжирские силовые структуры регулярно проводят рейды по районам, где базируются боевики, а также ведут пропагандистскую работу с целью склонения их к добровольной сдаче. В результате таких операций в июне 2004 г. властям сдался отряд боевиков во главе с эмиром Абд аль-Хакимом, который действовал на территории трех областей на востоке Алжира – Буштата, Бенибешир, Зуит и входил в состав СГПБ (242, 16.06.2004).

На основе вышесказанного можно утверждать, что руководству Бутефлики в значительной мере удалось подавить радикальный фундаментализм, и сейчас он уже не представляет серьезной угрозы для существующего режима. Нынешняя социально-политическая ситуация в Алжире значительно стабилизировалась по сравнению с периодом второй половины 90-х гг., когда целые районы страны фактически находились под контролем вооруженных фундаменталистских группировок. Подавление исламистского экстремизма и возвращение Алжира к условиям мирной жизни стали одной из главных причин поддержки Бутефлики большинством избирателей и его переизбрания на второй президентский срок в апреле 2004 г. Победа Абд аль-Азиза Бутефлики на выборах предоставила ему возможность претворить в жизнь свою программу развития Алжира, которая рассчитана на ближайшие пять лет. Основная цель этой программы заключается в законодательном закреплении и практической реализации перехода Алжира к рыночной экономике и демократической форме государственного устройства. На этой основе предполагается дальнейшая интеграция Алжира в мировой процесс глобализации, в том числе вступление в ВТО, а также присоединение в той или иной форме к ЕС и НАТО и тесное сотрудничество с США. Выполнение этой программы зависит как от внутренних, так и внешних факторов. В числе последних немаловажным является дальнейшее развитие американо-алжирских отношений после президентских выборов в США в конце 2004 г. Не менее актуальным для Алжира является вопрос, в каком направлении продолжится эво-

люция взаимоотношений между США и наиболее влиятельными членами ЕС – Германией и Францией. Это тем более важно, так как Алжир традиционно поддерживает с Францией тесные партнерские связи, а также получает значительную экономическую помощь и политическую поддержку на международной арене. К внутренним факторам, существенно влияющим на реализацию президентской программы, относится позиция тех слоев алжирского населения, которые продолжают считать сохранение исламских ценностных ориентиров не переменным условием дальнейшего развития алжирского общества. С достаточной степенью уверенности можно утверждать, что радикальный исламизм утратил поддержку со стороны этой категории алжирских граждан. В то же время президентская кампания 2004 г. показала, что значительная часть исповедующих исламистскую идеологию алжирцев находится в оппозиции президентскому курсу¹⁷. Успешное выполнение президентской программы во многом зависит от того, в каком направлении будет эволюционировать позиция этого слоя алжирского общества. В то же время продолжение поддержки большинством населения президентской политики напрямую зависит от того, в какой степени будут решаться конкретные социально-экономические проблемы, стоящие перед Алжиром.

¹⁷ В результате парламентских выборов в 2002 г. оппозиционная исламистская партия ДНР, возглавляемая Абдаллой Джабаллой, получила 40 депутатских мест (итогом предыдущих парламентских выборов в 1997 г. она имела менее 30). Наряду с этим входящая в правительственную коалицию партия умеренных исламистов ДОМ теряет поддержку своих избирателей, разочарованных тем, что руководство партии не предлагало своей программы решения социально-экономических проблем. По сравнению с результатом выборов 1997 г. число парламентской фракции ДОМ сократилось после выборов 2002 г. с 69 до 38 депутатов. Кроме того, одной из причин ослабления политического влияния партии явилась смерть в 2003 г. ее основателя, признанного лидера и видного исламистского деятеля Махфуза Нахнаха. Новый руководитель ДОМ Бугерра Солтани не обладает тем влиянием и авторитетом, которым пользовался Махфуз Нахнах. В то время как партия ДОМ не смогла выдвинуть своего кандидата во время президентских выборов в 2004 г., лидер ДНР Абдалла Джабалла по результатам голосования занял третье место из шести претендентов на президентский пост.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 70–90-х гг. XX в. алжирское общество в своем развитии прошло ряд важных этапов от попытки построения алжирской модели социализма до создания основ демократической формы правления. В происходивших в Алжире общественно-политических процессах значительную роль играло исламистское движение, структурировавшееся на рубеже 80–90-х гг. в самую влиятельную политическую силу в стране.

Период новейшей истории Алжира 70-х гг. XX в. – начала третьего тысячелетия условно можно разделить на четыре этапа, каждый из которых характеризовался значительными изменениями, затронувшими социально-экономическую, политическую и идеологическую области жизни алжирского общества. На первом этапе (середина 70-х – конец 80-х гг.) в Алжире претворялась в жизнь концепция «социалистической ориентации», в ходе реализации которой возник и начал развиваться системный кризис, приведший в конце концов к отказу алжирского общества от доктрины построения «национального социализма». Второй этап (конец 80-х – начало 90-х гг.) был отмечен масштабными демократическими преобразованиями, переходом к политическому плюрализму и в то же время формированием массового исламистского движения, его политическими успехами и началом его радикализации. Этот этап завершился вмешательством в политический процесс армии, предотвратившей легитимный приход к власти исламистов. Третий этап, продолжавшийся на протяжении 90-х гг., характеризовался усилением процесса радикализации исламистского движения, переходом инициативы в нем к лидерам экстремистских группировок, развязавших длительное и ожесточенное вооруженное противостояние с алжирскими властями. Наконец, новый этап социально-политического развития Алжира начался с конца 90-х гг. Его отличительной чертой стало завершение острой фазы вооруженного противостояния и начало процесса восстановления гражданского согласия в алжирском обществе.

В период реализации доктрины «социалистической ориентации» значение ислама как «неотъемлемой части самоидентификации алжирцев» было официально закреплено в принятой в 1976 г. Национальной хартии АНДР. Призыв к защите арабо-исламских ценностей, провозглашавшийся во время национально-освободительной войны, объединял алжирцев-мусульман и определял их принадлежность к создававшемуся национальному государству. Именно лозунг приверженности этим ценностям оставался в 70-е гг. важным составным элементом официальной идеологии. В этот период «исламский фактор» использовался алжирским руководством для построения «национального социализма».

Такая связь ислама с доктриной «социалистической ориентации» (некоторые ее сторонники называли эту концепцию также «исламский социализм») – явление неслучайное. Синтез ислама с национализмом происходил по той причине, что он обеспечивал связь современного с традиционным в концепции национального социализма. Национализм, являвшийся по своей сути светской идеологией, должен был воспринять новые, прогрессивные для эпохи 70-х гг., с точки зрения идеологов национального социализма, тенденции общественного развития. Ислам же, будучи веками устоявшейся системой морально-этических норм и интегральной частью национальной культуры, должен был выступать в качестве объединяющего элемента в этом синтезе.

Значительная часть алжирского общества воспринимала социалистическую ориентацию с ее лозунгами о равенстве и социальной справедливости как созвучную ценностям ориентирам ислама. Кроме того, в общественном сознании доктрина алжирского социализма ассоциировалась с впечатляющими успехами, достигнутыми независимым Алжиром в экономической и социальной областях. Во многом этим достижениям способствовали высокие доходы от национализированных нефтегазовых месторождений, которые давали возможность алжирскому руководству одновременно проводить индустриализацию страны и улучшать социальную сферу, в том числе, обеспечивать бесплатное здравоохранение, образование и финансировать строительство муниципального жилья.

Однако с середины 80-х гг. в алжирской экономике стали ощущаться последствия снижения мировых цен на энергоносители. Уменьшение доходов от их экспорта вело к сокращению

бюджета и, соответственно, к свертыванию многих социальных программ, росту цен, в том числе на продукты питания, значительная часть которых импортировалась. Экономические трудности усугублялись негативными проявлениями административно-командной системы управления, когда значительная часть бюджетных средств расходовалась на субсидии убыточным государственным предприятиям. Вместе с тем начавшаяся в конце 80-х гг. реструктуризация государственных предприятий с целью повышения их экономической рентабельности вела в ряде случаев к сокращению рабочих мест и росту безработицы. Проблему занятости, особенно среди молодежи, усугублял также демографический рост, происходивший в Алжире в 80-е гг.

Результатом такого негативного развития ситуации стало существенное снижение жизненного уровня значительной части населения и нарастание социально-экономического кризиса. Его обострение в конце 80-х гг. сопровождалось политическим кризисом, кульминацией которого стали массовые антиправительственные выступления в октябре 1988 г., охватившие практически все крупные города Алжира. Пытаясь разрешить кризис и удержать власть, алжирское руководство пошло на демократизацию государственно-политической системы. В новой алжирской конституции 1989 г. провозглашался принцип многопартийности и отказ от руководящей роли ФНО (до этого единственной и правящей партии). Кроме того, в новой конституции уже не было упоминания о «строительстве социализма». В то же время в ней подтверждалось стремление построить демократическое государство и «сохранить арабо-исламские ценности» (8, с. 3). Такой своеобразный идеологический поворот означал отказ от прежней доктрины «социалистической ориентации», в достаточной степени утратившей поддержку в алжирском обществе. Это было обусловлено, с одной стороны, неспособностью государственно-политической элиты решить насущные социально-экономические проблемы и, с другой стороны, начавшимся глобальным распадом социалистического лагеря.

В результате процесса демократизации в Алжире в конце 80-х гг. была создана государственно-политическая система, включавшая в себя практически все классические элементы демократической формы правления: разделение властей на исполнительную, законодательную и судебную, образование многопартийной системы, проявление у алжирских граждан

права избирать представительные органы власти на плюралистической основе. Сформировалась достаточно независимая и свободная пресса. Вместе с тем демократизация была во многом вынужденной и являлась со стороны властей попыткой ослабить нараставший социальный протест в обществе, вызванный снижением жизненного уровня.

В то же время демократические преобразования практически не изменили положение различных социальных групп в алжирском обществе, доминирующую роль в котором как в экономике, так и в политике продолжала играть прежняя государственно-политическая элита (в основном военная). Более того, начавшаяся либерализация экономики предоставила ей еще большие возможности для обогащения. Тем не менее, несмотря на всю противоречивость и неоднозначность демократических реформ, в целом их можно оценить как позитивный шаг в социально-политическом развитии алжирского общества, одним из результатов которого было создание в Алжире целого ряда партий различной идеологической направленности.

Важнейшим явлением алжирской общественно-политической жизни конца 80-х – начала 90-х гг. стало возникновение и организационное становление массового исламистского движения. Его возглавил Исламский фронт спасения (ИФС), который превратился в главную и наиболее влиятельную политическую силу страны. Причины подъема исламизма в Алжире имели как эндогенный, так и экзогенный характер. Во многом исламистское движение представляло собой форму социального протеста неимущих слоев общества. Эта часть населения возлагала ответственность за снижение уровня жизни и нерешенность социально-экономических проблем на прежний режим, возглавлявшийся ФНО и военной верхушкой.

Социальную базу исламистского движения составили безработная или полубезработная молодежь, часть исламистски настроенного студенчества, мелкой буржуазии и интеллигенции, не приемлевшие вестернизацию Алжира и видевшие в исламистской доктрине способ сохранить находившиеся, по их мнению, под угрозой «исламские ценности». Лидеры ИФС сумели возглавить и использовать этот стихийный протест, выдвигая фундаменталистские лозунги, провозглашавшие построение исламского государства на основе «справедливых законов шариата». С их помощью, по убеждению идеологов исламизма, могли быть решены все социально-

эконо-мические проблемы и восторжествовала бы «исламская социальная справедливость».

К внешним факторам, способствовавшим широкому распространению фундаменталистской идеологии, следует отнести общий подъем в мусульманском мире в 80-х гг. идей «исламского возрождения» (нахда ислямийя). Существенное влияние на усиление исламизма и рост числа его сторонников оказали победа исламской революции в Иране и гражданская война в Афганистане. Поскольку это военное противостояние происходило в период продолжавшейся холодной войны, США и их союзники, в первую очередь Саудовская Аравия, стремились использовать радикальный исламизм для ослабления СССР, их главного идеологического противника. Они оказывали широкую финансовую и военную помощь исламистским организациям, готовившим боевиков-муджахидов для борьбы с афганским режимом и поддерживавшими его советскими войсками. Война в Афганистане привлекла в ряды муджахидов мусульман из целого ряда арабских стран, в том числе из Алжира. Впоследствии, вернувшись на родину, многие алжирские ветераны афганской войны составили основу наиболее радикальных исламистских группировок. Вывод советских войск из Афганистана в 1989 г. и последующий крах просоветского режима Наджибуллы трактовался идеологами исламизма как победа джихада.

Значительную роль в распространении исламистского движения в Алжире сыграли призывы лидеров ИФС к противодействию «импортированным идеологиям», под которыми подразумевались социалистическая ориентация и западная либеральная демократия. Исламское возрождение, по их утверждению, должно было способствовать сохранению национальных исторических корней и традиционных ценностей мусульманской цивилизации. Исламистские идеологи заявляли, что как марксизм, так и либеральная демократия, представлявшие две основные современные западные идеологии, переживали глубокий кризис. Из этого делался вывод о неизбежности и необходимости выработки третьего пути, то есть «исламской альтернативы» как перспективы развития алжирского общества. Причем наиболее радикальные лидеры ИФС рассматривали создание исламского государства в Алжире всего лишь как первый этап своей борьбы. Конечной же стратегической целью они считали возрождение халифата, который должен был стать «духовной отчизной» для всех мусульман мира.

Широкому распространению фундаменталистской идеологии способствовал наряду с указанными выше факторами также идеологический кризис в алжирском обществе. После отказа от концепции «социалистической ориентации» в алжирском общественном сознании возник своеобразный идеологический вакуум, который стал заполняться фундаменталистскими доктринами. Причем руководители ИФС провозглашали себя как наследниками салафитских концепций Бен Бадиса, так и «подлинными продолжателями» идей национально-освободительной войны 1954–1962 гг., искаженных впоследствии, по их мнению, «франкофонами-коммунистами», захватившими власть в ФНО.

Накануне первых в истории Алжира альтернативных выборов ИФС разработал программу, предлагавшую вариант дальнейшего развития алжирского общества с точки зрения исламистской доктрины. В этом документе рассматривались все аспекты жизни общества – идеологический, политический, экономический и культурологический. Исламистские лидеры заявляли о том, что либерально-демократическая идеология переживает острый кризис. Одним из главных аргументов этого тезиса было утверждение, согласно которому присущие либеральной демократии эгоизм и неограниченная свобода ведут к деградации общества. Реальная же свобода, согласно заявлениям идеологов исламизма, существует только в исламском обществе, где мусульманин добровольно ограничивает свою личную свободу в интересах всей уммы и в соответствии с «подлинно справедливыми и разумными» законами шариата.

Идеологи ИФС в качестве альтернативы как социалистической плановой системе, так и западной рыночной экономической модели, не отвечавшей, по их мнению, «исламским традициям», выдвигали концепцию исламской экономики. Она предполагала запрет банковского процента (риба), использование в налоговой системе принципа закята, развитие малого и среднего бизнеса и самое широкое сотрудничество между мусульманскими странами, в том числе создание «арабо-исламского общего рынка и сети исламских банков». Особое внимание в программе ИФС уделялось проповеди возврата к первоначальному «истинному» исламу и присущим ему мусульманским морально-этическим нормам, в которых, по утверждению авторов программы, превалировали семейные ценности, уважение старших младшими, забота о детях, престарелых и нетрудоспособных членах уммы. Напротив, в об-

ществах, следовавших как коммунистическим, так и либерально-демократическим идеологическим принципам, как заявляли исламисты, происходил кризис семьи и общественной морали.

Сама идея возвращения алжирского общества к законам шариата и создания на этой основе исламского государства, где должны были восторжествовать социальная справедливость и морально-этические нормы, присущие мусульманской общине времен пророка Мухаммеда и первых «праведных халифов», безусловно, являлась социальной утопией. Выдвинутая ИФС программа во многом была декларативной и практически нереализуемой. Это касалось как экономической, так и идеологической ее частей. Учитывая давно сложившуюся внутреннюю структуру алжирской экономики, ее внешние связи и определенное место, занимаемое Алжиром в мировом разделении труда, невозможно представить ее переход к анахронизмам предлагаемой исламской модели, включавшей в себя запрет банковского процентного кредита, практику закята в налоговой системе и преимущественное сотрудничество с мусульманскими странами.

Декларируемое программой строгое соблюдение мусульманских традиций и норм шариата также выглядело во многом утопическим. В алжирском обществе, несмотря на существенное влияние ислама, сложился достаточно многочисленный слой мусульман, которые, сохраняя приверженность своей религии, в то же время вели современный европейский образ жизни и не принимали исламистскую доктрину. Тем не менее на первых демократических выборах, как муниципальных, так и парламентских, ИФС одержал убедительную победу. За него проголосовали соответственно 57,4% и 47,3% избирателей. Успеху ИФС в достаточной степени способствовало то, что многие алжирцы голосовали не за собственно его исламистскую программу, а против дискредитировавшего себя режима ФНО, надеясь, что исламисты решат их конкретные социально-экономические проблемы. Завоевание большинства в парламенте предоставляло ИФС реальную возможность прихода к власти и претворения в жизнь своей доктрины.

Успешному для исламистов исходу политической борьбы помешало выступление армии, продолжавшей играть определяющую роль в государственной политике и обладавшей реальной властью в Алжире. Силовое прерывание демократического по своей форме выборного процесса, роспуск парламента и создание Высшего государственного совета (ВГС) как верховного

органа власти формально противоречило конституционным нормам. Однако приход к власти исламистов и провозглашение Алжира исламской республикой могли вызвать катастрофические последствия, в том числе полномасштабную гражданскую войну и распад страны. Поэтому вмешательство армии в политический процесс, учитывая реалии алжирского общества, представляется в достаточной степени оправданным.

Вместе с тем силовое прерывание демократических выборов и последующий запрет ИФС привели к радикализации исламистского движения и к переходу инициативы в нем к наиболее экстремистским его силам. Их лидеры проповедовали вооруженный джихад как единственный способ создания исламского государства. Именно на них лежит основная ответственность за развязывание вооруженного противостояния с властями, продолжавшегося в своей активной форме с 1992 г. по 1999 г. и ставшего одним из самых сложных этапов алжирской новейшей истории, когда страна была поставлена на грань гражданской войны.

Наиболее многочисленной и организованной силой радикальной исламистской оппозиции стали сформировавшиеся к концу 1992 г. «Вооруженные исламские группы» (ВИГ). Их основу составляли ветераны афганской войны, бывшие участники «Вооруженного алжирского исламского движения» (ВАИД) Мустафы Буали и часть активистов ИФС. В вооруженную исламистскую оппозицию входили представители различных фундаменталистских течений. Главными из них были салафиты и такфиристы. На начальном этапе вооруженного противостояния доминирующее положение в ВИГ занимали салафиты. Затем с середины 90-х гг. эмиры ВИГ перешли на такфиристскую доктрину и объявили врагами всех, не согласных с созданием исламского государства путем джихада, то есть все алжирское общество, за исключением своих сторонников. Согласно такфиристскому доктринальному положению «неверности общества» (куфр аль-муджтама), боевики ВИГ проводили тотальный террор как против представителей власти, так и против мирных жителей, заподозренных в помощи органам правопорядка, представителей интеллигенции, осуждавших исламистский террор, иностранцев, а также известных мусульманских деятелей и руководителей исламистских группировок, не согласных с доктриной ВИГ. Часть исламистских боевиков, не разделявших такфиристскую концепцию и провозглашавших возврат к «истинному салафизму», вышли из ВИГ и создали «Салафитскую группу для

проповеди и борьбы» (СГПБ). В свою очередь ИФС после его запрета властями перешел на нелегальное положение и в 1994 г. сформировал свое вооруженное крыло – «Исламскую армию спасения» (ИАС). Созданная в противовес ВИГ «Исламская армия спасения» действовала в основном против алжирских силовых структур. Командование ИАС так же, как и лидеры ИФС, осуждало террор, развязанный ВИГ против мирных жителей и иностранцев. В отличие от ВИГ, отвергавших любой компромисс с режимом, ИАС заявляло о своем желании прекратить кровопролитие и найти политическое решение кризиса. В 1997 г. ИАС, поддержанная большинством руководителей ИФС, заключила с командованием алжирской армии перемирие, в соответствии с которым ее отряды начали проводить совместно с армейскими подразделениями операции против ВИГ. Тем не менее очевидно, что, несмотря на заключенное перемирие, «Исламская армия спасения», так же как и лидеры ИФС, несет значительную ответственность за вооруженное противостояние и вызванные им жертвы. Однако основная вина за них, без сомнения, лежит на наиболее экстремистских силах, в первую очередь на ВИГ.

Ко второй половине 90-х гг. вооруженное противостояние достигло своего апогея. В это время исламистские боевики чуть ли не ежедневно совершали террористические акты, жертвами которых становились десятки людей, и террор был перенесен за пределы Алжира, в частности, во Францию. Попытка найти выход из кризиса путем политического диалога на основе «Римской платформы», выработанной рядом оппозиционных режиму алжирских партий, в том числе ИФС, закончилась неудачей. В первую очередь, это было результатом неприятия «Римской платформы» как радикальными исламистами, так и алжирскими властями, которые надеялись подавить исламистскую оппозицию силовыми методами. Для достижения этой цели, а также для разрешения продолжавшегося социально-экономического кризиса алжирское руководство сделало ряд шагов по укреплению государственно-политической системы страны. Предпринятые меры, в том числе роспуск ВГС, принятие на общенациональном референдуме изменений в конституцию и проведение в соответствии с ними в 1995–1997 гг. президентских, парламентских и муниципальных выборов, можно оценить как важные шаги в социально-политическом развитии алжирского общества.

В итоге были подтверждены результаты демократических преобразований, проведенных в Алжире в конце 80-х гг., а также

учтен их негативный опыт. В новой конституции была дана четкая формулировка правил создания политических партий, не позволявшая формировать их на религиозной основе. Вместе с тем принятие новой конституции, ограничивавшей до известной степени роль представительных органов, означало закрепление авторитарных тенденций в государственной власти. Это прежде всего касалось значительного расширения президентских полномочий и, как результат, создания в Алжире суперпрезидентской формы правления. Усиление исполнительной ветви власти и, в частности, ее главы – президента представляется явлением, объективно обусловленным в первую очередь необходимостью противостоять исламистскому экстремизму и сложной социально-экономической обстановкой в стране.

Следует признать, что в середине 90-х гг. алжирский режим не смог подавить радикальную исламистскую оппозицию. Вооруженная борьба продолжалась, несмотря на усиление государственно-политической структуры, многократное превосходство в численности и вооружении алжирской армии над боевиками и создание противостоявших исламистским группировкам многочисленных отрядов самообороны.

Основной причиной столь длительного противостояния экстремистских сил исламизма с властями явился системный кризис, переживавшийся алжирским обществом. Неспособность правящего режима успешно провести реформирование экономики и решить жизненно важные социальные проблемы привела к поддержке многими алжирцами исламистской доктрины. Именно молодые алжирцы, не имевшие возможности найти работу, поверившие исламистской пропаганде и обвинявшие во всех бедах правящий режим, становились перманентным людским резервом для радикальных исламистских группировок.

Исламистские идеологи в своей пропаганде борьбы за «исламскую социальную справедливость» апеллировали как к идее вооруженного джихада, популярного еще в период национально-освободительной войны, так и к классическому исламскому наследию.

Совершенно очевидно, что вооруженное противостояние было обусловлено и внешними факторами. К ним прежде всего следует отнести поддержку алжирских радикальных исламистов, исповедовавших джихад, международными экстремистскими организациями и финансировавшими их различными «исламскими фондами», созданными в период гражданской

войны в Афганистане. Три руководителя («национальных эмиров») ВИГ и сотни их боевиков, как алжирцев, так и граждан других арабских и мусульманских стран, имели опыт афганской войны. Именно таким кровавым опытом, перенесенным на алжирскую землю, можно в достаточной степени объяснить беспрецедентные по варварству и жестокости террористические акции, совершавшиеся ВИГ в отношении мирного населения.

Еще одним внешним фактором, способствовавшим вооруженному противостоянию, являлась неофициальная поддержка, оказывавшаяся исламистским группировкам некоторыми мусульманскими странами, прежде всего Ираном и Суданом. Существенно влияла на продолжение вооруженного противостояния деятельность эмигрантских исламистских центров, созданных в ряде европейских стран и США. Эти центры распространяли в своих СМИ, в том числе на ВЭБ-страницах в Интернете, публикации, в которых пропагандировалась исламистская доктрина. Кроме того, в них содержались обвинения в адрес алжирских властей в якобы имевших место в Алжире массовых нарушениях прав человека и всячески оправдывались перед мировым общественным мнением действия исламистских группировок.

К концу 90-х гг. в Алжире сложилась тупиковая ситуация. С одной стороны, власти не были в состоянии подавить вооруженную исламистскую оппозицию. В то же время ИФС не смог заставить режим признать себя легитимной политической силой. Радикальные исламисты ВИГ не имели возможностей достичь успеха в вооруженном противостоянии с алжирской армией. Проведение реформ, направленных на реструктуризацию алжирской экономики и приватизацию нерентабельных государственных предприятий, хотя и привело к улучшению некоторых макроэкономических показателей, но сопровождалось ликвидацией десятков тысяч рабочих мест. Такая ситуация вела к массовой безработице и усилению социальной напряженности в обществе.

На этом фоне обострились внутренние противоречия в алжирском руководстве. Группировке, возглавлявшейся президентом страны генералом Ламином Зеруалем и его ближайшим советником генералом Мухаммедом Бетчином, противостояло военное командование в лице начальника генерального штаба генерала Мухаммеда Ламари и главы службы безопасности Мухаммеда Медьена. Причиной внутренней борьбы в правящей верхушке, получившей у алжирцев название «войны генералов»,

послужили разногласия по поводу, во-первых, поиска путей выхода из кризиса, во-вторых, выработки отношения к исламистской оппозиции и, в-третьих, проведения внешней политики Алжира. В то же время эти группировки соперничали за распределение командных постов в экономике и доступ к наиболее выгодным объектам приватизации. Необходимо отметить также, что и те, и другие хотели найти компромисс с исламистской оппозицией, так как было очевидно, что только такое решение могло привести к выходу из длительного вооруженного противостояния.

Инициативу в этом вопросе перехватило армейское командование, заключив договор о перемирии с ИАС самостоятельно, без ведома президента, что обострило конфронтацию во властной элите. Лишенный поддержки армейского руководства Ламин Зеруаль не имел возможности улучшить социально-экономическую обстановку в стране и предпочел прервать свои полномочия главы государства и назначить досрочные президентские выборы. Такое развитие ситуации означало, что в очередной раз в истории независимого Алжира, в сложной социально-политической обстановке решающее слово осталось за военными. Традиционно со времен национально-освободительной войны армия занимала в алжирском обществе привилегированное положение. Особое место армии и уважение к ней со стороны алжирцев во многом объяснялись ее основополагающей ролью в завоевании страной независимости, стоившей алжирскому народу многих жизней.

Избрание в апреле 1999 г. президентом Алжира Абд аль-Азиза Бутефлики и выдвижение им проекта восстановления гражданского согласия можно определить как начало нового этапа в социально-политическом развитии алжирского общества. Абд аль-Азиз Бутефлика – тонкий и умный политик, пользовавшийся значительным авторитетом среди алжирцев. Его кандидатуру на пост президента поддерживали как руководство армии и силовых структур, так и большая часть алжирского истеблишмента. Первыми его шагами стали официальное подтверждение заключенного между командованием алжирской армией и ИАС перемирия и принятие закона «О восстановлении гражданского согласия», предоставлявшего амнистию всем участникам исламистского движения, «чьи руки не были запятнаны кровью».

Комплекс политических, административных и военных мер, предпринятых на основе этого закона, принес ощутимые ре-

зультаты. Главным из них стало существенное снижение уровня вооруженного противостояния и завершение его активной фазы. Закон о предоставлении амнистии вызвал дезорганизацию и раскол в рядах радикальной исламистской оппозиции. Часть ее полевых командиров (эмиров районов и областей) предпочла воспользоваться амнистией и сдаться властям, что привело к значительному сокращению численности вооруженных исламистских группировок. Если в середине 90-х гг. общее количество боевиков оценивалось примерно в 8 тыс., то к 2001 г. их насчитывалось не более 800. Успешное начало процесса восстановления гражданского согласия было обусловлено также доверием, оказанным президенту большинством алжирского общества, что показали результаты общенационального референдума. Курс президента одобрила большая часть алжирских политических сил, включая умеренных исламистов, многих лидеров ИФС, а также демократической оппозиции, которые ранее подвергали жесткой критике действия президента Зеруаля.

К концу 90-х гг. произошли существенные изменения в алжирском общественном сознании. Они характеризовались неприятием большинством алжирского общества радикального исламизма в лице его главной силы ВИГ, исповедовавших такфиристскую доктрину и оправдывавших варварские террористические акции против гражданского населения. Часть отвергавших идею вооруженного джихада исламистских лидеров, в основном из ИФС, предпочитала вернуться в политическую жизнь и пыталась добиться отмены запрета ИФС или перейти в легально действующие исламистские партии.

Наряду с ослаблением вооруженного противостояния другой не менее важной отличительной чертой нового этапа стало восстановление авторитета и влияния Алжира в Магрибе и укрепление его позиций на мировой арене. Подтверждением этого стало проведение в Алжире 35-й сессии ОАЕ, председателем которой был избран Бутефлика, и активизация сотрудничества Алжира с государствами Союза арабского Магриба (САМ). Свидетельством выхода Алжира из определенной политической изоляции на мировой арене явилось улучшение его отношений с Францией и США. Эти страны выразили свою озабоченность в связи с прерыванием в 1992 г. армией демократических по форме выборов и силовыми методами, которые использовали алжирские власти для разрешения кризиса. После избрания Бутефлики президентом Франция и США привет-

ствовали объявленный им курс на национальное примирение и амнистию участникам исламистского движения. Такая их позиция способствовала восстановлению традиционных франко-алжирских экономических и культурных связей, а также расширению контактов между США и Алжиром, в частности сотрудничеству между спецслужбами двух стран в области обмена информацией для координации совместных усилий по борьбе с международным терроризмом.

Наиболее сложными вопросами для алжирского руководства продолжали оставаться социально-экономические проблемы, затрагивавшие интересы большинства алжирцев. Не менее важным являлось реформирование экономики, которое должно было позволить Алжиру, как это подчеркивал президент Бутефлика, успешно интегрироваться в мировой процесс глобализации. Для решения этих задач в 2000 г. была разработана и в 2004 г., после переизбрания Бутефлики на второй президентский срок, дополнена и уточнена программа, направленная на переход алжирской экономики на рыночную модель развития. Программа включала в себя значительные изменения законодательной базы с тем, чтобы она соответствовала новым условиям экономического развития, а также предполагала широкую приватизацию во всех отраслях народного хозяйства, в том числе в нефтегазовом комплексе, ранее входившем в государственный сектор экономики.

Реализация данной экономической программы представляет собой достаточно сложную задачу. С одной стороны, необходимо полностью перевести экономику на рыночную систему хозяйствования с тем, чтобы она стала рентабельной и конкурентоспособной. С другой стороны, реформы не должны привести к обострению существующих социально-экономических проблем, что может вновь дестабилизировать алжирское общество, в котором еще не окончательно восстановлено гражданское согласие. Тем более, что социально-политическая обстановка в Алжире к началу третьего тысячелетия оставалась достаточно сложной. Значительно ослабленная, но тем не менее не подавленная окончательно радикальная исламистская оппозиция продолжала совершать террористические акции. Острыми проблемами оставались низкий уровень жизни значительной части населения, высокий процент безработицы и жилищный кризис. Такая ситуация провоцировала социальную напряженность в обществе. Ее проявлением стали массовые выступления бербер-

ского населения, продолжавшиеся с мая по сентябрь 2001 г. в Кабилии и поддержанные многотысячными демонстрациями в алжирской столице. Выступления протеста, хотя и в меньших масштабах периодически происходили в Кабилии до мая 2004 г. Их причины наряду со стремлением берберов добиться признания своей национально-культурной самоидентификации коренились в нерешенности все тех же социально-экономических проблем.

На современном этапе главным вызовом для алжирского общества остается именно нерешенность многих вопросов в социально-экономической сфере. При выработке методов их разрешения наряду с приватизацией и эффективным задействованием рыночных механизмов стабилизирующим фактором, на наш взгляд, могло бы стать сохранение в экономике существенной роли государства как своеобразного гаранта интересов всей «уммы», что соответствовало бы алжирским историческим традициям.

Ислам в Алжире продолжает оставаться важным элементом как в повседневной жизни, так и в общественно-политической практике, органической частью которой является исламистское движение. Подтверждением значительной роли, которую играет политический ислам в современном алжирском обществе, является тот факт, что лидеры двух исламистских партий Ахмед Талерб Ибрагими и Абдалла Джабалла заняли на президентских выборах в 1999 г., по неофициальным подсчетам, соответственно второе и третье место после Бутефлики. На последних президентских выборах в 2004 г. Абдалла Джабалла также занял третье место, а его партия «Движение за национальную реформу» (ДНР) является третьей по влиянию политической силой в стране. Исламистское движение отражает позицию части алжирцев, ориентированных на традиционные ценности мусульманской религии, которые на протяжении веков существования ислама в Магрибе стали неотъемлемой частью алжирского общественного сознания. Позитивной тенденцией, наметившейся после президентских выборов 2004 г. в исламистском движении, стала его в достаточной степени интеграция в политическую жизнь страны. Большинство исламистских лидеров, в том числе тех, кто в прошлом участвовал в вооруженной борьбе с властями, заявили о своем стремлении внести свой вклад в процесс восстановления гражданского согласия и построения демократии в Алжире. Сложившаяся политическая ситуация создает благоприятные пер-

спективы для дальнейшего развития алжирского общества по демократическому пути.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

1. Абдо, Мухаммед. Толкование Корана «аль-Манар» (Тафсир аль-Манар). *Хрестоматия по исламу*. М., 1994.
2. Алжирская народная демократическая республика. *Конституция и законодательные акты*. / Пер. с фр. М., 1983.
3. Байян аль-буса аль-барляманийя ли-ль-джабха аль-ислямийя ли-ль-инказ фи ль-харидж (Заявление парламентской делегации ИФС за рубежом). Аль-вилайят аль-муттахида, Фирджинийя, 10.06.1999 (www.fisalgeria.org/communiqués/reconcile.html).
4. Байян аль-джабха аль-ислямийя ли-ль-инказ (Заявление Исламского фронта спасения). Аль-вилайят аль-муттахида, Фирджинийя, 15.04.1999 (www.fisalgeria.org/communiqués/elect99.html).
5. Бен Белла, Ахмед. *Речи и выступления*. / Пер. с араб. М., 1964.
6. Ал-Газали, Абу Хамид. *Воскрешение наук о вере (Ихйа/улюм ад-дин)*. *Избранные главы*. / Пер. с араб., исслед. и коммент. В.В.Наумкина. М., 1980.
7. Ал-Газали, Абу Хамид. Избавляющий от заблуждения (аль-Мункыз мин ад-даляль), Степанянц М.Т. *Восточная философия*. М., 1997.
8. Ад-Дустур. *Аль-Джумхурийя аль-джазаирийя ад-димукратийя аш-шаабийя* (Конституция. Алжирская народная демократическая республика). Аль-Джазаир, 1996.
9. Иля ль-амин аль-ам ли-ль-умам аль-муттахида (Послание Аббаси Мадани Генеральному секретарю ООН). Аль-Джазаир, 30.08.1997 (www.fisalgeria.org/communiqués/letter_97.html).
10. Кутб, Сайид. Маалим фи т-тарик (Избранное из книги Сайида Кутба «Вехи на пути»), Jilles Kepel. *Expansion et déclin de l'islamisme*. Р., 2000.
11. Кутб, Сайид. Под сенью Корана (Фи зылааль аль-Кур'ан). *Хрестоматия по исламу*. М., 1994.

12. Мадани, Аббаси. *Азмат аль-фикр аль-хадис ва мубаррират аль-халль аль-ислямий* (Кризис современной мысли и оправдание исламского решения). Аль-Джазаир, 1989.

13. Мадани, Аббаси. *Мушкилат тарбавийя фи ль-билад аль-ислямийя* (Проблемы воспитания в исламских странах). Аль-Джазаир, 1986.

14. Мадани. Аббаси. Хаджат ан-низам ат-тарбавий иля ль-ислах (Система воспитания нуждается в реформировании) // *Аль-Инсан*. Париж, 1990, № 2.

15. *Аль-Мисак аль-ватаний* (Национальная Хартия). Аль-Джазаир, 1986.

16. Натаидж аль-мухадаса бейна раис аль-джумхурийя ат-тунисийя Бен Али ва раис аль-джумхурийя аль-джазаирийя аш-шаабийя ад-димукратыйя Бутефлика (Итоги переговоров президента Тунисской республики Бен Али и президента Алжирской Народной Демократической Республики Бутефлики) // *Ас-Сабах*. Тунис, 14.07.1999.

17. Натиджат аль-мухадасат бейна ар-раис аль-фарансый Ширак ва р-раис аль-джазаирий Бутефлика (Итоги переговоров французского президента Жака Ширака и алжирского президента Бутефлики) // *Аль-Араб*. Лондон, 3.12.2001.

18. *Национальная Хартия АНДР 1976*. – М., 1979.

19. *Национальный диалог. Меморандум*. – Алжир, 1996 (материалы посольства АНДР в Москве).

20. *Речь Его превосходительства г-на Абд аль-Азиза Бутефлики по случаю его вступления в должность президента Алжирской Народной Демократической Республики*. – Алжир, 27.04.1999 (материалы посольства АНДР в Москве).

21. Таадиль фи ль-хукума аль-джазаирийя (Изменения в алжирском правительстве) // *Аш-Шарк аль-авсат*. Лондон, 26.11.1997.

22. Аль-Фитна. Шахадат Ахмед Марани (Смута. Свидетельства Ахмеда Марани) // *Аль-Ахрам ад-дувалий*. Аль-Кахира, 12.07.1999.

23. Al-Ahnaf, Mustafa; Botiveau, Bernard; Fregosi, Franck. *L'Algérie par ses islamistes*. P., 1991.

24. *Algeria and the Maghreb. Background Notes on the Rise of Violence and Causes of Instability*. The Canadian Security Intelligence Service (CSIS). Middle East Studies Programme. Washington D.C., February, 1998.

25. *Algeria in Crisis*. The Royal Institut of International Affairs. Middle East Programme. Briefing Papers. L., June 1998, № 48.

26. *Algeria: Report of Eminent Panel*. July-August 1998. United Nations. N.Y., 1998.

27. *Algeria: The Real Exchange Rate Export. Diversification and Trade Protection*. International Monetary Fund. Washington, 1999.

28. *Algeria: Stabilisation and Transition to the Market*. International Monetary Fund. Washington D.C., 1998.

29. *L'Association «Al-Irchad wa-l-islam» appelle à la constitution d'une alliance islamique nationale*. Algérie Press-Service (APS). Alger, 29.08.1990.

30. Benomar, Tarek. *Le marketing sanglant des généraux d'Alger*. Alger, 1997.

31. *Biographie Abdelaziz Bouteflika. Direction de campagne du candidat*. Alger, 1999 (материалы посольства АНДР в Москве).

32. Bouteflika, Abdelaziz. Ce que j'ai voulu dire aux Français // *Le Nouvel observateur*, P., 2000, № 1859.

33. Bouteflika, Abdelaziz. Le peuple algérien aspire à la paix, à la sécurité, à la stabilité // *L'Express*, P., 19.08.1999.

34. Chadli Bendjedid rompt le silence // *Jeune Afrique-L'Intelligent*, P., 2001, № 2089.

35. Le discours du président Bouteflika au 35ème Sommet de l'Organisation de l'Unité Africaine (OUA) // *Le Temps*, Tunis, 15.07.1999.

36. Charte de la wilaya // *Journal Officiel de la République Algérienne Démocratique et Populaire* (JORA), Alger, 1969, № 44.

37. Charte de l'organisation socialiste des entreprises // *JORA*, Alger, 1971, № 101.

38. Charte de la Révolution agraire // *JORA*, Alger, 1971, № 97.

39. Cubertafond, Bernard. *La République Algérienne démocratique et populaire*. P., 1979.

40. *Commentaires on the Situation in Algeria 1991–1996*. CSIS. Ottawa, 1997.

41. *Discours du président Boumediène*. Alger, 1975.

42. Décret № 91–05 du 16 janvier 1991. Portant généralisation de l'utilisation de la langue arabe // *JORA*, Alger, 16.01.1991.

43. Décret exécutif № 91–81 du 23 mars 1991. Relatif à la construction de la mosquée, à son organisation et son fonctionnement et fixant sa mission // *JORA*, Alger, 23.03.1991.

44. *Dedication to the Victims of Massacres in Berouaghia, Serkadji and other Algerian dungeons*. FIS Information Bureau, 5.06.1997, (www.fisalgeria.org/dedication.html).

45. Un émir de l'Armée islamique du Salut (AIS) Ahmed Benaïcha parle // *Jeune Afrique-L'Intelligent*, P., 2000, № 2040.

46. *FIS Appeal for a New World Order Based on the Cohabitation Between Civilizations and Fruitfull Economic Relations*. FIS Information Bureau, 10.10.01 (www.fisalgeria.org/program.html).

47. *Halte aux massacres en Algérie*. FIS Information Bureau, octobre 1997. www.fisalgeria.org/pressreview.html

48. Hachani, Abdelkader. Le vide laisse par le FIS comme opposition réelle reste total // *Le Temps*, Tunis, 19.10.1999.

49. Haddam, Anvar. *The Perspectives of the Political Islam in Algeria*. FIS Parliamentary Delegation Abroad, 5.06.1997 (www.fisalgeria.org/perspectives.html).

50. Harbi, Mouhammed. *Les archives de la révolution algérienne*. P., 1981.

51. *Islamic Front for Salvation (FIS). Introduction*. FIS Parliamentary Delegation. 5.06.1997 (www.fisalgeria.org/intro.html).

52. *Islamic Front for Salvation Stand on the Military Regime Perpetuation of the Algerian Crisis*. FIS Parliamentary Delegation Abroad. 20.05.1997 (www.fisalgeria.org/communiques/20may97.html).

53. *The King is Naked, the Enigma Has Been Deciphered // Algeria Salvation*, September, 1997 (www.fisalgeria.org/newsletters/editosept.html).

54. *Lettre de Madani Mezrag, Emir national de l'armée islamique de salut (AIS), au président de la république*. 4.06.1999 (www.fisalgeria.org/communiques/1Mezrag.html).

55. *Lettre de M. Abbasi Madani au président de la république*. 12.06.1999 (www.fisalgeria.org/communiques/1Madani.html).

56. *Letter by Driss El Yazami, Chargé de mission à la Fédération Internationale des Ligues des Droits de l'Homme (FIDH) to the Chairman of the Panel, President Soares, enclosing FIDH reports as well as a memorandum by the Vice-President of the Ligue algérienne de defense des droits de l'homme*. P., 16.07.1998.

57. *Letter, addressed to the Chairman of the Panel, President Soares, by Mr. Rezzag-Bara, President of the Observatoire National des Droits de l'Homme, in Algiers, providing information on a list «of 240 disappeared persons or persons illegally detained after arrest or abduction»*. Algiers, 3.08.1998.

58. *Lettre cheikh Ali Benhadj au president Bouteflika*, 31.07. 1999 (www.fisalgeria.org/communiques/Benhadj.html).

59. *Lettre ouverte de FIS aux participants au séminaire: «Le Monde arabe et islamique et les droits de l'homme»* à Genève. FIS Information Bureau, 29.09.00

(www.fisalgeria.org/communiqués/letter.html).

60. *Lettre ouverte de FIS au Front des forces socialistes*. FIS Information Bureau, 23.05.00

(www.fisalgeria.org/communiqués/letter.html).

61. Madani, Abbasi; Sahnoun, Ahmed; Soltani, Abdellatif. *L'Appel du 12 novembre 1982*. Alger, 1982.

62. Malek, Bennabi. *Les conditions de la Renaissance algérienne*. Alger, 1949.

63. Mekhloufi, Said. *Fondements et buts de la désobéissance civile*. Alger, 12.05.1991.

64. *Manifeste du Front Islamique du Salut pour la Justice et la Paix en Algérie*. Conseil de Coordination du FIS. 11.01.1999

(www.fisalgeria.org/newsletters/Manifeste.html).

65. Mémoires du général Khaled Nezzar // *Jeune Afrique/L'Intelligent*, P., 2000, № 2040.

66. *Outline of the FIS Programme*. FIS Information Bureau, 13.01.1995 (www.fisalgeria.org/overview.html).

67. *Projet de programme politique du Front islamique du Salut*. Alger, 7.03.1989.

68. Parliamentary Delegation Abroad of FIS Seeks to Provide Information on the Tragic Situation of the Algerian People // *Algeria Salvation*, 5.06.1997 (www.fisalgeria.org/intro.html).

69. *Protest Against an Illegitimate Military Junta*. FIS Parliamentary Delegation Abroad, 6.07.1997 (www.fisalgeria.org/communiqués/protest.html).

70. *Projet de loi sur le rétablissement de la concorde civile // El-Moudjahid*, Alger, 2.08.1999 (материалы посольства АНДР в Москве).

71. *Rome Platform. National Contract for a Peaceful and Political Settlement*. FIS Information Bureau, 13.01.1995 (www.fisalgeria.org/romeplatform.html).

72. *Le rapport sur la situation en Algérie de la commission française du Fonds d'aide et de coopération // Jeune Afrique/L'Intelligent*, № 2106, P., 2001.

73. *Report of the Panel Appointed by the Secretary-General of the United Nations to Gather Information on the Situation in Algeria in Order to Provide the International Community With Greater Clarity on that Situation*. N.Y., 1998.

74. Rouadjia, Ahmed. Doctrine et discours du cheikh Abbasi // *Peuples méditerranéens*, juillet-décembre 1990, № 52–53.

75. Samai-Ouramdane, Ghania. «Le Front islamique du salut à travers son organe de presse /al-Mounquid/,» *Peuples méditerranéens*, juillet-décembre 1990, № 52–53.

76. *Sur la «Réconciliation nationale* // Communiqué № 12. Conseil de coordination de FIS, 4.07.1999
(www.fisalgeria.org/communiques/ccfis12.html).

77. Le Statut du FLN // *Révolution Africaine*, Alger, 1980, № 855.

78. *Selected Issues and Statistical Appendix*. International Monetary Fund. Washington, 1998.

79. Taleb-Ibrahimi A. *De la décolonisation à la révolution culturelle*. Alger, 1973.

Литература

80. Аргентов В.А. *Алжир на новом пути*. М., 1982.

81. Аргентов В.А. *Старина и новь Магриба*. М., 1985.

82. Ацамба Ф.М., Кириллина С.А. *Религия и власть: ислам в Османском Египте (XVIII – первая четверть XIX в.)*. М., 1996.

83. Бабкин С.Э. *Движения политического ислама в Северной Африке*. М., 2000.

84. Бабкин С.Э., Миронова Е.И. *Алжир: три года на грани гражданской войны*. М., 1995.

85. Бартольд В.В. *Культура мусульманства*. М., 1998.

86. Большаков О.Г. *История Халифата*. Т. I. М., 2000.

87. Васильев Л.С. *История религий Востока*. М., 1998.

88. Вебер М. *Избранное. Образ общества*. / Пер. с нем. М.И. Левина, А.В. Михайлова, С.В. Карпушиной. М., 1994.

89. Видясова М.Ф. *Экономика стран Магриба*. М., 1982.

90. Вирабов А.Г. *Алжир: кризис власти*. М., 2001.

91. Вирабов А.Г. Истоки исламского экстремизма в Алжире // *Арабские страны Западной Азии и Северной Африки*. М., 1997.

92. Ворончанина И.И. Ислам в политическом развитии Алжира и Туниса // *Арабский мир в конце XX века: материалы I-й конференции арабистов Института Востоковедения РАН*. М., 1996.

93. *Восточный мир: опыты общественной трансформации* // Под. ред. М.С. Мейер. М., 2001.

94. Джугашвили Г.Я. *Алжирский франко-язычный роман*. М., 1976.

95. Дьяков Н.Н. *Младоалжирцы и антиколониальная борьба в Алжире*. М., 1985.

96. Зудина Л.П. *Аграрные преобразования и развитие сельского хозяйства в странах Магриба*. М., 1983.

97. Зудина Л.П. Алжир: либерализация экономики и эволюция аграрных структур // *Арабские страны Западной Азии и Северной Африки*. М., 1997.

98. Илющечкин В.П. *Теория стадийного развития общества*. М., 1996.

99. Исаев В.А. *Арабские страны в международном разделении труда*. М., 1996.

100. *Ислам. Краткий справочник*. М., 1983.

101. *Ислам. Энциклопедический словарь*. М., 1991.

102. Кириллина С.А. *Ислам в общественной жизни Египта (вторая половина XIX – начало XX в.)*. М., 1989.

103. Кириллина С.А. Родригес А.М. *Ислам в судьбах египетско-аравийского субрегиона*. М., 1995.

104. Ковтунов А.Г. *Проблемы интеграции стран Магриба*. М., 1998.

105. Комар В.И. *Эволюция политических систем в некоторых странах Африки*. М., 1995.

106. Комар В.И. *Северная Африка: национальные модели политической культуры*. М., 1997.

107. Комар В.И. Власть, ислам и общество в Алжире // *Ученые записки РАН*. Вып. 8. М., 1999.

108. Коровиков А.В. *Исламский экстремизм в арабских странах*. М., 1991.

109. Коровиков А.В. Сайид Кутб – идеолог исламского экстремизма // *Религии мира*. М., 1987.

110. Куделев В.В. *Исламистские партии Алжира: второе поколение*. М., 2000.

111. Ланда Р.Г. *Подъем антиколониального движения в Алжире в 1918–1931 гг.* М., 1977.

112. Ланда Р.Г. *История алжирской революции*. М., 1983.

113. Ланда Р.Г. Октябрьские события 1988 г. в Алжире и их последствия // *Восток и современность*. М., 1989.

114. Ланда Р.Г. *Из истории социалистических идей в Африке*. М., 1990.

115. Ланда Р.Г. *История Алжира в новое и новейшее время*. М., 1992.

116. Ланда Р.Г. «Политическая весна» и гражданская война в Алжире // *Страны Ближнего Востока*. М., 1998.

117. Ланда Р.Г. *История Алжира XX век*. М., 1999.

118. Ланда Р.Г. Малащенко А.В. Социалистическая ориентация и исламские традиции в Алжире // *Вопросы научного атеизма*. Вып. 31. М., 1983.
119. Левин З.И. *Общественная мысль на Востоке*. М., 1999.
120. Левин О.Н. «Аббаси Мадани – политический портрет // *Азия и Африка сегодня*. М., 1991, № 12.
121. Луцкий В.Б. *Новая история арабских стран*. М., 1966.
122. Малащенко А.В. *Официальная идеология современного Алжира*. М., 1983.
123. Малащенко А.В. *В поисках альтернативы. Арабские концепции путей развития*. М., 1991.
124. Малащенко А.В. Ислам и исламоведение на рубеже 80–90-х гг. // *Ислам: традиции и новации*. М., 1991.
125. Мейер М.С. *Османская империя в XVIII в. Черты структурного кризиса*. М., 1991.
126. Мутавалли, Абд аль-Хамид. *Мабади низам аль-хукм фи ль-ислам мааль мукарана би-ль-мабади ад-дустурийя аль-хадиса* (Принципы системы власти в исламе в сравнении с современными конституционными принципами). Аль-Искандерийя, 1977.
127. Павлуцкая Э.Н. Формирование северо-африканской трудовой иммиграции во Франции // *Арабские страны Западной Азии и Северной Африки*. М., 1997.
128. Саадаллах, Бель Касем. *Аль-Харака ал-ватанийя аль-джазаирийя* (Алжирское национальное движение). Бейрут, 1969.
129. Сапронова М.А. Генерал Лямин Зеруаль: в начале трудного пути // *Ближний Восток и современность*. Вып. 6. М., 1999.
130. Сапронова М.А. *Политика и конституционный процесс в Алжире*. М., 1999.
131. Сапронова М.А. Проблемы политической эволюции правящей военной элиты Алжира // *Политическая элита Ближнего Востока*. М., 2000.
132. *Социально-политические представления в исламе. История и современность*. / Под. ред. И.М.Смилянской М., 1987.
133. Смирнов И.К. *Алжир: индустриализация и социально-экономический прогресс*. М., 1981.
134. Смирнова Г.И. Создание Союза Арабского Магриба – новой политико-экономической структуры и перспективы его отношений с ЕС // *Арабский сборник*. М., 1999.
135. *Социальный облик Востока*. М., 1999.
136. Сюкияйнен Л.Р. *Мусульманское право*. М., 1986.

137. Ат-Таувиль, Тауфик. *Аль-Фикр ад-диний аль-ислямий фи ль-алям аль-арабий иббана аль-ми/а аль-ам аль-ахира* (Исламская религиозная мысль за последние сто лет). Бейрут, 1966.

138. Тойнби А. Дж. *Цивилизация перед судом истории* // Пер. с англ. И.Е. Киселевой и М.Ф. Носовой. М., 1996.

139. Траскунова А.М. *Печать алжирской революции*. М., 1979.

140. Тримингэм Дж. С. *Суфийские ордены в исламе* / Пер. с англ. М., 1989.

141. Турки, Рабах. *Шейх Абд аль-Хамид Бен Бадис ва фальсафатуху ва нашатуху фи маджаль ат-тарбийя ва т-таалим* (Шейх Абд аль-Хамид Бен Бадис, его философия и деятельность в области воспитания и образования). Аль-Джазир, 1969.

142. Хмелева Н.Г. К вопросу о значении государства, возглавленного эмиром Абд аль-Кадером // *Арабские страны*. М., 1963.

143. Хмелева Н.Г. *Государство Абд аль-Кадера Алжирского*. М., 1973.

144. Шиммель, Анне Мари. *Мир исламского мистицизма* / Пер. с англ. Н.И. Пригариной, А.С. Раппопорт. М., 2000.

145. Эгрето М. *Алжирская нация существуют* / Пер. с фр. М., 1958.

146. Ageron Ch.-R. *L'Algérie algérienne de Napoleon III à de Gaule*. P., 1980.

147. Ageron Ch.-R. *La décolonisation française*. P., 1991.

148. Ageron Ch.-R. *Histoire de l'Algérie contemporaine*. P., 1979.

149. Ageron Ch.-R. *Politiques coloniales au Maghreb*. P., 1972.

150. Addi, Lahouari. De la permanence du populisme algérien // *Peuples méditerranéens*, juillet-décembre 1990, № 52–53.

151. Amirouche, Hamou. Algeria's Islamist Revolution: The People Versus Democracy? // *Middle East Policy*. January 1998, vol. 5, № 4.

152. Amrany S. and Korany B. *Explosive Civil Society and Democratisation from Below: Algeria*. L., 1998.

153. Basbous A. *L'Islamisme. Une révolution avortée?* P., 2000.

154. Berque J. *Maghreb: histoire et société*. Alger, 1974.

155. Berque J. *Islam au temps du monde*. P., 1984.

156. Balta, Paul. *Le grand Maghreb des independances à l'an 2000*. P., 1990.
157. Balta, Paul. *L'Islam dans le monde*. P., 1991.
158. Balta, Paul et Rulleau, Claudine. *La stratégie de Boumédienne*. P., 1978.
159. Balta, Paul et Rulleau, Claudine. *La politique arabe de la France*. P., 1973.
160. Boudjedra, Richard. *La vie quotidienne en Algérie*. P., 1971.
161. Benkheira M. Un Mufti contemporaine: Ahmed Hammani (1915). Contributions à une sociologie de l'islam Algérien // *Arabica*, tome 66, Leiden, 1998.
162. Benkheira H. Un Désir d'absolu: Les emeutes d'octobre 1988 en Algérie // *Peuples méditerranéens*, juillet-décembre 1990, № 52–53.
163. Boukhobza M. *Octobre 1988: évolution ou rupture?* Alger, 1989.
164. Burgat F. *L'Islamisme au Maghreb*. P., 1988.
165. Carlier O. Scholars and Politicians: An Examination of the Algerian View of Algerian Nationalism // *The Maghreb in Question*. Texas, 1997.
166. Charef A. *Algérie. Le grand dérapage*. P., 1994.
167. Courrière Y. *Le temps des Leopards*. P., 1969.
168. Denaud P. *Algérie. FIS. Sa direction parle*. P., 1997.
169. Djeghloul, Abdel Kader. *Algerie: histoire, culture et société*. P., 1986.
170. Djeghloul, Abdel Kader. «FIS de la haine,» *Maghreb-Machrek*, № 1335, 1991.
171. Harbi, Mouhammed. Sur le processus de relégitimation du pouvoir en Algérie // *Annuaire de l'Afrique du Nord*, 1989, № 28.
172. Haddad, Yvonne. The Qur'anic Justification for an Islamic Revolution: the View of Sayyid Qutb // *The Middle East Journal*, winter 1983, volume 37, № 1.
173. Hugh, Roberts. *From Radical Mission to Equivocal Ambition: the Expansion and Manipulation of Algerian Islamism*. Chicago, 1994.
174. Gideon, Gera. *An Islamic Republic of Algeria?* Washington, 1995.
175. James Phillips. *The Rising Threat of Revolutionary Islam in Algeria*. Washington, 1995.

176. Julien, Charles-André. *Histoire de l'Algérie contemporaine*. P., 1979.
177. Jansen G. *Militant Islam*. L., 1979.
178. Joffe G. *Algeria: The Failure of Dialogue // The Middle East and North Africa*. L., 1995.
179. Franco A., Sereni J.-P. *Un Algérien nommé Boumediène*. P., 1976.
180. Lambotte R. *Algérie: naissance d'une société nouvelle*. P., 1976.
181. Laoust H. *La profession de foi d'Ibn Taymiyya. La Wasitiyya*. P., 1986.
182. Lebjouli M. *Vérité sur la révolution algérienne*. P., 1970. .
183. Lamchichi A. *L'Islamisme en Algérie*. P., 1992.
184. Madani, Blanca. *Algeria: Historical Background of the Conflict // World Algeria Action Coalition*. Washington, 1998.
185. Merad A. *Le réformisme musulman en Algérie de 1925 à 1940*. P., 1967.
186. Mitchell R. *The Society of the Muslim Brothers*. L., 1969.
187. Moussaoui A. *La violence en Algérie. Des crimes et des châtements // Cahiers d'Etudes africaines*, t. 38, P., 1998.
188. Monlau, Jean. *Les Etats barbaresques*. P., 1973.
189. Nouchi A. *La naissance du nationalisme algérien*. P., 1962.
190. Nouchi A., Lacoste Y. *L'Algérie passé et présent*. P., 1960.
191. Kaddache M. *Histoire du nationalisme algérien*. Alger, 1980.
192. Kepel G. *Jihad. Expansion et déclin de l'islamisme*. P., 2000.
193. Quandt W. *Between Ballots and Bullets. Algeria's Transition from Authoritarianism*. Washington, 1998.
194. Quandt W. *Algérie: aux portes de la démocratie // Jeune Afrique*, 1999, № 1996, 2002, 2023, 2024.
195. Roy J. *La guerre d'Algérie*. P., 1960.
196. Roy O. *L'Echec de l'islam politique*. P., 1992.
197. Le Tourneau R. *Evolution politique de l'Afrique du Nord musulmane. 1920–1961*. P., 1962.
198. Vatin J.-C. *L'Algérie politique: histoire et société*. P., 1983.
199. Willis, Michael. *The Islamist Challenge in Algeria. A Political History*. N.Y., 1997.

Периодические издания

200. *Азия и Африка сегодня*.
201. *Аль-Араб*, Лондон.
202. *Аль-Ахбар*, Каир.
203. *Аль-Ахрам*, Каир.
204. *Аль-Ахрам ад-дувалий*, Каир.
205. *Аль-Ватан аль-арабий*, Лондон.
206. *Вестник ИТАР-ТАСС*.
207. *Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение*.
208. *Восток (Народы Азии и Африки)*.
209. *Аль-Джейш*, Алжир.
210. *Известия*.
211. *Аль-Мункыз*, Алжир.
212. *Ар-Рая*, Доха-Катар.
213. *Ас-Сабах*, Тунис.
214. *Ас-Сахафа*, Тунис.
215. *Аль-Хайят*, Лондон.
216. *Аль-Хабар*, Алжир.
217. *Аш-Шааб*, Алжир.
218. *Аш-Шарк аль-Авсат*, Лондон.
219. *Аш-Шурук*, Тунис.
220. *Nouvel Afrique-Asie*, Paris.
221. *Algérie-Actualité*, Alger.
222. *Algérie Press Service*, Alger.
223. *Annuaire statistique d'Algérie*, Alger.
224. *Arabica*, Leiden.
225. *Cahiers d'Etudes africaines*, Paris.
226. *Information economique africaine*, Tunis.
227. *L'Express*, Paris.
228. *Jeune Afrique*, Paris.
229. *Journal of Asian and African Studies*, Leiden.
230. *Journal Officiel de la République Algérienne Démocratique et Populaire*, Alger.
231. *The Islamic Quarterly*, London.
232. *The Herald Tribune*, Washington.
233. *L'Horizons*, Alger.
234. *La Liberté*, Alger.
235. *Le Figaro*, Paris.
236. *Le Matin*, Paris.
237. *The Middle East Journal*, Washington.

- 238. *The Middle East Economic Digest*, London.
- 239. *Maghreb-Machrek*, Paris.
- 240. *Monde diplomatique*, Paris.
- 241. *Le Monde*, Paris.
- 242. *El-Moudjahid*, Alger.
- 243. *Le Nouvel Observateur*, Paris.
- 244. *Le Point*, Paris.
- 245. *Politique internationale*, Paris.
- 246. *Pan Arabe Tribune*, Nice-France.
- 247. *La Presse de Tunisie*, Tunis.
- 248. *Reuters*, London.
- 249. *Révolution Africaine*, Alger.
- 250. *Le Temps*, Tunis.
- 251. *The Times*, London.
- 252. *La Tribune*, Alger.
- 253. *Washington Post*, Washington.
- 254. *El-Watan*, Alger.

SUMMARY

The monograph *The Islamist Challenge and Algerian Society (1970–2004)* is dedicated to the problems of social and political development of Algeria in last three decades of the 20th – early 21st century. The special attention is paid to the Islamist movement and its influence on the evolution of the Algerian society during this period.

From the 1970s until beginning of the 21st c. the Algerian society passed through a number of an important stages from the attempt of the construction of the Algerian model of socialism to the creation of the bases of the democratic form of government. The book analyses the phenomenon of the formation at the end of the 1980s of the mass Islamist movement in Algeria. The Islamic Salvation Front (*djabha islamiya li-l-inkaz*) became the main political force of this movement. The monograph observes in detail the program of the Islamic Salvation Front and dwells upon reasons of its support by the considerable part of the Algerians during the first democratic elections in the history of the independent Algeria in 1991. The electoral process was forcedly interrupted by the army in 1992 and the Islamic Savation Front was banned that led to the radicalisation of the Islamist movement and long armed confrontation of the radical Islamist groups with the state, which lasted in its active form since 1992 till 1999.

The monograph examines the organisations which formed the armed Islamist opposition, including the Armed Islamic Groups (*jamaat islamiya mousallaha*) and the Salafist Group for the Preaching and Jihad (*jamaa salafiya li-l-houtba va l-jihad*). The forces from abroad which supported the Algerian radical islamists is also under the study in this book. The most important among them are al-Kaida and the Islamist emigrant organizations from Europe and the USA. The book revealed the political intrigues of the two confronting groups in the Algerian leadership – «the war of the generals». As a result of this confrontation the President of Algeria General Liamine Zeroual resigned and announced the anticipatory presidential election in 1999.

The monograph analyses the role and the place of Islamist movement in Algerian society at the new stage of its development after the reelection of Abdelaziz Bouteflika as the President of the Algerian Republic in 2004. The book is written on the basis of a wide range of sources in Arabic, English and French.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	6
Глава I	
АЛЖИРСКОЕ ОБЩЕСТВО И ИСЛАМИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ в 70–80-е гг. XX в.	9
Глава II	
ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ИСЛАМИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В АЛЖИРЕ В КОНЦЕ 80-Х – НАЧАЛЕ 90-Х ГГ. XX в.	37
Глава III	
ВООРУЖЕННОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ РАДИКАЛЬНОЙ ИСЛАМИСТСКОЙ ОППОЗИЦИИ С ВЛАСТЯМИ (1992–1999 гг.)	119
Глава IV	
НОВЫЙ ЭТАП СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АЛЖИРСКОГО ОБЩЕСТВА (1999–2001 гг.)	176
Глава V	
АЛЖИР ПОСЛЕ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 2004 г.	200
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	226
БИБЛИОГРАФИЯ	241
SUMMARY	254

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

1995 г.

1. **А.З.Егорин** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально–экономического и общественно–политического развития" (Совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас)** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев** "Объединенные Арабские Эмираты".
15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки".
Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.

17. **Н.М.Мамедова** "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".
18. "Турция: современные проблемы экономики и политики". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".
20. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко** "Рынки Ближнего Востока".
21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов** "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко** "Экономика переселенческого общества (израильская модель)".
25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян** "Военный и военно-экономический потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (информационно-аналитический справочник, совместно с ИВ РАН).
26. **Л.И.Данилов** "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".
27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.
29. **К.А.Капитонов** "Ближний Восток в лицах".
30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.
31. **К.З.Хамзин** "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".
32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."
34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).
36. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 6.
37. **Г.И.Гучетль** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии". (совместно с ИВ РАН).
38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Государство Катар: проблемы развития".
39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
41. **В.А.Ушаков** "Иран и Мусульманский мир (1979–1998 гг.)".
42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.
43. **Е.Я.Сатановский** "Экономика Израиля в 90-е годы".
44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
45. **Е.С.Мелкумян** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".
46. **В.В.Кунаков** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".
47. **А.И.Яковлев** "Саудовская Аравия: пути эволюции".
48. **М.А.Сапронова** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989-1999)".
49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.
50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник.
52. **М.Р.Арунова** "Афганская политика США в 1945-1999 гг.".
53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.

54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
55. **С.Э.Бабкин** "Движения политического ислама в Северной Африке".
56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.
57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей (Совместно с Институтом Африки РАН).
58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
59. **Аль-Харири Мухаммад** "Налоговые системы Сирии и Египта".
60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко** "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки". (Совместно с Институтом Африки РАН).
61. **К.И.Поляков** "Исламский фундаментализм в Судане".
62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей.

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
65. **Е.Я.Сатановский** "Израиль в современной мировой политике: вероятные стратегические противники и стратегические партнеры".
66. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Султанат Оман".
67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.
68. **А.Г.Вирабов** "Алжир: кризис власти".
69. "Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке". Сборник статей (совместно с Академией геополитики и безопасности).
70. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов** "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".

71. **К.И.Поляков** "Арабские страны и ислам в России".
72. **Зезв Гейзель** "Политические структуры Государства Израиль"
73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.
74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.
75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.
76. **С.Э.Бабкин** "Религиозный экстремизм в Алжире".
77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей,
(совместно с ИВ РАН).
78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

2002 г.

79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.
80. **Н.Ю.Ульченко** "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)".
81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
82. "Востоковедный сборник". Выпуск третий.
83. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
84. **М.Ф.Видясова, М.Ш.Умеров** "Египет в последней трети XX века".
85. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 14.
86. **Р.Р.Сикоев** "Талибы (религиозно-политический портрет)".
87. "Востоковедный сборник". Выпуск четвертый.
88. "Армия и власть на Ближнем Востоке". Сборник статей.
89. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 15.
90. **М.П.Гучанин** "Турция и США: основные этапы
торгово-экономического сотрудничества".
91. **С.М.Задонский** "Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения".
92. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 16.

2003 г.

93. **С.В.Бондаренко, А.А.Ткаченко** "Нефть и газ Египта и Алжира на рубеже XX–XXI вв."
94. **Д.Полисар** "Выбирая диктатуру".
95. "Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы". Сборник статей. (совместно с ИВ РАН, ИСАА)
96. **А.Д.Эпштейн** "Бесконечное противостояние. (Израиль и арабский мир: войны и дипломатия, история и современность)".
97. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Кувейт: Контуры экономических перемен". (совместно с ИВ РАН)
98. **О.В.Плешов** "Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане". (совместно с ИВ РАН)
99. "Ирак: первые итоги, выводы, уроки". Сборник.
100. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 17.
101. **М.З.Ражбадинов** "Радикальный исламизм в Египте". (совместно с ИВ РАН)
102. "Иракский кризис. Международный и региональный контекст". Сборник.
103. "Иран и СНГ". Сборник.
104. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 18.
105. "Саудовская Аравия: эволюция режима и пределы возможного в политическом развитии" Сборник.
106. **Г.Г.Косач, Е.С.Мелкумян** "Внешняя политика Саудовской Аравии". Приоритеты, направления, процесс принятия решения".
107. **В.М. Ахмедов** "Сирия на рубеже столетий. Власть и политика".
108. "Афганистан и сопредельные страны". Сборник.
109. **В.П.Юрченко** "Египет: проблемы национальной безопасности (1952–2002 гг.)".
110. "Востоковедный сборник". Выпуск пятый.

111. "Российско-саудовские отношения: проблемы и перспективы".
Сборник.
112. "Ирак под американским управлением: демократизация или
вьетнамизация» (по материалам круглого стола)
113. "Арабо-израильский конфликт: старые проблемы и новые
планы". Сборник статей.
- 114 **Е.И.Уразова**"Экономическое сотрудничество Турции и тюрк-
ских государств СНГ".
115. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 19.
116. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 20.
117. **М.С.Сергеев** "Берберы Северной Африки: прошлое и настоящее"
118. **Аганин А.Р., Сололвьева З.А.** "Современная Иордания".

2004 г.

119. **Владимир (Зеэв) Ханин** "Русские» и власть в современном
Израиле".
120. "Программы урегулирования палестино-израильского конфликта:
три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе". (Сборник ста-
тей и документов) под редакцией **Алека Д. Эпштейна**.
121. **А.О.Филоник, А.И.Вавилов** "Саудовская Аравия: поиски
внутренней гармонии".
122. **Е.И.Миронова** "Алжир: смена приоритетов развития".
123. "Иракский кризис". Аналитические записки.
124. "Терроризм". Сборник статей.
125. "Ислам на современном Востоке. Регион стран Ближнего и
Среднего Во-стока, Южной и Центральной Азии". Сборник
статей (совместно с ИВ РАН).
126. **И.А. Новиков** "Оружие массового поражения на Ближнем
Востоке".
127. "Иран и Россия". (Сборник статей)
128. "Офицерский корпус ближневосточных государств".
(Сборник статей)

- 129 "Россия и США на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
130. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 21.
131. "Армия, ВТС, ОМП на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
132. "Проблемы Ближнего Востока". Аналитические записки.
133. "Курдский вопрос на рубеже тысячелетий" (круглый стол 19.02.2004).
134. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 22.
135. "Турция в новых геополитических условиях". Материалы круглого стола, март 2004 г.
136. "Израиль и арабо-израильский конфликт". Аналитические записки.
137. "Иран". Аналитические записки.
138. **А.В.Федорченко, О.А.Зайцева, Д.А.Марьясис** "Израиль в начале XXI века".
139. "Современный Исламский Восток и страны Запада". Сборник статей.
140. **И.А.Матвеев** "Национальная и общеарабская слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке (1946–2003)".
- 141 **А.В.Гасратян** "Проблемы социально-экономического развития Ливана (1970–2000 гг.)".
142. **В.П.Юрченко** "Сирия: проблемы национальной безопасности"
143. "Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии". (Сборник статей и документов) под редакцией **Алека Д. Эпштейна**.
144. **М.З.Ражбадинов** "Египетское движение «Братьев-мусульман»".
145. «Афганистан в начале XXI века». Сборник статей.
146. "Востоковедный сборник". Выпуск шестой.

147. "Иран после парламентских выборов". Материалы круглого стола, апрель 2004.

Адрес в Интернете: www.iimes.ru

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI
AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio–economic and political development in the Arab World".
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
4. "The Contemporary Middle East", (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf
countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI–th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev and
A.Fedorchenko**
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by
A.Filonik and N.Rogozhina
12. "The Arab World in the end of the XX–th century", (collection
of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Rus-
sian Academy of Sciences
13. "The Contemporary Middle East" № 2, (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**
15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
16. "The Contemporary Middle East" № 3, (collection of essays)
17. "Iran in the XX–th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
18. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
19. "The Syrian Arab Republic"
20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**
21. "The Contemporary Middle East" № 4, (collection of essays)

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
27. "The Contemporary Middle East" № 5, (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"

29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**
30. "The contemporary Saudi Arabia"
31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**
32. "Afghanistan: War and Problems of Peace", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
33. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**
34. "Iran: Evolution of Islamic Rule", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
36. "The Contemporary Middle East" № 6, (collection of essays)
37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**
39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
40. "The Environment and Development in the Arab World", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
41. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
42. "The Contemporary Middle East" № 7, (collection of essays)
43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**

44. "Evolution of political Systems in the East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**
49. "The Contemporary Middle East" № 8, (collection of essays)
50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"
52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**
53. "Political Elite in the Middle East"
54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays)
(In cooperation with the Russian Academy of Natural Sciences)
55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**
56. "The Contemporary Middle East" № 9, (collection of essays)
57. "The Arab World: Islam and Reforms", (collection of essays)
58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays).
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**
60. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States"
by **V.Azatian and A.Tkachenko**
61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**
62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
64. "Islam and Policy" (collection of essays)
65. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**
66. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**
67. "The Contemporary Middle East" № 10, (collection of essays)
68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**
69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays)
In cooperation with the Academy of Geopolitics and Security
70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State Creation" by K.Polyakov and A.Hasyanov
71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**
72. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**
73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)
74. "The Contemporary Middle East" № 11, (collection of essays)
75. "Russia in the Middle East" (conference papers)
76. "Religious Extremism in Algeria" by **S.Babkin**
77. "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays)
In cooperation with the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
78. "The Contemporary Middle East" № 12, (collection of essays)

2002

79. "The Contemporary Middle East" № 13, (collection of essays)
80. "Turkish Economy under liberalization" by **N.Ultchenko**

81. "Muslims in the West" (collection of essays) (In cooperation with the Russian Academy of Natural Sciences)
82. "Oriental Records" № 3 (collection of essays)
83. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
84. "Egypt in the last third of the 20th Century" by **M.Vidiassova and M.Umerov**
85. "The Contemporary Middle East" № 14, (collection of essays)
86. "Taliban (the Religious and Political Profile)" by **R.Sikoev**
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
87. "Oriental Records" № 4 (collection of essays)
88. "Army and Power in the Middle East" (collection of essays)
89. "The Contemporary Middle East" № 15, (collection of essays)
90. "Turkey and USA: main Stages in Trade and Economic Cooperation" by **M.Guchanin**
91. "The Nuclear Program of Iran and Russian-American Relations" by **M.Zadonsky**
92. "The Contemporary Middle East" № 16, (collection of essays)

2003

93. "Oil and Gas in Egypt and Algeria on the Verge of Two Centuries." by **S.Bondarenko and A.Tkachenko**
94. "Electing Dictatorship: Why Palestinian Democratization Failed" by **D.Polisar**
95. "Russia-Turkey Relations: History, present State and Perspectives" (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa.

96. "An Everlasting Confrontation. Israel and the Arab World: Wars and Diplomacy" by **A.D.Epstein**
97. "Kuwait: Contours of Economic Changes" by **A.Filonik and V.Isaev**
98. "Islam, Islamism and nominal Democracy in Pakistan" by **O.Pleshov**.
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa.
99. "Iraq: First Results, Conclusions, Lessons" {collection of essays}.
100. "The Contemporary Middle East" № 17, (collection of essays)
101. "Radical Islamism in Egypt" by **M.Rajbadinov**
102. "Crisis in Iraq. International and Regional Context"
103. "Iran and CIS" (collection of essays)
104. "The Contemporary Middle East" № 18, (collection of essays)
105. "Saudi Arabia: Evolution of Regime and Possible Limits in Political Development" (collection of essays)
106. "Saudi Arabia External Policy" by **G.Kosach and E.Melkumyan**
107. "Syria at the Turn of the Centuries. Power and Politics" by **V.Ahmedov**
108. "Afghanistan and Neighboring Countries" (collection of essays)
109. "Egypt: Problems of National Security (1952–2002.)" by **V.Yurchenko**
110. "Oriental Records" № 5 (collection of essays)
111. "Russian-Saudi Relations: Problems and Perspectives" (collection of essays)
112. "Iraq under the American Administration: democratization or «vietnamization»"
113. "Arab-Israeli Conflict: Old Problems and New Plans" (collection of essays)

114. "The Economic Co-operation between Turkey and the Turkic States of the CIS" by **E.Urazova**
115. "The Contemporary Middle East" № 19, (collection of essays)
116. "The Contemporary Middle East" № 20, (collection of essays)
117. "Berbers of North Africa: Past and Present" by **M. Sergeev**
118. "Contemporary Jordan" by **A.Aganin and Z.Solovieva**.

2004

119. "The «Russians» and Power in the State of Israel" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**.
120. "Peaceful Settlement of the Palestine–Israeli Conflict: Three Years after Camp David and Taba Talks"(essays and documents) Edited by **Alek D. Epstein**
121. " Saudi Arabia: Search for Inner Harmony" by **A.Filonik and A.Vavilov**
122. "Algeria: Change of Priorities in Development" by **E.Mironova**
123. Analytical records. "Iraqi Crisis".
124. Analytical records. "Terrorism".
125. "Islam in Contemporary Orient. Region of Middle and Near East, South and Central Asia". (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.
126. "Weapon of Mass destruction in the Middle East" by **I.Novikov**
127. "Iran and Russia" (collections of essays)
128. "Officer Corps in the Middle Eastern States" (collections of essays)
- 129 Analytical records. "Russia and USA in the Middle East".
130. "The Contemporary Middle East" № 21, (collection of essays)

131. Analytical records. "Army, Weapon of Mass Destruction, Military and Technical Cooperation in the Middle East ".
132. Analytical records. "Problems of the Middle East".
133. "Kurdish Question at the turn of the Millennia"
134. "The Contemporary Middle East" № 22, (collection of essays)
135. "Turkey in the New Geopolitical Conditions (documents of the Round Table, March 2004)
136. Analytical records. "Israel and Arab-Israeli Conflict".
137. Analytical records. "Iran".
138. "Israel in the beginning of the XXI-th Century" by **A.Fedorchenko, O.Zaitzeva, D.Mariyasis**
139. "Contemporary Islamic East and European Countries" (collection of essays)
140. "National and Pan-Arab Components of the Syrian Policy in the Middle East (1946–2003)" by **I.Matveev**
141. "Problems of Social-economic Development of Lebanon (1970–2000)" by **A.Gasratian**
142. "Syria: problems of national security" by **V.Yurchenko**
143. "Palestine-Israeli conflict in the mirror of public opinion and international diplomacy" (collection of essays) Edited by **Alek D. Epstein.**
144. "Egyptian movement of «Muslim brothers»" by **M.Rajbadinov.**
145. "Afghanistan in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays).
146. "Oriental Records" № 6 (collection of essays)
147. "Iran after Elections" (documents of the Round Table, April 2004)

Internet: www.iimes.ru

Лицензия ИД № 05092 от 18.06.2001 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Б.В.Долгов

**ИСЛАМИСТСКИЙ ВЫЗОВ И АЛЖИРСКОЕ ОБЩЕСТВО
(1970–2004 гг.)**

Подписано в печать 17.12.2004 г.

Формат 60х90/16.

Печать офсетная

Бумага офсетная №1

Объем 17,5 уч. изд. л.

Тираж 800 экз. Тип. Зак. № 88

Типография ЗАО «АСТИ-ИЗДАТ»